

1
P-61

63

Родоначальники ПОЗИТИВИЗМА.

—◆—
Выпускъ первый.

Кантъ, Тюрго, Д'Аламберъ.

Переводъ I. А. ШАПИРО.

Съ предисловіемъ проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

—◆◆◆◆◆—
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ „БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ“.
1910.

въ 48 томахъ.

НОВЫЙ

Издатели:

Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ)

И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

Будетъ состоять изъ 48 томовъ, по 30 листовъ въ каждомъ, формата (около 1000 буквъ въ листъ); свыше пятисотъ тысячъ иллюстрацій.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОРЪ — ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИКЪ **К. К. АРСЕНЬЕВЪ**

РЕДАКТОРЫ ОТДѢЛОВЪ:

Проф. М. М. Ковалевскій	— политическія и юридическія науки.
Проф. В. Д. Бузьминъ-Караваевъ	
Проф. В. М. Нечаевъ	
Проф. М. Я. Пераментъ	
Проф. А. С. Посниковъ	— экономическія науки.
Проф. И. М. Гривъ	— историческія науки.
Акад. М. А. Дьяконовъ	
Проф. О. Ф. Зылинскій	
Проф. Н. И. Картевъ	
Проф. С. В. Рождественскій	
Проф. М. И. Ростовцевъ	— исторія литературы.
Проф. С. А. Венгеровъ	
Э. Д. Радловъ	— философія.
Проф. С. А. Жебелевъ	— изящныя искусства.
Д. И. Рихтеръ	— географія.
Проф. В. Т. Шевяковъ	— точныя и прикладныя науки.

РЕДАКТОРЫ ПОДОТДѢЛОВЪ:

Проф. Б. М. Кояловичъ	— математика.
Прив.-доц. В. В. Серафимовъ	— астрономія.
Проф. Н. А. Гезелусъ	— физика.
Доц. В. А. Ковалевскій	— землѣ.
Проф. Л. А. Чугаевъ	
Проф. П. А. Землячченскій	— минералогія и геологія.
Проф. В. И. Паладинъ	— ботаника.
Проф. А. С. Догель	— анатомія, физиологія и зоологія.
Прив.-доц. М. Н. Римскій-Корсаковъ	
Прив.-доц. О. Е. Туръ	— медицина.
Проф. В. М. Шимневичъ	
Проф. И. И. Мечниковъ	— астрономія.
Проф. О. Н. Чистовичъ	
Г. А. Клюевъ	— инж. и строит. искусство и пути сообщенія.
Инжен. А. С. Тавенбаумъ	
Инжен. В. А. Микеладзе	— военныя науки.
Воен. инж. С. А. Цабель	
Морск. инж. Р. М. Ловягинъ	— морское дѣло.

Привлекши въ составъ редакціи, какъ въ свое время и для нашего 86-томнаго Словаря, лучшія научныя и литературныя силы Россіи, издательство твердо надѣется, что „НОВЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ“ по равномерности распредѣленія матеріала, по ко всѣмъ насущнымъ вопросамъ жизни, составленныя работы къ этому изданію ведутся уже опредѣлить точный объемъ всего изданія.

по подпискѣ — 4 руб. за томъ въ переплетѣ и съ доставкой въ мѣсяцъ января 1911 года, допускается ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ

переплетѣ и съ пересылкой.

можно сообщить о своемъ желаніи (съ обыкновенною оплатой) въ редакцію „НОВЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ“ у БРОКГАУЗЪ и ЕФРОНЪ, СПБ., Прачешный, б.

я 1911 года, му тому.

28328
01501

К

ИЗДАНИЕ
ИСТОРИЯ
о нашихъ дней
(О).
НАРЪЕВА и С. Г. ЛОЗИНСКАГО
А. А. КОРНИЛОВЫМЪ.
вой бумага и 1 фототипія.
съ переплетомъ.

ДУПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА.

P-61 87.3/4/9-63 P61

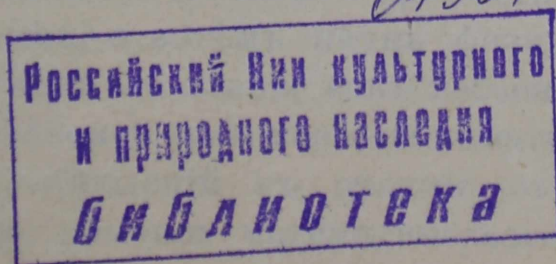
Родоначальники Позитивизма.

—◆—
Выпускъ первый.

Кантъ, Тюрго, Д'Аламберъ.

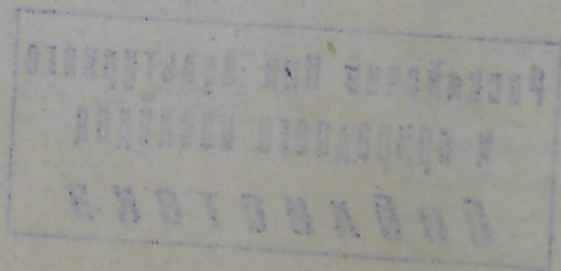
—◆—
Переводъ I. А. ШАПИРО.

Съ предисловіемъ проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ „БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ“.
1910.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Петербургъ, Прачешный пер., д. № 6.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ общимъ заглавіемъ „Родоначальниковъ позитивизма“ появляется сборникъ философскихъ разсужденій, изъ которыхъ каждому принадлежитъ опредѣленное мѣсто въ исторіи человѣческой мысли. Трактатъ Д'Аламбера „Очеркъ происхожденія и развитія наукъ“ послужилъ вступленіемъ къ „Великой Энциклопедіи“—этой первой попыткѣ обнять въ полной независимости отъ богословія всю сумму знаній, какими человѣчество располагало во второй половинѣ XVIII вѣка. Статья Д'Аламбера сразу опредѣлила характеръ всего изданія, предпринятаго имъ въ сообществѣ съ Дидро. Авторъ опредѣлялъ свою задачу, говоря: „Намъ предстоитъ прослѣдить родословную и связь нашихъ знаній, причины, которыя обусловили ихъ зарожденіе, и черты, которыя отличаютъ ихъ“. Если таково было содержаніе предпринятаго Д'Алабберомъ труда, то направленіе, въ какомъ онъ исполненъ, въ значительной степени опредѣляется слѣдующими словами первой главы: „Наши непосредственныя знанія сводятся къ тѣмъ, которыя мы воспринимаемъ чувствами, откуда слѣдуетъ, что всѣми нашими идеями мы обязаны нашимъ ощущеніямъ“. При самомъ изображеніи хода развитія наукъ Д'Алабберъ, какъ впоследствии Контъ, указываетъ на преимущество въ развитіи сперва наукъ математическихъ — ариѳметики, геометріи, алгебры и механики, а затѣмъ наукъ физико-математическихъ съ астрономіей во главѣ, какъ небесной механикой, и физики, опредѣляемой имъ какъ систематическое собраніе опытовъ и наблюденій въ отличіе отъ астрономіи, обходящейся безъ помощи математическаго метода,—положеніе, съ которымъ едва ли согласятся современные ревнители этой науки. Только-что указанными областями

знанія и завершается рядъ тѣхъ, которыя для Д'Аламбера обязаны своимъ возникновеніемъ непосредственнымъ ощущеніямъ, и не удивительно, такъ какъ до Лавуазье химія еще не существовало, а біологія являлась только въ зачаточномъ видѣ въ той описательной наукѣ, одни зародыши которой можно найти у Бюффона. Если Д'Аламберу пришлось отмѣтить, такимъ образомъ, самымъ своимъ молчаніемъ оцѣломъ рядъ абстрактныхъ знаній, вошедшихъ впослѣдствіи въ скалу наукъ, установленную Контомъ, ограниченность тѣхъ предѣловъ, какими исчерпывалось въ его время положительное знаніе, то ему же пришло впервые на мысль объединить наши свѣдѣнія по филологіи и исторіи, по литературѣ и искусству, въ одну общую науку о человѣкѣ. Эта наука содержитъ въ себѣ и логику, и грамматику, и этику, въ свою очередь, включающую такъ названную имъ естественную юриспруденцію, или, что то же, философію права, экономику и политику. Естественную юриспруденцію Д'Аламберъ опредѣляетъ какъ науку объ обязанностяхъ отдѣльнаго человѣка; экономику—какъ науку объ обязанностяхъ человѣка въ семьѣ; политику—какъ науку объ обязанностяхъ человѣка въ обществѣ. Но такъ какъ обязанности существуютъ не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для обществъ, то Д'Аламберъ признаетъ еще естественную юриспруденцію, экономику и политику обществъ или, какъ мы сказали бы, народовъ или государствъ; подъ ними разумѣется и то, что мы понимаемъ подъ ученіемъ о торговой политикѣ и міровомъ обмѣнѣ, и то, что нынѣ обнимается терминомъ „международнаго права“. Очевидно, что наука о человѣкѣ въ схемѣ Д'Аламбера болѣе отвѣчаетъ понятію соціологіи, чѣмъ антропологіи. Творецъ „Энциклопедіи“ еще далекъ, разумѣется, отъ той мысли, что эта наука о человѣкѣ и человѣческихъ обществахъ должна войти въ число наукъ положительныхъ, вполне отрѣшившихся отъ всякой зависимости по отношенію къ богословію и метафизикѣ. Эта истина будетъ признана только послѣдующими мыслителями — не столько Кондорсэ и Сень-Симономъ, сколько Огюстомъ Контомъ. Важно то, что Д'Аламберомъ уже признана необходимость объединенія

тѣхъ разрозненныхъ знаній—филологическихъ, историческихъ, экономическихъ и юридиико-политическихъ въ одну общую науку, имѣющую своей задачей разностороннее выясненіе духовной жизни человѣка и общества. Этимъ онъ является однимъ изъ родоначальниковъ современной соціологической школы и одновременно піонеромъ въ дѣлѣ построенія исторіи развитія знаній, т.-е. въ равной мѣрѣ предшественникомъ Конта и Спенсера, прежде же всего прямымъ учителемъ Кондорсэ съ его „Очеркомъ прогресса человѣческаго разума“.

Если для соціологіи и въ частности для теоріи поступательнаго хода человѣчества разсужденіе Д'Аламбера имѣетъ отдаленное значеніе, то въ прямомъ отношеніи къ обоимъ стоятъ небольшіе трактаты Тюрго, включенные въ составъ настоящаго сборника. И Кондорсэ, и Сень-Симонъ, и Огюсть Контъ, не прочь признать то значеніе, какое для ихъ пониманія историческихъ судебъ человѣчества имѣлъ небольшой трактатъ Тюрго, озаглавленный „Послѣдовательные успѣхи человѣческаго разума“. Разсужденіе это заключаетъ въ себѣ не болѣе какъ лекцію, прочитанную знаменитымъ министромъ - реформаторомъ въ Сорбоннѣ 11 декабря 1750 г., т.-е. почти одновременно съ выходомъ въ свѣтъ великаго трактата Монтескье „О Духѣ законовъ“,— трактата, съ которымъ авторъ „Положительной философіи“ связываетъ до нѣкоторой степени зарожденіе самой науки объ обществѣ и объ управляющихъ имъ законахъ—„этихъ необходимыхъ отношеній, вытекающихъ изъ самой природы вещей“. Мысли, выраженные въ этой лекціи, отчасти были развиты и дополнены въ позднѣйшемъ разсужденіи Тюрго о „Прогрессѣ исторіи“. И то, и другое сочиненіе, впервые появляются на русскомъ языкѣ въ настоящемъ сборникѣ. Послѣднее включаетъ въ себѣ особый отдѣлъ, озаглавленный „Прогрессъ человѣческаго разума“. Самое уже заглавіе его говоритъ о томъ, что Тюрго раньше Кондорсэ вполне признавалъ поступательный ходъ знанія и приводилъ въ соотношеніе съ нимъ и ростъ самого человѣчества. У Тюрго же въ упоминаемомъ разсужденіи впервые можно встрѣтить зародышъ и того закона трехъ пре-

емственныхъ стадій развитія человѣческаго мышленія, который положенъ Огюстомъ Контъ въ основу его соціологіи. На это обстоятельство впервые указано было еще Литрэ. „Прежде чѣмъ понять связь, существующую между физическими явленіями, естественно было предположить, — пишетъ Тюрго, — что они производятся разумными существами, невидимыми и подобными намъ; все, что совершилось безъ прямого участія людей, относимо было на счетъ божества; страхъ или ожиданіе выгодъ побудили къ отправленію культа въ его честь; культъ же этотъ построенъ былъ по образцу тѣхъ почестей, какія отдавали людямъ смѣлымъ... Когда философы признали абсурдомъ всѣ эти сказки, не пріобрѣтши въ то же время прочныхъ знаній насчетъ природы и естественныхъ явленій, они вздумали объяснять причину послѣднихъ такими отвлеченными понятіями, какъ сущность или свойство; понятія эти не заключали въ себѣ ничего реальнаго: сущности признаваемы были за своего рода живыя существа; они являлись новыми богами, пришедшими на смѣну старыхъ. Число свойствъ, отмѣчаемыхъ философами, постепенно было размножено, такъ какъ каждое явленіе пожелали объяснить особымъ свойствомъ; много времени прошло прежде, чѣмъ было отмѣчено механическое взаимодействіе между тѣлами, и, на основаніи этихъ наблюденій, построены были гипотезы, далѣе развитыя математикой и подвергнутыя экспериментальной провѣркѣ“. Кто прочтетъ внимательно этотъ отрывокъ, несомнѣнно согласится съ нами, что въ немъ уже скрывается зародышъ той основной теоремы, которую Контъ положилъ въ основу своей теоріи прогресса, — я разумѣю признанный имъ переходъ отъ богословскаго сперва къ метафизическому, а затѣмъ къ научному мышленію.

Третій изъ печатаемыхъ въ сборникѣ трактатовъ принадлежитъ Иммануилу Канту. Онъ сталъ извѣстенъ творцу позитивизма уже послѣ обнародованія имъ въ 1822 году „Плана научныхъ работъ, необходимыхъ для переустройства общества“. Содержаніе его передано было Контъ его пріателемъ д'Эшталемъ, принадлежавшимъ къ числу тѣхъ учениковъ и послѣдователей Сень-Симона, въ ряду кото-

рыхъ въ это время можно было найти и будущаго автора „Положительной философіи“. Въ отвѣтъ на присылку ему д'Эшталемъ въ переводѣ Кантовой „Идеи всеобщей исторіи“, появившейся еще въ 1784 году, Контъ пишетъ 10 декабря 1824 года: „Я всегда смотрѣлъ на Канта какъ на очень сильный умъ, какъ на метафизика, всего ближе подошедшаго къ положительной философіи. Чтеніе сдѣланнаго вами перевода только усилило и точнѣе опредѣлило мое высокое представленіе о немъ. Если бы Кондорсэ знакомъ былъ съ его разсужденіемъ, чего я не думаю, то за нимъ мудро было бы признать большую заслугу въ дѣлѣ установленія идеи прогресса... Что же касается меня самого, то, читавъ трактатъ Канта, я не признаю за собой иной заслуги, кромѣ той, что мною приведены въ систему мысли, ранѣе меня высказанныя, но оставшіяся мнѣ неизвѣстными. Единственный шагъ впередъ, сдѣланный мною, состоитъ, какъ мнѣ кажется, въ открытіи закона о прохожденіи человѣческимъ мышленіемъ трехъ стадій: теологической, метафизической и научной. Мнѣ кажется, что эта мысль могла бы быть положена въ основу труда, выполненіе котораго рекомендуетъ Кантъ. Я благословляю въ настоящую минуту недостаточность моей эрудиціи. Вѣдь если бы я раньше былъ знакомъ съ разсужденіями Канта, моя работа много потеряла бы въ цѣнѣ своей въ моихъ собственныхъ глазахъ. Мнѣ стала понятной теперь причина, по которой первая часть моего сочиненія не можетъ имѣть для нѣмецкихъ философовъ, какъ вы и пишете, большого значенія“ (очевидно, благодаря той встрѣчѣ въ основныхъ мысляхъ съ Кантомъ, о которой упомянуто въ текстѣ письма *).

Прочитавъ снова трактатъ Канта въ русскомъ переводѣ, я вынесъ то впечатлѣніе, что авторъ „Положительной философіи“ въ своей оцѣнкѣ оказался преувеличенно скромнымъ. Въ „Разсужденіи“ Канта пріятно поражаетъ только общая ему съ Руссо увѣренность, что будущее человечества неразрывно связано съ созданіемъ своего рода амфиктіонійскаго союза между государствами, обезпечивающаго

*) Письмо Конта отпечатано было впервые Литра. См. 2-е изд. его книги «Огюсть Контъ и положительная философія», годъ 1864-й, стр. 156.

возможность мирнаго ихъ развитія. Его седьмое положеніе гласить: „проблема созданія совершеннаго гражданскаго устройства стоитъ въ тѣсной зависимости отъ установленія закономѣрныхъ порядковъ въ политическихъ отношеніяхъ націй. Какъ бы фантастична ни казалась мысль о великомъ международномъ союзѣ, — говоритъ Кантъ, развивая далѣе свое положеніе, — какъ бы ни высмѣивалась она въ лицѣ аббата Сень-Пьера или Руссо, она, тѣмъ не менѣе, является необходимымъ выходомъ изъ того положенія, въ которое люди взаимно толкаютъ другъ друга... Всѣ войны являются только попытками создать новыя и лучшія отношенія между государствами или замѣнить существующія политическія тѣла новыми, болѣе приспособленными къ мирному общежитію“. Какъ ни желательно наступленіе такихъ порядковъ, но нельзя сказать, чтобы Кантомъ обоснована была мысль объ ихъ неизбежности. Его „Идея всемірной исторіи“ не отправляется отъ изученія конкретныхъ историческихъ данныхъ, а является апріорнымъ построеніемъ; это признаетъ самъ авторъ, защищаясь противъ обвиненія въ намѣреніи вытѣснить своимъ разсужденіемъ исторію, покоящуюся на разборѣ эмпирическихъ данныхъ. Онъ желалъ только показать, что „есть возможность для человѣка, весьма свѣдущаго въ исторіи“, построить то, что впоследствии стали обозначать терминомъ общей теоріи прогресса или соціальной динамики.

Наиболѣе цѣнную часть Кантовой „Идеи всеобщей исторіи“ составляетъ, разумѣется, признаніе, что человѣческіе поступки, подобно всякому другому явленію природы, опредѣляются общими естественными законами. Къ этой мысли приводитъ его установленный еще въ XVII в. Пэтти и его ближайшими предшественниками фактъ, что браки, рожденія и кончины, представляютъ извѣстное постоянство. Но еще ранѣе Канта Монтескье высказалъ ту же мысль, говоря, что „законы—необходимыя отношенія, вытекающія изъ самой природы вещей“ и что такимъ законамъ подчинены не только явленія природы, но и явленія общественности.

Въ своей совокупности отпечатанныя въ первомъ выпускѣ „Разсужденія“ могутъ считаться предпосылкой къ

великому трактату Кондорсэ „О прогрессѣ человѣческаго разума“. Не у итальянца Вика съ его теоріей „ricorsi“, т.-е. прохожденія человѣчествомъ на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ повторныхъ стадій развитія, нашель Кондорэ руководящую нить для своего смѣлаго построенія; если онъ остановился на мысли о безостановочномъ прогрессѣ человѣческаго разума, то потому, что эта мысль уже являлась необходимымъ выводомъ изъ тѣхъ быстрыхъ успѣховъ положительнаго знанія, свидѣтелями которыхъ въ XVII в. былъ еще Паскаль, а въ XVIII—ближайшіе пріатели и учителя Кондорсэ,—Д'Аламберъ и Тюрго. Паскалю поступательное развитіе человѣчества уже казалось аналогичнымъ тому явленію, какое представилъ бы изъ себя „индивидъ, постоянно живущій и постоянно накаплиющій новыя и новыя свѣдѣнія“. Эту же мысль выражаетъ и Тюрго въ своей гипотезѣ перехода отъ богословскаго толкованія природныхъ явленій къ метафизическому и научному. Мысль Паскаля составляетъ основу и Кантова утвержденія: „природные задатки, лежащіе въ пользованіи человѣкомъ своимъ разумомъ, развиваются полностью не въ индивидѣ, а въ родѣ“ (второе положеніе „Идеи всеобщей исторіи“).

Какъ ни значительны заслуги этихъ первыхъ начинателей обществовѣдѣнія какъ науки, но одного сопоставленія ихъ сочиненій не только съ тремя послѣдними томами „Положительной философіи“ Огюста Конта, но и съ третьей тетрадью написаннаго имъ въ сообществѣ съ Сень-Симономъ „Катехизиса промышленниковъ“ вполне достаточно, чтобы показать, какимъ ускореннымъ ходомъ пошла соціологическая мысль въ первой четверти протекшаго столѣтія. Для всякаго, интересующагося развитіемъ соціологіи, появленіе на русскомъ языкѣ „Катехизиса промышленниковъ“ должно быть признано поэтому въ высшей степени желательнымъ, и я напередъ привѣтствую его во второмъ выпускѣ издаваемаго сборника „Родоначальники позитивизма“.

Максимъ Ковалевскій.

1.

Иммануиль Кантъ.

Идея всеобщей исторіи.

ВВЕДЕНІЕ *).

Какого бы понятія ни составить себѣ метафизически о свободѣ воли, необходимо, однако, признать, что проявленія послѣдней, человѣческіе поступки, подобно всякому другому явленію природы, опредѣляются общими естественными законами. Исторія, занимающаяся изученіемъ этихъ проявленій—какъ бы глубоко ни были скрыты ихъ причины—позволяетъ думать, что, если бы она разсматривала всю совокупность человѣческой дѣятельности, то могла бы открыть ея законмѣрный ходъ; и то, что въ глазахъ единичнаго человѣка представляется запутаннымъ и неправильнымъ, можно было бы признать, по отношенію ко всему роду человѣческому, какъ неизмѣнно поступательное, хотя медленное, развитіе его первичныхъ способностей. Такъ, браки, обусловливаемые ими рожденія и смерти, на которыя свободная воля человѣка имѣетъ столь большое вліяніе, кажутся неподчиненными никакому правилу, на основаніи котораго можно было бы напередъ математически опредѣлить ихъ число. Между тѣмъ, ежегодныя таблицы этихъ событий въ большихъ странахъ показываютъ, что они также протекаютъ согласно постояннымъ законамъ природы, какъ тѣ столь измѣнчивыя погоды, которыя въ единичныхъ случаяхъ нельзя заранѣе опредѣлить, но которыя въ общемъ, тѣмъ не менѣе, непрерывно и равномѣрно поддерживаютъ произрастаніе злаковъ, теченіе рѣкъ и другія явленія природы. Отдѣльныя личности и даже цѣлыя народы мало думаютъ о томъ, что, когда они, каждый по своему усмотрѣнію и часто въ ущербъ другимъ, преслѣдуютъ свои собственныя цѣли, то въ своемъ поступательномъ движеніи, сами того не вѣдая, идутъ, точно за путеводной звѣздой, по пути, предназначенному природой, и способствуютъ исполненію тѣхъ задачъ, которыя, если бы они ихъ узнали, оказались бы для нихъ даже мало пригодными.

Такъ какъ люди въ своихъ стремленіяхъ дѣйствуютъ въ общемъ не исключительно, какъ животныя, инстинктивно, но также не какъ разумные граждане міра, сообразно предварительно разработанному плану, то кажется, что и не можетъ быть о нихъ планомѣрной исторіи (въ родѣ какъ о пчелахъ или бобрахъ). Нельзя отдѣлаться отъ нѣкотораго неудовольствія, когда видишь ихъ образъ дѣйствій въ большомъ міровомъ масштабѣ. Временами тамъ и сямъ обнаруживающаяся мудрость единичной личности тонетъ въ цѣломъ, сотканномъ, въ конечномъ счетѣ, изъ глупости, ребяческаго тщеславія, часто также изъ ребяческой злобы и страсти къ разрушенію. И, въ концѣ концовъ, не знаешь, какое себѣ составить понятіе о нашемъ родѣ, столь убѣжденномъ въ своихъ преимуществахъ. Для философа здѣсь

---

*) Настоящая статья Канта, какъ и слѣдующая (Предполагаемое начало исторіи человечества) переведены съ нѣмецкаго. Изд. Hartenstein, Лейпцигъ, 1867 г.

не остается другого исхода, какъ отказаться отъ мысли найти у людей и въ совокупности ихъ поступковъ какую-нибудь разумную собственную цѣль и попытаться открыть въ этомъ бессмысленномъ ходѣ человѣческой дѣятельности предначертаніе природы, на основаніи котораго о существахъ, дѣйствующихъ безъ собственного замысла, была бы все-таки возможна исторія согласно опредѣленному плану природы.

Мы хотимъ посмотрѣть, удастся ли намъ найти путеводную нить для такой исторіи, и предоставить тогда природѣ произвести того человѣка, который былъ бы въ состояніи ее написать. Такъ, она создала Кеплера, подчинившаго неожиданнымъ образомъ эксцентрическіе пути звѣздъ точнымъ законамъ, и Ньютона, объяснившаго эти законы общей естественной причиной.

Первое положеніе.

Всѣ естественныя способности существа предназначены однажды совершенно и цѣлесообразно развиться. Внѣшнее, какъ и внутреннее, или анатомическое наблюденіе надъ всѣми животными это подтверждаетъ. Органъ, не имѣющій примѣненія, устройство, не достигающее своей цѣли, являются противорѣчіемъ въ телеологическомъ ученіи о природѣ. Ибо, если мы отказываемся отъ этихъ основоположеній, то имѣемъ не закономѣрно, но безцѣльно дѣйствующую природу; и безутѣшный случай становится на мѣсто руководства разума.

Второе положеніе.

Въ человѣкѣ (какъ въ единственномъ разумномъ существѣ на землѣ) природныя задатки, покоящіеся на пользованіи разумомъ, развиваются полностью не въ индивидуумѣ, а въ родѣ. Разумъ является для существа способностью расширять за предѣлы природнаго инстинкта цѣли и правила употребленія всѣхъ его силъ и не знаетъ границъ своимъ стремленіямъ. Но онъ самъ вліяетъ не инстинктивно, а требуетъ упражненія и обученія, дабы отъ одной ступени предвидѣнія мало-по-малу подняться на слѣдующія. Поэтому, каждому человѣку нужно было бы неумѣренно долго жить для того, чтобы научиться, какимъ образомъ болѣе полно использовать свои естественныя дарованія; или, если природа установила только краткій срокъ для его земного существованія (какъ это въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто), то ей нуженъ, быть-можетъ, необозримый рядъ поколѣній, которыя послѣдовательно передавали бы другъ другу свое просвѣщеніе, дабы, наконецъ, довести ея задатки въ нашемъ родѣ до той степени развитія, которая вполне соотвѣтствуетъ ея намѣреніямъ. И этотъ конечный моментъ долженъ, по крайней мѣрѣ, въ идеѣ человѣка, быть цѣлью его стремленій, ибо иначе природныя способности должны были бы большей частью разсматриваться какъ бесполезныя и безцѣльныя, что упразднило бы всѣ практическіе принципы и

въ силу этого позволило бы заподозрить природу, мудрость которой должна служить основаніемъ въ устройствѣ всѣхъ остальныхъ явленій въ томъ, что только съ чело-вѣкомъ она сыграла дѣтскую игру.

Третье положеніе.

Природа хотѣла, чтобы человѣкъ все то, что лежитъ за предѣлами механическаго устройства его животнаго существованія, всецѣло произвелъ бы изъ себя и раздѣлялъ бы только то счастье и благосостояніе, которое онъ самъ создастъ, независимо отъ инстинкта, посредствомъ своего собственнаго разума.

Природа не дѣлаетъ ничего лишняго и не расгочительна въ пользованіи средствами для своихъ цѣлей. Такъ какъ она дала человѣку разумъ и покоящуюся на немъ свободную волю, то это было уже яснымъ указаніемъ ея намѣренія въ отношеніи надѣленія его качествами. Она именно хотѣла, чтобы онъ не былъ руководимъ инстинктомъ или обезпеченъ и наученъ прирожденными знаніями, но чтобы онъ скорѣе все произвелъ изъ себя. Нахожденіе крова, внѣшней безопасности и защиты (для чего она не дала ему ни бычачьихъ роговъ, ни львиныхъ когтей, ни собачьихъ зубовъ, но просто руки), всѣ развлеченія, могущія сдѣлать жизнь пріятной, даже его предусмотрительность и умъ, и даже доброта его воли—все это должно быть исключительно дѣломъ его рукъ. Она, кажется, здѣсь сама пожелала соблюдать чрезвычайную бережливость, и ея животное надѣленіе такъ скупое, такъ строго расчитано на необходимѣйшія потребности начинающагося существованія, точно она хотѣла, чтобы человѣкъ, когда онъ отъ первичной дикости возвысится до величайшей искусности, до внутренняго совершенства образа мыслей (поскольку это возможно на землѣ) и въ силу этого достигнетъ полнаго счастья,—чтобы онъ только самъ собралъ плоды своихъ трудовъ и былъ бы обязанъ ими только самому себѣ. Похоже на то, что она имѣла въ виду скорѣе его разумное само уваженіе, чѣмъ его благосостояніе. Ибо на этомъ пути человѣка ждутъ неисчислимыя затрудненія. Но кажется, что именно поэтому природѣ нужно было заботиться совсѣмъ не о наилучшемъ устройствѣ его жизни, а о доставленіи ему возможности достигнуть такой степени совершенства, когда онъ, благодаря своему поведенію, сдѣлается достойнымъ жизни и благоденствія. При этомъ остается всегда страннымъ, что старшія поколѣнія появляются только для того, чтобы свое трудное дѣло завѣщать слѣдующимъ за ними,—именно, чтобы приготовить ступень, отъ которой послѣднія могли бы возводить выше зданіе, предначертанное природой, и чтобы только позднѣйшія имѣли счастье жить въ немъ, въ этомъ зданіи, ради котораго работали длинный рядъ предшественниковъ (хотя, конечно, не намѣренно), лишенныхъ возможности раздѣлять подготовленное ими счастье. Однако, какъ этотъ порядокъ ни кажется загадочнымъ, онъ является столь же необходимымъ, если разъ навсегда признать, что одаренныя разумомъ животныя, которыя, какъ классъ разумныхъ существъ, смертны, но родъ которыхъ безсмертенъ, должны однажды все-таки достигнуть полнаго развитія своихъ способностей.

Четвертое положеніе.

Средство, которымъ природа пользуется для того, чтобы довести до надлежащаго состоянія развитіе всѣхъ своихъ дарованій—это антагонизмъ послѣднихъ въ обществѣ, постольку, поскольку онъ, въ концѣ концовъ, самъ становится причиной ихъ закономѣрнаго порядка.

Подъ антагонизмомъ я разумѣю здѣсь недоброжелательную общительность людей, т.-е. ихъ склонность вступать въ общество, связанную, однако, со сплошнымъ противодѣйствіемъ, угрожающимъ обществу разложеніемъ. Эта способность выпукло выступаетъ въ человѣческой природѣ. Человѣкъ имѣетъ склонность общаться съ себѣ подобными; ибо въ такомъ состояніи онъ себя чувствуетъ больше, чѣмъ человѣкомъ, т.-е. чувствуетъ развитіе своихъ природныхъ дарованій. Но ему также присуще сильное стремленіе уединиться (изолироваться); ибо онъ въ себѣ равнымъ образомъ находитъ необщительное свойство—желаніе дѣлать все по своему усмотрѣнію—и въ силу этого ожидаетъ отовсюду сопротивленія, такъ какъ онъ по себѣ знаетъ, что со своей стороны склоненъ противодѣйствовать другимъ. Именно это сопротивленіе пробуждаетъ всѣ силы человѣка, заставляетъ его преодолѣть природную лѣнь и, подъ вліяніемъ побужденій честолюбія, властолюбія или жадности, создать себѣ положеніе среди своихъ ближнихъ, которыхъ онъ не можетъ терпѣть, но безъ которыхъ онъ въ то же время не можетъ обойтись. Здѣсь начинаются первые истинные шаги отъ невѣжества къ культурѣ, которая собственно состоитъ въ общественной цѣнности человѣка. Здѣсь всѣ таланты мало-по-малу развиваются, вкусъ образовывается, и, благодаря успѣхамъ просвѣщенія, создается даже начало для основанія образа мыслей,—начало, которое примитивная естественная способность къ нравственному различенію можетъ современемъ превратить въ практическіе принципы и такое патологически-вынужденное общее согласіе къ жизни въ обществѣ, въ концѣ концовъ, претворить въ моральное цѣлое. Безъ этихъ самихъ по себѣ несимпатичныхъ свойствъ, порождающихъ противодѣйствіе,—на которое каждый неизбежно долженъ натолкнуться при своекорыстныхъ пріобрѣтеніяхъ,—при совершенномъ согласіи, умѣренности и взаимной любви, въ этой жизни аркадскихъ пастуховъ, всѣ таланты остались бы сокрытыми въ ихъ зародышахъ; люди, столь же кроткіе, какъ пасомыя ими овцы, едва ли сдѣлали бы свое существованіе болѣе достойнымъ, чѣмъ существованіе ихъ домашнихъ животныхъ; они не наполнили бы пустоту творенія въ отношеніи его цѣли, какъ разумной природы. Поэтому, да будетъ благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соревнующее тщеславіе, за ненасытное желаніе имѣть, а также господствовать! Безъ нихъ превосходнѣйшія природныя дарованія человѣчества прозябали бы всегда неразвитыми. Человѣкъ хочетъ согласія, но природа лучше знаетъ, что для его рода хорошо; она хочетъ раздора. Онъ желаетъ жить въ покоѣ и умѣренности, но природа желаетъ, чтобы онъ вышелъ изъ состоянія безпечности и бездѣятельнаго довольства и отдался труду и страданіямъ, чтобы такимъ путемъ найти

средство разумнаго избавленія отъ нихъ. Такимъ образомъ, естественныя побудительныя причины, источники недоброжелательства и всепроникающаго противодействія, обусловливающія столько бѣдствій, но безпрестанно побуждающія также человека къ новому напряженію силъ и, слѣдовательно, къ большому развитію естественныхъ способностей, прекрасно измѣняютъ устройство разумнаго творца; и здѣсь отнюдь не участвовала рука злого духа, который бы этотъ порядокъ кое-какъ состряпалъ въ своей чудесной мастерской или изъ зависти испортилъ.

Пятое положеніе.

Величайшая проолема для человѣческаго рода, къ разрѣшенію которой его принуждаетъ природа, — это достиженіе всеобщаго правового гражданскаго общежитія.

Такъ какъ только въ обществѣ—и именно въ такомъ, въ которомъ членамъ предоставляется наибольшая свобода, а слѣдовательно, не создается препятствій развитію всепроникающаго антагонизма и въ которомъ въ то же время границы этой свободы опредѣлены и обеспечены наиболѣе точно и полно, дабы она могла сосуществовать со свободой другихъ—такъ какъ только въ такомъ обществѣ можетъ быть достигнуто высшее предначертаніе природы—развитіе всѣхъ ея дарованій, заложенныхъ въ человѣчествѣ,—то природа хочетъ, чтобы эту цѣль, какъ и всѣ другія предначертенныя ему цѣли, оно само осуществило. И такое общество, въ которомъ свобода подъ охраной внѣшнихъ законовъ сочетается въ наивысшей степени съ непреодолимымъ принужденіемъ, т.-е. совершенное правовое гражданское устройство должно быть высшей задачей природы для человѣческаго рода, ибо природа только посредствомъ разрѣшенія и выполненія послѣдней можетъ достигнуть съ нашимъ родомъ остальныхъ своихъ намѣреній. Сверхъ того, вступать въ это состояніе неволи заставляетъ людей, столь склонныхъ къ безудержной свободѣ, очень часто нужда; и именно величайшая изъ всѣхъ, именно та, которую люди другъ другу сами причиняютъ,—нужда, обусловленная наклонностями людей, не могущихъ въ дикой свободѣ долго уживаться совмѣстно. Однако, внутри такой ограды, какъ гражданскій союзъ, эти самыя человѣческія стремленія оказываютъ впослѣдствіи наилучшія вліянія, подобно деревьямъ въ лѣсу, которыя, именно потому, что каждое старается отнять у другого солнце и воздухъ, взаимно вынуждаются искать этихъ благъ все выше и, стремясь въ высь, пріобрѣтаютъ красивый и прямой ростъ; между тѣмъ какъ деревья, растущія на свободѣ, вдали другъ отъ друга, производятъ свои стволы, какъ попало, и вырастаютъ низкими, корявыми и кривыми. Вся культура и искусство, украшающія человѣчество, наилучшее общественное устройство суть плоды недоброжелательства, которое въ силу собственной природы неизбѣжно должно само дисциплинировать себя и такимъ образомъ, посредствомъ вынужденнаго искусства, развить въ совершенствѣ наши естественныя дарованія.

Шестое положеніе.

Эта проблема наиболѣе трудная и вмѣстѣ съ тѣмъ позднѣе всякой другой разрѣшается человѣческимъ родомъ.

Трудность, которую уже ясно показываетъ одна идея этой задачи, состоитъ въ слѣдующемъ: человѣкъ есть животное, которое, живя совмѣстно съ другими представителями своего рода, нуждается въ господинѣ. Ибо онъ несомнѣнно злоупотребляетъ своей свободой по отношенію къ своимъ ближнимъ; и если онъ, какъ разумное существо, открыто желаетъ имѣть законы, которые точно указали бы границы свободы, то его животная своекорыстная склонность побуждаетъ его, гдѣ это ему нужно, самого себя исключать. Ему, такимъ образомъ, необходимъ господинъ, который сломилъ бы его собственную волю, заставляя его подчиняться общепризнанной волѣ, проявленіе которой никому не препятствуетъ быть свободнымъ. А гдѣ можетъ онъ найти себя этого повелителя? Только въ своей же средѣ. Но этотъ избранникъ точно также животное, нуждающееся въ господинѣ. Итакъ, какъ бы онъ ни поступалъ въ данномъ случаѣ,—поручить ли онъ верховную власть одному или собранію многихъ избранныхъ для этой цѣли людей,—невозможно предвидѣть, какъ онъ создастъ себя главу публичнаго правосудія, который былъ бы самъ справедливъ. Въдъ каждый облеченный властью будетъ злоупотреблять своей свободой, когда онъ самъ не будетъ подчиненъ никакому закономѣрному авторитету. А вождь долженъ быть самъ по себѣ справедливымъ и въ то же время человѣкомъ. Эта задача поэтому труднѣйшая изъ всѣхъ, ея совершенное разрѣшеніе даже невозможно; изъ столь нестройнаго лѣса, какъ тотъ, который представляетъ собой человѣчество, нельзя сдѣлать ничего прямого. Только приближеніе къ этой идеѣ природа сдѣлала для насъ доступнымъ ¹⁾.

Что эта проблема подлежить разрѣшенію позднѣе всѣхъ, вытекаетъ еще изъ того, что для этого требуется правильное понятіе о природѣ возможнаго государственнаго устройства, большой, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ пріобрѣтенный опытъ и, сверхъ всего этого, добрая воля, подготовленная принять такой порядокъ вещей. А сочетаніе этихъ трехъ элементовъ совершается чрезвычайно трудно и могло бы имѣть мѣсто лишь очень поздно, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ.

Седьмое положеніе.

Проблема созданія совершеннаго гражданскаго устройства находится въ зависимости отъ задачи установленія закономѣрныхъ внѣшнихъ политическихъ отношеній и безъ разрѣшенія послѣдней не можетъ быть разрѣшена.

¹⁾ Роль человѣка, такимъ образомъ, весьма искусственна. Какъ обстоитъ дѣло съ обитателями другихъ планетъ и ихъ природы, мы не знаемъ; но, если бы мы это порученіе природы хорошо выполнили, то могли бы себя утѣшать тѣмъ, что среди нашихъ сосѣдей во вселенной имѣли бы право занять не послѣднее положеніе. Можетъ быть, у нихъ каждый индивидуумъ въ теченіе своей личной жизни достигаетъ полностью своего предназначенія. У насъ не такъ; только родъ можетъ на это надѣяться.

Что толку работать въ цѣляхъ закономѣрнаго гражданскаго устройства отдѣльныхъ людей, т.-е. въ интересахъ упорядоченія общественнаго существа? Та же недоброжелательность, которая побуждаетъ людей объединяться, является также причиной, благодаря которой каждый общественный организмъ во внѣшнихъ отношеніяхъ, т.-е. какъ государство въ отношеніи къ другимъ государствамъ, остается въ безудержной свободѣ; слѣдовательно, они должны ожидать другъ отъ друга такихъ же несправедливостей, какъ тѣ, которыя притѣняютъ отдѣльныхъ людей и заставляютъ ихъ вступать въ закономѣрное гражданское состояніе. Природа, такимъ образомъ, опять использовала человѣческую неуживчивость даже большихъ обществъ и государственныхъ тѣлъ, этихъ своего рода существъ, какъ средство, чтобы на почвѣ неизбѣжнаго антагонизма послѣднихъ создать состояніе покоя и безопасности; другими словами, она посредствомъ войнъ и напряженнаго, никогда не ослабѣвающаго подготовленія къ нимъ, посредствомъ нужды, которая въ силу этого должна даже въ мирное время ощущаться внутри каждаго государства, побуждаетъ сначала къ несовершеннымъ попыткамъ, но, наконецъ, послѣ многихъ опустошеній, разрушеній и даже сплошнаго внутренняго истощенія силъ, къ тому, что разумъ могъ бы подсказать и безъ столь глубоко-печальнаго опыта, именно: выйти изъ состоянія беззаконія дикихъ и вступить въ союзъ народовъ, гдѣ каждое, даже самое маленькое государство могло бы ожидать своей безопасности и правъ не отъ своихъ собственныхъ слабыхъ силъ, или собственнаго правильнаго сужденія, но исключительно отъ великаго народнаго союза (*Foedus Amphictyonum*), отъ объединенной мощи и отъ рѣшенія согласно законамъ объединенной воли.

Какъ бы фантастической ни казалась эта идея и какъ бы она ни высмѣивалась въ лицѣ аббата Сенъ-Пьера или Руссо (можетъ быть, потому, что они вѣрили въ слишкомъ близкое ея осуществленіе), это, однако, неизбѣжный выходъ изъ нужды, въ которую люди взаимно другъ друга толкаютъ и которая заставляетъ государства принять именно то рѣшеніе (съ какими бы трудностями это для нихъ ни было сопряжено), къ которому дикій человѣкъ былъ точно также вынужденъ поневолѣ прибѣгнуть, именно: пожертвовать своей животной свободой и искать покоя и безопасности въ закономѣрномъ государственномъ устройствѣ.

Съ этой точки зрѣнія всѣ войны являются только многочисленными попытками (правда, не вслѣдствіе намѣренія человѣка, но по замыслу природы) довести до надлежащаго состоянія новыя отношенія между государствами и посредствомъ разрушенія или, по меньшей мѣрѣ, подавленія всѣхъ образовать новыя тѣла, которыя, однако, опять—либо въ силу внутренняго разлада, либо вслѣдствіе внѣшнихъ международныхъ распрей—не могутъ продолжать свое существованіе и потому должны претерпѣвать новые аналогичные перевороты до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, отчасти благодаря возможно наилучшему внутреннему устройству гражданскаго общежитія, отчасти же благодаря внѣшнему международному законодательству и взаимнымъ договорамъ государствъ, не будетъ достигнуто состояніе, которое, подобно гражданскому общественному организму, сможетъ, какъ автоматъ, самостоятельно существовать.

Въ какой бы плоскости мы ни разсматривали этотъ вопросъ: будемъ ли ожидать этотъ конечный результатъ отъ эпикурейскаго стеченія производящихъ

причинъ, благодаря которымъ государства, какъ мельчайшія частицы матеріи, въ силу ихъ случайнаго столкновенія, будутъ подвергаться всевозможнымъ образованіямъ, которыя вслѣдствіе новыхъ столкновеній вновь будутъ разрушены, пока, наконецъ, одно изъ подобныхъ образованій случайно когда-нибудь удастся и сохранить свою форму (счастливый случай, на который врядъ ли можно сколько-нибудь рассчитывать!); будемъ ли допускать, что природа осуществляетъ здѣсь предначертанный точный планъ—возвести нашъ родъ постепенно отъ низшаго животнаго до наивысшаго человѣческаго состоянія, именно, посредствомъ собственнаго, хотя и вынужденнаго, искусства человѣка—и въ этомъ кажущемся дикомъ безпорядкѣ развивается вполнѣ правильно свои изначальныя дарованія; или пожелаемъ лучше принять, что въ итогѣ отъ совокупности всѣхъ этихъ вліяній и противовліяній людей вообще ничего, по крайней мѣрѣ разумнаго, не можетъ произойти, что все останется, какъ было раньше, и что поэтому нельзя заранѣе сказать, не подготовить ли намъ, въ концѣ концовъ, несогласіе, столь естественное для нашего рода, еще въ подобномъ нашему нравственномъ состояніи, адъ кромѣшный, полный страданій, именно тѣмъ, что человѣчество, быть можетъ, само это состояніе и всѣ достигнутые до настоящаго времени успѣхи культуры вновь уничтожить варварскимъ опустошеніемъ (судьба, противъ которой, при господствѣ слѣпнаго случая, нельзя устоять и которая на дѣлѣ, если ей не приписать тайнаго руководящаго намѣренія, связаннаго съ мудростью природы, то же, что и анархическая свобода!); — во всякомъ случаѣ, невольно напрашивается вопросъ: разумно ли признавать устройство природы цѣлесообразнымъ въ частяхъ и безцѣльнымъ въ цѣломъ?

Итакъ, то, что совершаетъ безначальное состояніе дикаго, задерживающее развитие всѣхъ природныхъ способностей нашего рода, но, въ концѣ концовъ, черезъ бѣдствія, которыя оно ему причиняетъ, заставляющее его выйти изъ этого состоянія и вступить въ закономѣрное гражданское общежитіе, гдѣ всѣ естественные зародыши могли бы развиваться,—то же самое дѣлаетъ и варварская свобода уже образовавшихся государствъ, именно: вслѣдствіе употребленія всѣхъ силъ общественнаго существа на вооруженіе, вслѣдствіе опустошеній, вызываемыхъ войной, еще въ большей степени въ силу необходимости быть всегда къ ней готовымъ,—хотя совершенное развитіе природныхъ дарованій и задерживается въ своемъ поступательномъ ходѣ,—бѣдствія, отсюда вытекающія, въ союзѣ съ благотворнымъ взаимнымъ противодѣйствіемъ многихъ сосѣднихъ государствъ, обусловленнымъ ихъ свободой, принуждаютъ нашъ родъ найти законъ равновѣсія и объединенную силу для поддержанія его авторитета, слѣдовательно, создать всеобщее состояніе публичной государственной безопасности.

Это состояніе не является, однако, необходимо устойчивымъ, ибо, при отсутствіи всякой опасности, силы человѣчества были бы усыплены. Но оно безусловно должно быть основано на принципѣ равенства взаимныхъ вліяній и противовліяній государствъ, дабы усиленіе одного на счетъ другихъ не могло имѣть мѣста.

До совершенія этого послѣдняго шага, образованія союза государствъ, слѣдовательно, почти на полпути къ ея полному совершенствованію, человѣческая природа претерпѣваетъ наиболѣе тяжелыя испытанія при кажущемся внѣшнемъ

благополучіи. И Руссо не былъ совсѣмъ неправъ, ставя примитивное состояніе выше культурнаго; ибо такое мнѣніе невольно создается, коль скоро упускаютъ изъ виду послѣднюю ступень, на которую нашему роду еще предстоитъ подняться. Мы въ высокой степени просвѣщены искусствомъ и наукой. Мы до излишества цивилизованы въ отношеніи всевозможныхъ общественныхъ учтивостей и приличій. Но для того, чтобы считать насъ нравственно совершенными, намъ еще многого недостаетъ. Ибо идея нравственности относится еще къ культурѣ; но примѣненіе этой идеи, которое выражается нравственнымъ элементомъ въ честолюбіи и внѣшней пристойности, сводится на нѣтъ цивилизаціей. Покуда государства тратятъ всѣ свои силы на достиженіе своихъ суетныхъ и насильственныхъ завоевательныхъ стремленій и въ силу этого непрерывно затрудняютъ медленную работу внутренняго совершенствованія образа мыслей своихъ гражданъ, лишая ихъ даже всякаго содѣйствія въ этомъ направленіи,—никакого нравственнаго улучшенія нельзя ожидать. Для этого необходима долгая внутренняя обработка каждаго общественнаго существа, дабы сдѣлать его способнымъ воспитать своихъ гражданъ. А все доброе, которое не покоится на нравственно-добромъ убѣжденіи, одна только видимость и позлащенная нищета. Въ такомъ положеніи родъ человѣческій останется до тѣхъ поръ, покуда онъ не выйдетъ, указаннымъ нами путемъ, изъ хаотическаго состоянія своихъ государственныхъ отношеній.

Восьмое положеніе.

Исторію человѣческаго рода въ цѣломъ можно разсматривать, какъ выполненіе тайнаго плана природы—осуществить внутреннее—и для этой цѣли также внѣшнее—совершенное государственное устройство, какъ единственное состояніе, въ которомъ она можетъ наиболѣе полно развить всѣ ея дарованія, заложенныя въ человѣчествѣ.

Это положеніе есть слѣдствіе предыдущаго. Мы видимъ, что философія также можетъ имѣть свой хиліазмъ, но такой, для проведенія котораго ея идея можетъ оказать, хотя весьма отдаленное, но вѣрное содѣйствіе и который все же не менѣе фантастиченъ, чѣмъ религіозный.

Вопросъ только въ томъ, открываетъ ли опытъ что-нибудь о такомъ ходѣ предначертанія природы. Я говорю что-нибудь; ибо этотъ круговой оборотъ долженъ, кажется, потребовать для своего завершенія столь много времени, что изъ той малой части, которую человѣчество прошло въ этомъ направленіи, можно такъ же неувѣренно составить себѣ представленіе обо всемъ пути и объ отношеніи части къ цѣлому, какъ на основаніи всѣхъ произведенныхъ до настоящаго времени небесныхъ наблюденій опредѣлить движеніе, совершаемое нашимъ солнцемъ совмѣстно со всѣмъ множествомъ своихъ спутниковъ въ великой системѣ неподвижныхъ звѣздъ, несмотря на то, что общее основаніе истематическаго устройства вселенной и незначительное количество уже сдѣланныхъ наблюденій все же достаточно убѣдительно, чтобы заключить о дѣйствительности такого круговаго обращенія. Къ тому же, въ силу свойственной человѣку пытливости, онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ даже къ отдален-

вѣйшей эпохѣ, въ которую еще будетъ существовать нашъ родъ, если она можетъ быть съ увѣренностью ожидаема. Въ особенности, въ нашемъ случаѣ она можетъ насъ тѣмъ болѣе интересовать, что мы могли бы, кажется, посредствомъ нашего собственнаго разумнаго устройства приблизить наступленіе этого столь радостнаго для нашихъ потомковъ момента. Поэтому, для насъ самихъ весьма важны слабыя признаки его приближенія.

Въ настоящее время государства находятся уже въ такомъ искусственномъ взаимномъ состояніи, что ни одно не можетъ отстать во внутренней культурѣ безъ того, чтобы не потерять въ силѣ и вліяніи по сравненію съ другими. Такимъ образомъ, сохраненіе этой цѣли природы, гдѣ этому не способствуютъ успѣхи просвѣщенія, все-таки надлежащимъ образомъ обеспечивается даже честолюбивыми стремленіями государствъ. Далѣе, гражданская свобода теперь точно также не можетъ быть нарушена безъ того, чтобы послѣдствія такого акта не отразились вредно на всемъ хозяйствѣ страны, и въ особенности на торговлѣ, а въ силу этого государство не можетъ не почувствовать ослабленія своего международнаго значенія. Эта свобода постепенно прогрессируетъ. Когда препятствуютъ гражданину устроить свое благополучіе наиболѣе желательнымъ ему самому способомъ, который долженъ быть совмѣстимъ со свободой другихъ, то этимъ самымъ лишаютъ жизненности всеобъемлющее производство и опять-таки уменьшаютъ силы цѣлаго. Поэтому, ограниченіе личности въ ея дѣятельности все болѣе упраздняется, всеобщая свобода вѣроисповѣданія все болѣе распространяется. И, такимъ образомъ, мало-по-малу, преодолевая заблужденія и причуды, возникаетъ просвѣщеніе, какъ великое благо, которое человѣческой родъ извлекаетъ даже изъ своекорыстнаго стремленія увеличивать свое господство, если онъ только понимаетъ свою собственную выгоду.

Но это просвѣщеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и извѣстное сердечное участіе, которое просвѣщенный человѣкъ не можетъ не принять въ добрѣ, которое онъ вполне понимаетъ, должно постепенно подниматься вплоть до трона и имѣть вліяніе даже на принципы государственнаго управленія. Хотя, напримѣръ, наши міровые повелители теперь не находятъ свободныхъ средствъ для открытія общедоступныхъ воспитательныхъ учрежденій и, въ особенности, для всего того, что касается общаго блага, ибо все поглощается военными бюджетами въ ожиданіи грядущей войны,—они, тѣмъ не менѣе, увидятъ свою собственную выгоду въ томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не препятствовать самостоятельнымъ посильнымъ стараніямъ своихъ народовъ въ этомъ направленіи. Наконецъ, сама война постепенно становится не только искусственной и сомнительной по ея исходу для обѣихъ враждующихъ сторонъ, но,—въ виду болѣзненныхъ послѣдствій, которыя государства испытываютъ подъ давленіемъ постоянно растущаго долгового бремени (новое открытіе), платежи по которому не поддаются учету,—также сознательнымъ предпріятіемъ, причемъ вліяніе, которое разстройство каждаго государства оказываетъ въ нашей, благодаря своей промышленности, столь тѣсно спаянной части свѣта, на другія государства, такъ замѣтно, что послѣднія, движимыя угрожающей имъ самимъ опасностью, обращаются, правда, не систематически, къ третейскому суду. И, такимъ образомъ, постепенно и исподволь подготавливаются будущія великія государственныя тѣла, примѣра которыхъ мы не находимъ въ древнемъ мірѣ.

Хотя въ настоящее время подобное государственное тѣло представляется въ весьма еще грубыхъ очертаніяхъ, тѣмъ не менѣе, всѣ члены, имѣющіе въ будущемъ его составить, уже какъ-будто проникаются сознаниемъ необходимости въ интересахъ каждаго сохраненія цѣлаго. И это обстоятельство позволяетъ надѣяться, что послѣ многихъ насильственныхъ преобразованій, наконецъ, осуществится то, что природа намѣтила своей высшей цѣлью,—именно, всеобщее міровое гражданское состояніе, какъ лоно, въ которомъ всѣ первичныя способности человѣческаго рода полностью разовьются.

Девятое положеніе.

Философская попытка обработать всеобщую міровую исторію согласно плану природы, предполагающему совершенное гражданское объединеніе человѣческаго рода, должна разсматриваться, какъ возможная и даже полезная для этого замысла природы.

Правда, составлять исторію, исходя изъ идеи, что извѣчныя міровыя событія должны были бы происходить въ опредѣленномъ порядкѣ, если бы они совершались сообразно извѣстнымъ разумнымъ цѣлямъ, является страннымъ и, повидимому, нелѣпымъ намѣреніемъ; кажется, что на такомъ фундаментѣ можно построить только романъ. Если же, однако, нужно допустить, что природа даже въ проявленіяхъ человѣческой свободы дѣйствуетъ не безъ плана и конечныхъ предначертаній, то эта идея могла бы вѣдь весьма пригодиться; и если мы теперь слишкомъ близоруки для того, чтобы проникнуть взоромъ въ тайный механизмъ ея устройства, то, руководствуясь этой идеей, мы могли бы все-таки беспорядочное сцѣпленіе человѣческихъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ, въ цѣломъ, представить, какъ систему. Ибо, если начать отъ греческой исторіи, какъ отъ той, благодаря которой всякая другая, болѣе древняя или современная ей, могла быть сохранена, или, по меньшей мѣрѣ, удостоверена¹⁾; если прослѣдить вліяніе грековъ на образованіе и уродованіе государственнаго тѣла римскаго народа, поглотившаго греческое государство, и вліяніе римлянъ на варваровъ, въ свою очередь разрушившихъ могущество Рима, и такъ далѣе вплоть до нашего времени, причемъ, однако, государственную исторію другихъ народовъ—поскольку свѣдѣнія о нихъ мало-по-малу дошли до насъ именно черезъ эти просвѣщенные націи—разсматривать, какъ эпизодъ, то для нашей части свѣта (которая, вѣроятно, явится законодательницей для всѣхъ другихъ) будетъ открытъ правильный ходъ улучшенія государственнаго устройства.

1) Только образованное общество, которое съ момента своего зарожденія до нашего времени непрерывно существовало, можетъ удостовѣрить древнюю исторію. За предѣлами этого общества все—*terra incognita*, и исторія народовъ, жившихъ внѣ его сферы вліянія, можетъ начаться только съ того времени, когда они въ нее вступили. Это случилось съ еврейскимъ народомъ въ эпоху Птоломеевъ, благодаря греческому переводу Библии, безъ котораго придавали бы мало значенія ихъ изолированнымъ сообщеніямъ. Отсюда (когда это начало предварительно разузано) можно слѣдовать далѣе за ихъ разказами. И такъ со всѣми другими народами. Первая страница Эукилида, говоритъ Юмъ, единственное начало всѣхъ истинныхъ исторій.

Если при этомъ, далѣе, повсемѣстно обращать вниманіе только на гражданскую организацію, на ея законы и внѣшнія политическія отношенія,—постольку, поскольку эти учрежденія, благодаря своимъ достоинствамъ, въ теченіе долгаго времени способствовали возвышенію и облагораживанію народовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, также развитію наукъ и искусствъ, вслѣдствіе же свойственныхъ имъ пороковъ обусловливали ихъ новое паденіе, однако, такъ, что всегда оставался зародышъ просвѣщенія, который, развиваясь все болѣе послѣ каждого переворота, подготавливалъ высшую ступень культуры,—то, какъ я полагаю, будетъ найдена путеводная нить, которая сможетъ послужить не только для объясненія столь неясной картины человѣческой дѣятельности или для политическаго разгадыванія будущихъ государственныхъ измѣненій (польза, которую уже нѣкогда извлекли изъ исторіи человѣчества, когда ее разсматривали, какъ несвязное вліяніе произвольной свободы), но (на что, не предполагая плана природы, нельзя рассчитывать) также для поднятія завѣсы съ будущаго. Она дастъ утѣшительную и бодрящую надежду, позволяя проникать взоромъ въ отдаленнѣйшую отъ насъ эпоху, гдѣ человѣческій родъ представляется достигшимъ, наконецъ, того состоянія, когда всѣ его природные задатки могутъ полностью развиваться и его назначеніе на землѣ можетъ быть выполнено.

Такое оправданіе природы или, вѣрнѣе, Провидѣнія является далеко не маловажною побудительной причиною избрать особую точку зрѣнія въ разсматриваніи міра. Ибо, что толку прославлять великолѣпіе и мудрость творенія въ неразумномъ царствѣ природы и внушать благоговѣніе къ нему, когда часть великой картины проявленія высшей мудрости, являющаяся цѣлью всего творенія—исторія человѣческаго рода—должна остаться, напротивъ, непрерывнымъ противорѣчіемъ, которое заставляетъ насъ невольно отворачивать отъ нея глаза, причемъ сомнѣніе найти здѣсь когда-либо конечное разумное намѣреніе приводитъ насъ къ мысли, что разгадать эту тайну можно надѣяться только въ загробномъ мірѣ?

Предположеніе, что я этой идеей міровой исторіи, имѣющей, нѣкоторымъ образомъ, путеводную нить аргіогі, хотѣлъ вытѣснить обработку чисто эмпирически составляемой исторіи въ собственномъ смыслѣ слова, было бы невѣрнымъ истолкованіемъ моего намѣренія. Это только мысль о томъ, что философскій умъ (который, кромѣ того, долженъ былъ бы быть весьма свѣдущъ въ исторіи) могъ бы попытаться сдѣлать, отправляясь отъ другой точки зрѣнія. Сверхъ того, эта нѣкогда превозносимая обстоятельность, которой отличаются и новѣйшія работы по современной исторіи, естественно должна навести cadaго на размышленія о томъ, какъ наши позднѣйшіе потомки начнутъ разрабатывать громоздкій историческій матеріалъ, который мы имъ такимъ образомъ, спустя нѣсколько вѣковъ, могли бы оставить. Безъ сомнѣнія, въ исторіи древнѣйшаго времени, свѣдѣнія о которомъ должны будутъ для нихъ быть издавна забытыми, они будутъ цѣнить только то, что представитъ для нихъ непосредственный интересъ, именно, что сдѣлали или уничтожили народы и правительства въ міровомъ смыслѣ. А возможность обратить на это вниманіе честолюбивыхъ верховныхъ правителей государствъ, равно какъ ихъ подчиненныхъ, дабы направить ихъ къ единственному средству оставить о себѣ неувыдаемую славную память, можетъ еще кромѣ того послужить маленькимъ толчкомъ для попытки создать такую философскую исторію.

II.

Иммануилъ Кантъ.

Предполагаемое начало исторіи
человѣчества.

НАЧАЛО ИСТОРИИ.

Дѣлать предположенія относительно развитія исторіи, дабы заполнить пробѣлы въ свѣдѣніяхъ, конечно, допустимо; ибо предшествующее, какъ отдаленная причина, и послѣдующее, какъ слѣдствіе, могутъ служить вполне вѣрной путеводной нитью для открытія промежуточныхъ причинъ, которыя сдѣлали бы понятнымъ переходъ. Однако, исторія, составленная исключительно изъ предположеній, будетъ, кажется, не болѣе цѣнна, чѣмъ проектъ романа. И это произведеніе могло бы носить имя не предполагаемой исторіи, но просто вымысла. Равнымъ образомъ, то, къ чему въ исторіи человѣческой дѣятельности рискованно подойти, именно первоначальное начало послѣдней, можно попытаться, поскольку его дѣлаетъ природа, объяснить гипотезами. Ибо это начало не пришлось бы выдумывать, оно могло бы быть выведено изъ опыта, если предположить, что первоначальные человѣческіе поступки были не лучше и не хуже, чѣмъ совершаемые теперь,—предположеніе, сообразное съ аналогіей природы и не содержащее въ себѣ ничего рискованнаго. Поэтому, исторія первоначальнаго развитія свободы изъ ея зародыша въ человѣческой природѣ является чѣмъ-то совершенно другимъ, чѣмъ исторія свободы въ ея проявленіяхъ,—исторія, которая можетъ быть основана только на свѣдѣніяхъ. Сверхъ того, такъ какъ предположенія не могли бы претендовать на полное къ нимъ довѣріе и, во всякомъ случаѣ, должны были бы представляться, какъ вольный плодъ воображенія, руководствующагося въ своихъ комбинаціяхъ разумомъ, и разсматриваться, какъ средство для пробужденія и питанія ума, отнюдь не какъ серьезное дѣло,—то они также не могли бы соперничать съ той исторіей, которая относительно этихъ самыхъ событій принимается, какъ фактическія сообщенія, изслѣдованіе которыхъ покоится на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ начала чистой натурфилософіи. Въ силу этого, а также потому, что я здѣсь предпринимаю просто увеселительную прогулку, я долженъ заручиться разрѣшеніемъ пользоваться священнымъ документомъ, какъ картой, и вообразить себѣ, что мой путь, который я совершаю на крыльяхъ фантазіи, хотя не безъ путеводной нити, связанной изъ разума и опыта, пойдетъ какъ разъ по той линіи, которая въ этомъ документѣ исторически начертана. Читатель откроетъ страницы послѣдняго (книга 1-ая Моисеева, глава II—VI) и шагъ за шагомъ прослѣдитъ, совпадаетъ ли путь, тамъ указанный, съ тѣмъ, который философія избираетъ на основаніи понятій.

Дабы не затеряться въ массѣ предположеній, должно начать съ факта, предшествующія естественныя причины котораго недоступны пониманію человѣческаго разума, т. е. съ существованія человѣка; и именно зрѣлаго возраста, ибо

онъ долженъ быть лишень материнскаго ухода. Мы находимъ его живущимъ въ парѣ, дабы онъ могъ воспроизводиться; и также въ одной парѣ, ибо, если бы люди жили близко другъ около друга, оставаясь чуждыми, возникла бы тотчасъ война. Это послѣднее условіе необходимо также для того, чтобы природа не обвинялась, что она допустила погрѣшность въ искуснѣйшемъ приготовленіи къ общительности, какъ величайшей цѣли человѣческаго назначенія; такъ какъ единство семейства, откуда должны происходить все люди, было, безъ сомнѣнія, наилучшимъ устройствомъ. Я помѣщаю эту пару въ мѣстѣ, защищенномъ отъ нападенія хищныхъ звѣрей и богато снабженномъ природой всеми предметами питанія, какъ бы въ саду, гдѣ во всякое время года климатъ мягокъ и нѣженъ. И, что еще важнѣе, я разсматриваю ее лишъ послѣ того, какъ она уже сдѣлала значительный шагъ въ искусности пользоваться своими силами, и начинаю, такимъ образомъ, не съ совершенной дикости человѣческой природы; ибо, если бы я хотѣлъ заняться заполненіемъ этихъ пробѣловъ, которые, вѣроятно, обнимаютъ большой періодъ времени, то для читателя предположенія легко могли бы показаться слишкомъ многочисленными, правдоподобными же лишъ немногія.

Итакъ, первый человѣкъ умѣлъ стоять и ходить; онъ могъ говорить (1-я книга Моисеева, глава II, ст. 20 ¹⁾); онъ умѣлъ также разговаривать, т.-е. говорить согласно связнымъ понятіямъ (ст. 23), слѣдовательно, мыслить. Я допускаю далѣе, что онъ уже научился чисто искуснымъ приѣмамъ, которые онъ самъ долженъ изобрѣтать (ибо, если бы они были врожденными, то были бы также наследственными, что, однако, опровергается опытомъ), и обращаю исключительно вниманіе на развитіе нравственнаго элемента въ его поступкахъ,—элемента, который эта искусность необходимо предполагаетъ.

Инстинктъ, этотъ гласъ Божій, къ которому прислушиваются все животныя, долженъ вначалѣ одинъ только руководить новичкомъ. Нѣкоторые предметы онъ разрѣшаетъ ему для питанія, другіе запрещаетъ (III, 2, 3). Нѣтъ, однако, необходимости допустить, что эту роль выполнялъ особый, теперь утерянный, инстинктъ; это могло быть просто чувство обонянія, родственное съ органомъ вкуса, и, въ связи съ извѣстной близостью послѣдняго къ органамъ пищеваренія, какъ бы способность предчувствовать годность или негодность пищи къ употребленію, подобно испытываемымъ еще теперь ощущеніямъ. Это чувство не нужно даже предполагать у первой пары болѣе острымъ, чѣмъ оно нынѣ у насъ; ибо достаточно извѣстно, какое различіе въ силѣ ощущенія наблюдается между людьми, которые

¹⁾ Склонность общаться должна была вначалѣ побудить человѣка, пребывавшаго въ одиночествѣ, сдѣлать извѣстнымъ свое существованіе другимъ живымъ тварямъ, въ особенности животнымъ, издающимъ звуки, которые онъ могъ передавать и которые затѣмъ могли служить именами для этихъ существъ. Подобное вліяніе этой склонности наблюдается также у дѣтей и слабоумныхъ субъектовъ, которые посредствомъ визга, крика, свиста, пѣнія и другихъ шумныхъ занятій (часто также посредствомъ подобныхъ выраженій благоговѣнія) нарушаютъ покой мыслящихъ людей. Ибо я не вижу здѣсь никакой другой побудительной причины, кромѣ желанія далеко и широко вокругъ себя дать знать о своемъ существованіи.

заняты исключительно своими чувствами, и тѣми, которые отдаются также своимъ мыслямъ, и, слѣдовательно, удаляются отъ своихъ ощущеній.

Покуда неопытный человѣкъ прислушивался къ этому голосу природы, онъ чувствовалъ себя хорошо. Но разумъ скоро начинаетъ пробуждаться и посредствомъ сравненія потребляемаго съ тѣмъ, что ему представляетъ подобнымъ другое чувство, отличное отъ того, съ которымъ инстинктъ былъ связанъ, въ родѣ чувства зрѣнія—стремится расширить познаніе средствъ питанія за предѣлы инстинкта (III, 6). Эта попытка могла бы случайно еще хорошо кончиться, хотя бы инстинктъ этому не содѣйствовалъ, если бы онъ также не противодействовалъ. Но разумъ можетъ помощью воображенія создавать желанія не только при отсутствіи соотвѣтственной естественной склонности, но даже вопреки послѣдней,—желанія, которыя вначалѣ клеймятся именемъ похотливости, откуда, однако, мало-по-малу возникаетъ цѣлое множество лишнихъ и даже противоестественныхъ потребностей подъ названіемъ роскоши. Поводъ дѣйствовать независимо отъ природныхъ побужденій могъ быть незначителенъ, но успѣхъ первой попытки,—именно, познаніе своего разума какъ способности, могущей вывести его изъ узкихъ границъ, въ которыхъ заключены всѣ животныя, былъ очень важенъ и имѣлъ рѣшающее значеніе для образа жизни. Такимъ образомъ, если даже это былъ только плодъ, видъ котораго соблазнялъ вслѣдствіе сходства его съ другими уже отвѣданными пріятными вещами; если это желаніе усиливалось еще нѣкоторымъ примѣромъ животныхъ, природа которыхъ была приспособлена къ такому питанію, въ то время, какъ человѣку оно, напротивъ, было вредно; если, слѣдовательно, здѣсь дѣйствовалъ сопротивляющійся себѣ естественный инстинктъ,—то разумъ могъ уже дать первый толчекъ возмутиться велѣніемъ природы (III, 1) и, не взирая на ея противодействіе, сдѣлать первый опытъ свободнаго выбора, который, какъ первый, вѣроятно, не оправдалъ ожиданій. Вредъ, обусловленный этимъ поступкомъ, могъ быть какъ угодно малъ, онъ, тѣмъ не менѣе, открылъ человѣку глаза (ст. 7). Онъ узнаетъ, что обладаетъ способностью избирать себѣ образъ жизни по своему усмотрѣнію и что онъ не связанъ, подобно другимъ животнымъ, къ разъ установленному порядку. За минутнымъ удовольствіемъ, которое это замѣченное преимущество могло ему доставить, должны были тотчасъ послѣдовать страхъ и тревога: какъ ему, не знающему еще ни одной вещи относительно ея скрытыхъ свойствъ и отдаленныхъ причинъ, примѣнять на дѣлѣ свою вновь открытую способность? Онъ какъ бы стоялъ на краю пропасти; ибо, вмѣсто единичныхъ предметовъ своихъ желаній, которые ему до сихъ поръ указывалъ инстинктъ, онъ вдругъ увидѣлъ эти предметы въ безконечномъ количествѣ, а въ выборѣ ихъ онъ еще нисколько не могъ оріентироваться; и изъ этого однажды испытаннаго состоянія свободы ему теперь равнымъ образомъ невозможно было вновь возвратиться въ положеніе зависимости (при господствѣ инстинкта).

Послѣ инстинкта питанія, посредствомъ котораго природа поддерживаетъ существованіе cadaго индивидуума, важнѣйшимъ является инстинктъ пола, помощью котораго она пользуется для сохраненія всякаго вида. Разумъ, однажды пробудившійся, не замедляетъ оказать свое вліяніе также на этотъ послѣдній. Человѣкъ вскорѣ замѣчаетъ, что половое возбужденіе, покоящееся у животныхъ на преходя-

щемъ, большей частью, періодическомъ влеченіи, способно у него принять характеръ болѣе длительный и даже болѣе интенсивный, благодаря воображенію, которое поддерживаетъ эту эмоцію, правда, съ большей умѣренностью, но въ то же время тѣмъ продолжительнѣе и равномернѣе, чѣмъ предметъ чувства болѣе удаленъ, и что въ силу этого избѣгается пресыщеніе, являющееся необходимымъ послѣдствіемъ полного удовлетворенія чисто животной потребности. Фиговый листъ (ст. 7) былъ, такимъ образомъ, продуктомъ гораздо болѣе широкаго распространенія разума, чѣмъ то, которое имѣло мѣсто на первой стадіи его проявленія. Ибо сдѣлать склонность болѣе глубокой и болѣе длительной путемъ удаленія изъ нея предмета чувства доказываетъ, что разумъ созналъ нѣкоторую свою власть надъ природными стремленіями, что онъ уже не считаетъ себя, какъ при первомъ своемъ шагѣ, только способностью оказывать послѣднимъ услуги въ большемъ или меньшемъ объемѣ. Сопротивленіе было волшебнымъ искусствомъ, создавшимъ, сначала только въ человѣкѣ, но затѣмъ также въ природѣ, переходъ отъ чисто чувственного влеченія къ идеальному, отъ чисто животной потребности мало-по-малу къ любви, отъ ощущенія просто пріятнаго къ пониманію красоты. Скромность, склонность посредствомъ хорошаго поведенія (сокрытие того, что могло бы вызвать презрѣніе) внушать другимъ къ себѣ уваженіе, какъ необходимое основаніе всякой дѣйствительной общительности, дали, кромѣ того, первый намекъ къ воспитанію человѣка, какъ нравственнаго существа. Незамѣтное начало,—сдѣлавшее, однако, эпоху тѣмъ, что указало совершенно новое направленіе образу мышленія,—важнѣе, чѣмъ слѣдующій за нимъ цѣлый необозримый рядъ завоеваній культуры.

Третій шагъ разума, послѣ того какъ онъ вмѣшался въ первыя непосредственно ощущаемыя потребности, сказался въ разсудочномъ ожиданіи будущаго. Эта способность,—не только наслаждаться настоящимъ моментомъ, но приблизить къ себѣ также очень часто весьма отдаленное время,—является рѣшительнѣйшимъ признакомъ человѣческихъ преимуществъ, такъ какъ позволяетъ ему подготовиться, соотвѣтственно своему назначенію, къ отдаленнымъ цѣлямъ, но, равнымъ образомъ, также къ неисчерпаемому источнику заботъ и огорченій, которыя порождаетъ неизвѣстное будущее и отъ которыхъ животныя избавлены (ст. 13—19). Мужчина, которому нужно было прокормить себя, свою жену и будущихъ дѣтей, чувствовалъ все возрастающую тягость своего труда; жена предвидѣла страданія, которымъ природа подчинила ея полъ, если еще и не тѣ заботы, которыя болѣе сильный мужъ могъ бы на нее возложить. Оба они со страхомъ созерцали, послѣ жизни, полной злосключеній, на заднемъ планѣ картины то, что случится безъ исключенія со всѣми животными, не тревожа ихъ, именно смерть. И они точно готовы упрекать и считать преступникомъ разумъ, пользованіе которымъ причинило имъ всѣ эти бѣды. Мысль жить для потомства, которое, можетъ быть, устроится лучше, или, въ качествѣ членовъ семьи, облегчить ихъ труды, была, пожалуй, для нихъ единственной утѣшительной и бодрящей надеждой (ст. 16—20).

Четвертый и послѣдній шагъ, который сдѣлалъ разумъ, совершенно поднимающій человѣка надъ уровнемъ животнаго состоянія, выразился въ сознаніи человѣка (хотя только смутномъ), что онъ собственно является цѣлью природы и что все живущее на землѣ не можетъ выставить противъ него соперника. Когда

онъ въ первый разъ сказалъ овцѣ: твою шерсть, которой ты покрыта, природа дала тебѣ не для тебя, но для меня, снялъ ее съ нея и одѣлъ на себя (ст. 21), онъ понялъ тогда присущее ему, въ силу своей природы, преимущество надъ всѣми животными, которыхъ онъ отнынѣ разсматриваетъ не какъ соучастниковъ въ мірѣ, но какъ предоставленныя его волѣ средства и орудія для достиженія угодныхъ ему намѣреній. Эта идея заключаетъ въ себѣ (хотя смутно) мысль обратнаго положенія, что ничего подобнаго онъ не можетъ сказать ни одному человѣку, но долженъ считать всѣхъ людей имѣющими равныя права въ раздѣленіи благъ природы,—мысль, исподволь подготавливающая его къ ограниченіямъ, которыя разумъ, въ интересахъ его ближнихъ, въ будущемъ наложитъ на его волю и которыя для устройства общества гораздо болѣе необходимы, чѣмъ расположеніе и любовь.

Итакъ, человѣкъ вступилъ въ отношенія равенства со всѣми разумными существами, къ какому бы классу они ни принадлежали (III, 22), въ силу своего безусловнаго желанія самому быть цѣлью, встрѣчать со стороны всякаго другого именно такую оцѣнку и не быть употребляемымъ просто какъ средство для цѣлей другихъ. Именно здѣсь, а не въ разумѣ, гдѣ человѣкъ разсматривается просто какъ орудіе для удовлетворенія разнообразныхъ склонностей, лежитъ основаніе этого столь неограниченнаго равенства людей; даже высшія существа, которыя природными дарованіями могли бы превосходить обыкновенныхъ смертныхъ противъ всякаго сравненія, не вправѣ властвовать надъ послѣдними и распоряжаться ими по произволу. Поэтому, этотъ шагъ равнымъ образомъ связанъ съ оставленіемъ материнскаго лона природы, вызвавшимъ въ жизни человѣка измѣненіе, правда, весьма достойное, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно опасное,—когда беззаботное состояніе дѣтства для него окончилось и природа точно выгнала его изъ сада, гдѣ онъ былъ безъ всякаго труда обезпеченъ всѣмъ (ст. 23), и толкнула его въ обширный міръ, гдѣ его ожидаетъ столько тревогъ, горестей и незнакомыхъ страданій. Впослѣдствіи тягости жизни будутъ его часто прельщать раемъ, плодомъ его воображенія, гдѣ онъ могъ бы въ спокойной бездѣятельности или постоянномъ душевномъ мирѣ продремать или провести свое земное существованіе. Но между нимъ и этимъ мѣстомъ блаженства становится неутомимый разумъ, побуждающій его къ развитію заложенныхъ въ немъ способностей и не позволяющій ему возвратиться въ состояніе невѣжества и наивности, изъ котораго онъ его вывелъ (ст. 24). Онъ склоняетъ его терпѣливо переносить ненавистный ему трудъ, гоняться за презираемымъ имъ призрачнымъ блескомъ и забыть, кромѣ всѣхъ мелкихъ вещей, утраты которыхъ онъ еще болѣе боится, даже ужасающую его смерть.

Замѣчаніе.

Согласно этому изложенію первоначальной человѣческой исторіи, выходъ человѣка изъ предоставленнаго ему разумомъ перваго убѣжища его рода не что иное, какъ переходъ изъ дикости чисто животнаго существованія въ состояніе человѣчности, отъ хожденія на ходуляхъ инстинкта къ руководству разумомъ,—однимъ сло-

вомъ, переходъ изъ-подъ опеки природы въ состояніе свободы. Вопросъ о томъ, выигралъ или проигралъ человѣкъ отъ этого измѣненія, не можетъ быть болѣе поставленъ, если принять во вниманіе назначеніе его рода, заключающееся не въ чемъ иномъ, какъ въ поступательномъ шествіи къ совершенствованію, какъ бы ошибочны ни были первыя, даже въ длинномъ рядѣ поколѣній слѣдующія другъ за другомъ, попытки достиженія этой цѣли. Между тѣмъ, это движеніе, которое для рода является прогрессомъ, переходомъ отъ худшаго къ лучшему, не имѣетъ того же значенія для индивидуума. До пробужденія разума не было ни повелѣнія, ни запрещенія, слѣдовательно, не было и преступленія; когда же онъ сталъ заявлять о своемъ существованіи—какъ ни слабы были его первыя выступленія—и столкнулся съ животностью и всей ея силой, то должны были возникнуть страданія и, что еще хуже, пороки просвѣщеннаго разума, совершенно чуждые состоянію невѣжества и, слѣдовательно, невинности. Первымъ шагомъ изъ этого состоянія въ нравственномъ отношеніи было паденіе; въ физическомъ онъ ознаменовался множествомъ дотолѣ неизвѣданныхъ печалей, слѣдствіями этого паденія, т.-е. набазаніемъ. Исторія природы, такимъ образомъ, начинается отъ добра, ибо она произведена Божьею; исторія свободы отъ зла, ибо она дѣло рукъ человѣческихъ. Индивидууму, который въ пользованіи своей свободой считается только съ самимъ собой, это измѣненіе нанесло ущербъ; природа, которая, въ цѣли, преслѣдуемой ею относительно человѣка, имѣетъ въ виду родъ—выиграла. Первый долженъ поэтому всѣ претерпѣваемыя имъ страданія и совершаемое имъ зло приписывать собственной винѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ членъ цѣлаго (рода), восторгаться и прославлять мудрость и цѣлесообразность мірового порядка. Въ этомъ смыслѣ можно также согласовать между собой и съ разумомъ столь часто ложно истолковываемыя и по внѣшности противорѣчивыя утвержденія знаменитаго Жанъ-Жака Руссо. Въ своихъ разсужденіяхъ о вліяніи наукъ и о неравенствѣ людей онъ совершенно правильно показываетъ неизбѣжное взаимное противорѣчіе между культурой и природой человѣчества, какъ физическаго рода, въ которомъ каждый индивидуумъ долженъ полностью достигнуть своего назначенія. Но въ своемъ Эмилѣ, въ общественномъ договорѣ и другихъ разсужденіяхъ онъ вновь возвращается къ трудной проблемѣ и старается выяснить, какъ должна прогрессировать культура, чтобы способности человѣчества, какъ нравственнаго рода, развиты соотвѣтственно его задачамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не вызывали противодѣйствія со стороны человѣчества, какъ естественнаго рода. Изъ этого столкновенія (такъ какъ культура, согласно истиннымъ принципамъ воспитанія одновременно человѣка и гражданина, можетъ быть, еще не совсѣмъ началась, еще менѣе завершилась) вытекаютъ всѣ дѣйствительныя бѣдствія, угнетающія человѣка, и всѣ пороки, оскверняющіе его ¹⁾, между тѣмъ склонности, ведущія къ послѣднимъ и считающіяся

¹⁾ Чтобы ограничиться только нѣкоторыми примѣрами этого противорѣчія между стремленіемъ человѣчества къ своему нравственному назначенію, съ одной стороны, и неизмѣннымъ преслѣдованіемъ заложенныхъ въ его природѣ для примитивнаго и животнаго состоянія законовъ, съ другой—приведу слѣдующіе.

Время зрѣлости, т.-е. время проявленія своихъ склонностей, равно какъ способности воспроизводить свой родъ, природа установила въ возрастѣ отъ 16 до 17 лѣтъ,

предосудительными, сами по себѣ хороши и, какъ естественныя способности, цѣлесообразны, но, будучи приурочены къ чисто естественному состоянію, уродуются прогрессирующей культурой и въ свою очередь оказываютъ вредное вліяніе на

—возрасть, когда юноша въ примитивномъ естественномъ состояніи буквально становится мужчиной, ибо онъ тогда имѣетъ возможность поддержать свое существованіе, продолжать свой родъ и содержать свое потомство и жену. Ограниченность потребностей облегчаетъ ему эту задачу. Въ культурномъ состояніи, напротивъ, для этого необходимо множество приобретаемыхъ средствъ какъ въ смыслѣ искусства, такъ и въ отношеніи внѣшней благопристойности, такъ что эта эпоха граждански отделяется въ среднемъ, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ на десять. Тѣмъ не менѣе, природа не измѣнила его момента зрѣлости сообразно съ развитіемъ общественной утонченности, но упрямо преслѣдуетъ свой законъ, приуроченный ею къ человѣческому роду, какъ виду животному. Отсюда, цѣли природы наносится правами неизбѣжный ущербъ; на нравахъ же вредно отражается непреложность этого естественнаго закона. Потому что естественный человѣкъ въ извѣстномъ возрастѣ уже мужчина, когда гражданскій человѣкъ (не перестающій быть естественнымъ человѣкомъ) еще только юноша или даже еще только ребенокъ; ибо такъ можно назвать человѣка, который, благодаря своимъ лѣтамъ, ни дня не можетъ (въ гражданскомъ состояніи) содержать даже себя, а тѣмъ паче свое потомство, хотя бы онъ чувствовалъ склонность и способность, слѣдовательно, и призывъ природы продолжать свой родъ. А природа дала живымъ существамъ инстинкты и способности, безъ сомнѣнія, не для того, чтобы они ихъ въ себѣ одолѣвали или заглушали. Такимъ образомъ, дарованіе послѣднихъ не было приурочено къ состоянію съ преобладающимъ нравственнымъ элементомъ, но исключительно къ поддержанію человѣческаго рода, какъ животнаго вида; въ силу этого состояніе просвѣщенія приходитъ съ ними въ неизбѣжное столкновеніе, прекращеніе котораго возможно только при совершенномъ гражданскомъ устройствѣ (крайняя цѣль культуры), между тѣмъ какъ теперь этотъ промежутокъ (отъ естественной до гражданской зрѣлости) обыкновенно изобилуетъ пороками и ихъ послѣдствіями, разнообразными человѣческими страданіями.

Второй примѣръ для доказательства истинности положенія, что природа заложила въ насъ двѣ способности для различныхъ цѣлей, именно, животность и человѣчность—это *ars longa vita brevis* Гиппократата. Науки и искусства могли бы быть двинуты впередъ однимъ приспособленнымъ для занятія ими умомъ—когда онъ однажды путемъ долгаго упражненія и приобретеннаго знанія достигаетъ совершенной зрѣлости сужденія—гораздо дальше, чѣмъ это сдѣлали бы цѣлыя поколѣнія ученыхъ, если бы этотъ умъ съ такой же юношеской силой духа прожилъ все время, обнимающее всѣ эти поколѣнія. Между тѣмъ, природа въ рѣшеніи вопроса относительно продолжительности человѣческой жизни встала на точку зрѣнія, не предполагающую необходимо поощреніе наукъ. Ибо, когда счастливѣйшій умъ стоитъ на порогѣ величайшихъ открытій, которыя онъ вправѣ ожидать отъ своей искусности и опытности,—наступаетъ старость; онъ притупляется и вынужденъ предоставить слѣдующему поколѣнію (которое также начинаетъ съ азова и весь уже пройденный путь должно пройти вновь) сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ прогрессѣ наукъ. Ходъ человѣческаго рода къ достиженію своего высшаго назначенія кажется поэтому безпрестанно прерывающимся и постоянно угрожающимъ возвратиться къ исходному пункту, къ примитивной дикости; и греческій философъ жаловался не безъ основанія: жалко, что приходится умирать тогда, когда начинаешь видѣть, какъ слѣдовало бы собственно жить.

Третьимъ примѣромъ можетъ быть неравенство между людьми и именно, не различіе въ природныхъ дарованіяхъ или счастіи, но неравенство всеобщаго человѣческаго права людей,—неравенство, на которое Руссо съ большой справедливостью жаловался, но которое неотдѣлимо отъ культуры, покуда она прогрессируетъ

правы, покуда совершенное искусство не отождествляется съ природой, что и является конечной цѣлью нравственнаго назначенія человѣческаго рода.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ИСТОРИИ.

Начало слѣдующаго періода—это переходъ человѣка изъ эпохи покоя и мира въ эпоху труда и раздора, какъ въ подготовительную стадію къ объединенію въ общество. Здѣсь мы опять должны сдѣлать большой прыжокъ и подойти къ человѣку, когда онъ уже обладаетъ прирученными животными, равно какъ и растеніями, которыя онъ самъ умѣетъ разводить путемъ сѣянія или насажденія и которыми онъ разнообразить свою пищу (IV, 2), хотя переходъ изъ дикой охотничьей жизни и бродячаго выкапыванія корней или собиранія плодовъ во второе состояніе могъ совершаться довольно медленно. Теперь несогласіе среди до сихъ поръ мирно жившихъ другъ около друга людей, должно было уже начаться и вызвать разобщеніе послѣднихъ, вслѣдствіе различнаго образа жизни и разсѣянія ихъ по землѣ.

Пастушеская жизнь не только привольна, но, когда земля кругомъ не населена, слѣдовательно, когда нѣтъ недостатка въ пастбищахъ, даетъ также наиболѣе вѣрный доходъ. Напротивъ, земледѣліе или садоводство, трудъ очень тягостный, находится въ зависимости отъ погоды, требуетъ наличности постояннаго жилища, земельной собственности и достаточной силы, чтобы ее защитить; пастухъ же ненавидитъ эту собственность, ограничивающую его свободу пасты повсемѣстно стада. Что касается первой, то земледѣлецъ какъ-будто долженъ былъ завидовать пастуху, какъ болѣе покровительствуемому небомъ (ст. 4); но въ дѣйствительности послѣдній, поскольку онъ оставался въ сосѣдствѣ съ нимъ, сталъ ему въ тягость, потому что пасущійся скотъ не щадитъ его растеній. Такъ какъ пастухъ, причинивъ ему убытокъ, могъ легко удалиться со своимъ стадомъ и уклониться отъ вознагражденія пострадавшаго, ибо ничего не оставляетъ такого, что бы онъ не могъ вездѣ и повсюду вновь найти, то именно земледѣлецъ первый долженъ былъ употребить силу противъ подобныхъ проступковъ, которые другой не считалъ недозволенными; и (такъ какъ поводъ къ этому никогда не могъ совершенно прекратиться), если онъ не хотѣлъ потерять плоды своихъ долгихъ усилій, онъ вынужденъ былъ, наконецъ, удалиться (ст. 16) по возможности дальше отъ пастушескихъ племенъ. Это разлученіе знаменуетъ собой третью эпоху.

Земля, отъ обработки и насажденія (преимущественно деревьями) которой зависитъ питаніе людей, требуетъ осѣдлой жизни; а для защиты жилища отъ поку-

---

какъ бы безъ плана (что равнымъ образомъ еще долгое время неизбежно), и къ которому люди, безъ сомнѣнія, не предназначены природой; ибо она дала имъ свободу и разумъ ограничивать эту свободу не чѣмъ инымъ, какъ только ея собственной всеобщей и именно вышней закономѣрностью, называющейся гражданскимъ правомъ. Человѣкъ долженъ собственными усиліями выйти изъ примитивнаго состоянія и, поднимаясь надъ своими естественными наклонностями, стараться не согрѣшать противъ нихъ;—искусность, которую онъ можетъ приобрѣсти лишь по прошествіи многихъ вѣковъ и послѣ многочисленныхъ неудачныхъ попытокъ. Впродолженіе же этого междувременья человѣчество стонетъ отъ страданій, которыя оно себѣ, благодаря своей неопытности, само причиняетъ.

шеній злоумышленниковъ необходимъ союзъ многихъ людей, оказывающихъ другъ другу взаимныя услуги. Поэтому, люди, при этомъ образѣ жизни, не могутъ болѣе разсѣяться отдѣльными семьями, но должны селиться тѣснѣе, устраивая деревни (или города), дабы защитить свою собственность отъ дикихъ охотниковъ или кочующихъ вблизи пастуховъ. Первые жизненные потребности, производство которыхъ требуетъ различнаго образа жизни (ст. 20), могутъ теперь взаимно обмѣниваться. Отсюда должна была возникнуть культура и начало искусствъ, какъ въ области труда, такъ и просто для услажденія (ст. 21, 22), а также, что является наиважнѣйшимъ, нѣкоторые зачатки гражданскаго устройства и публичной справедливости. Последняя вначалѣ практиковалась, конечно, только по отношенію къ наиболѣе сильнымъ, мѣсть которыхъ осуществлялась теперь не единичными людьми, какъ въ дикомъ состояніи, но черезъ посредство закономѣрной силы, представляемой всѣмъ общежитіемъ, т.-е. родомъ правительства, которое само не было подчинено никакой другой высшей власти (ст. 23, 24). На почвѣ этой примитивной государственности могли теперь шагъ за шагомъ, постепенно зарождаться всѣ человѣческія искусства, среди которыхъ искусство общительности и созданія гражданской безопасности является наиболѣе полезнымъ; родъ человѣческой долженъ былъ размножаться и изъ центрального пункта, какъ пчелиный улей, путемъ высылки уже образованныхъ колонистовъ, повсюду распространяться. Съ этой эпохи началось также неравенство среди людей, этотъ богатый источникъ столь многого зла, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всего добраго; оно все сильнѣе давало себя чувствовать.

Однако, покуда бродячіе пастушескіе народы, признающіе власть только Бога, окружали городское и земледѣльческое населеніе, имѣющее надъ собой начальникомъ челоѣка (VI, 4¹) и, какъ непримиримые враги всякой земельной собственности, возмущали земледѣльцевъ, въ свою очередь ненавидя послѣднихъ, то, хотя они непрерывно между собою враждовали и, по меньшей мѣрѣ, существовала постоянная опасность войны, народы обоихъ лагерей могли, по крайней мѣрѣ, внутри общежитія наслаждаться неоцѣнимымъ благомъ свободы. Ибо опасность войны еще и теперь единственная узда, сдерживающая деспотизмъ: для того, чтобы государство было теперь сильнымъ требуется богатство, безъ свободы же не можетъ развиваться промышленность, порождающая богатства. У бѣднаго народа богатство можетъ замѣняться близкимъ участіемъ, принимаемымъ гражданами въ судьбахъ государства; но это опять-таки возможно только въ томъ случаѣ, когда народъ себя чувствуетъ въ немъ свободнымъ. Но современемъ все увеличивающаяся роскошь горожанъ, въ особенности ихъ искусство нравиться, благодаря которому городскія дамы затмѣвали грязныхъ женщинъ пустыни, должны были служить

1) Арабскіе бедуины называютъ себя еще теперь потомками какого-либо древняго шейха, покровителя ихъ племени, какъ Бенъ-Галедъ и др. Такой родоначальникъ никоимъ образомъ не считался у нихъ господиномъ и не могъ по своему усмотрѣнію осуществлять надъ ними власть. Ибо въ пастушескомъ народѣ, гдѣ никто не имѣетъ недвижимаго имущества, которое необходимо было бы оставить при переходѣ на новое мѣсто, каждое семейство, которому здѣсь не нравится, можетъ очень легко отдѣлиться отъ племени и пристать къ другому.

для кочевниковъ могущественной приманкой (ст. 2) и побуждать ихъ вступить въ союзъ со своими врагами и раздѣлить съ ними блистательную нищету города.

Такъ какъ вслѣдствіе сліянія этихъ двухъ, нѣкогда враждовавшихъ между собою, народностей, окончилась всякая опасность войны, слѣдовательно, исчезла всякая тѣнь свободы, и деспотизмъ могущественныхъ тирановъ, при едва только начавшейся, но уже оскверненной безумной роскошью культурѣ, въ нѣдрахъ унижительнѣйшаго рабства, смѣшаннаго со всеми пороками невѣжественнаго состоянія, непреодолимо затормазилъ предначертанный природой поступательный ходъ человеческого рода къ совершенствованію и добру — то онъ, какъ родъ, предназначенный властвовать надъ землей, а отнюдь не питаться по-скотски и рабски служить, сдѣлался недостойнымъ даже своего существованія (ст. 17).

Заключительное замѣчаніе.

Мыслящій человѣкъ испытываетъ горе, чуждое человѣку безразсудному, могущее привести къ нравственному развращенію, именно: къ недовольству Провидѣніемъ, управляющимъ ходомъ міровыхъ событій, когда онъ подводитъ итоги бѣдствіямъ, угнетающимъ человѣческую родъ (какъ кажется) безъ надежды на лучшее. Между тѣмъ, чрезвычайно важно быть довольнымъ Провидѣніемъ (хотя бы оно предначертало намъ такой трудный путь на землѣ): этого мы можемъ достигнуть отчасти самоободреніемъ въ трудныя минуты, отчасти же, если вмѣсто того, чтобы винить судьбу въ нашихъ злословіяхъ, мы будемъ приписывать ихъ собственной винѣ, которая, можетъ-быть, является единственной ихъ причиною, и будемъ искать помощи въ самоусовершенствованіи.

Должно признать, что величайшія бѣдствія, терзающія культурные народы, суть послѣдствія войны и именно послѣдствія не столько происходящей нынѣ или происходившей, сколько неослабѣвающаго и даже непрерывно увеличивающагося приготовленія къ будущей. На это тратятся всѣ силы государства, всѣ плоды его культуры, которые могли бы употребляться для еще большаго распространенія послѣдней; свободы наносятся во многихъ мѣстахъ весьма чувствительные удары, и материнская заботливость государства о единичныхъ членахъ выражается въ неумолимо суровыхъ требованіяхъ, которыя оправдываются также интересами внѣшней безопасности. Однако, эта культура, тѣсная связь государствъ для взаимнаго содѣйствія достиженію каждымъ благосостоянія, — развѣ могли бы онѣ существовать, развѣ пользовалось бы населеніе даже той долей свободы, которая, хотя и при весьма ограничительныхъ законахъ, все-таки еще остается, если бы эта вѣчно угрожающая война не вынуждала верховныхъ повелителей государствъ къ этому уваженію чело вѣ чества? Достаточно убѣдительно примѣръ Китая, который, послѣ однажды дѣйствительно испытаннаго своего рода непредвидѣннаго нападенія, не имѣлъ могущественнаго врага и въ которомъ стерты всякіе слѣды свободы.

Итакъ, на той ступени культуры, на которой человѣчество еще стоитъ, война является неизбѣжнымъ средствомъ, способствующимъ его прогрессу; и только (Богъ вѣдаетъ когда) при достиженіи нами наивысшаго предѣла послѣдняго, неизмѣн-

ный миръ могъ бы быть для насъ благотворенъ, и только тогда онъ былъ бы единственно возможенъ.

Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи мы сами повинны въ нашихъ несчастіяхъ, на которыя мы такъ горько жалуемся; и священный документъ совершенно правъ, представляя сліяніе народовъ въ одно общество и ихъ полное избавленіе отъ внѣшней опасности, когда ихъ культура едва только зародилась, какъ прекращеніе всякаго дальнѣйшаго прогресса и погруженіе въ неисцѣлимую порчу.

Второе недовольство человѣка касается природы, установившей для насъ краткую жизнь. Нужно плохо разбираться въ оцѣнкѣ достоинства послѣдней, чтобы могло явиться желаніе жить дольше, чѣмъ это дѣйствительно возможно; ибо это было бы только продолженіемъ печальной игры, доставляющей исключительно страданія. Только ребяческимъ разсудкомъ человѣка можно объяснить, что онъ боится смерти, не любя жизни, и, когда послѣдняя становится ему не въ моготу, продолжаетъ влечить свое существованіе, какъ-будто удовлетворенный, не переставая, однако, повторять свои жалобы. Но если только подумать о томъ, какъ мучаютъ насъ заботы о средствахъ прожить столь недолгую жизнь, сколько несправедливостей приходится совершать въ чаяніи будущаго, столь мимолетнаго наслажденія—то становится необходимымъ разумно признать, что, если бы люди жили 800 и болѣе лѣтъ, отецъ рядомъ съ сыномъ, братъ около брата или другъ возлѣ друга едва были бы увѣрены въ своей безопасности и что пороки такой долгой жизни человѣческаго рода должны были бы дойти до предѣла, когда люди не заслужили бы лучшей участи, какъ быть поглощенными всемірнымъ потокомъ (ст. 12, 13).

Третье желаніе или, вѣрнѣе, пустое ожиданіе (ибо ясно, что желаемое недостижимо)—это тоска по золотомъ вѣкѣ, образъ котораго столь восхваляется поэтами,—по томъ времени, когда люди будутъ совершенно избавлены отъ мнимыхъ потребностей, привитыхъ имъ культурой, будутъ довольствоваться удовлетвореніемъ чисто-естественныхъ потребностей, когда полное равенство и неизмѣнный миръ воцарятся между людьми, однимъ словомъ, когда возможно будетъ чистое наслажденіе беззаботной, проводимой въ лѣнливыхъ мечтаніяхъ или дѣтской игрѣ жизни;—тоска, дѣлающая столь привлекательными Робинзоновъ и путешествія къ островамъ южнаго моря и, въ особенности, показывающая отвращеніе, испытываемое мыслящимъ человѣкомъ къ цивилизаціи, когда онъ оцѣниваетъ ее исключительно съ точки зрѣнія личнаго наслажденія и выдвигаетъ лѣнь въ противовѣсъ дѣятельности, которая, какъ ему подсказываетъ разумъ, могла бы сдѣлать его жизнь достойной.

Ничтожество этого желанія возвратиться въ эпоху наивности и невинности достаточно ясно доказывается вышеприведенной картиной примитивнаго состоянія: человѣкъ не могъ бы въ немъ сохраниться, потому что оно его не удовлетворяетъ, еще менѣе онъ могъ бы быть склоннымъ опять очутиться въ тѣхъ же условіяхъ существованія; такъ что свое неприглядное настоящее онъ долженъ всегда приписывать своему собственному выбору.

Исторія человѣка въ такомъ изложеніи могла бы, такимъ образомъ, быть полезной для изученія, какъ имѣющая цѣлью способствовать его самоусовершенствованію.

ванію; ибо она ему показываетъ, что въ своихъ горестяхъ онъ не долженъ былъ бы винить Провидѣніе, что свои собственные проступки онъ также не въ правѣ приписывать первородному грѣху своихъ праотцевъ, откуда потомство унаслѣдовало своего рода склонность къ подобнымъ грѣховнымъ дѣяніямъ (такъ какъ произвольные поступки не могутъ въ себѣ имѣть ничего наслѣдственнаго), но что совершенные имъ проступки онъ вполне основательно долженъ признать своими собственными и въ силу этого считать себя самого единственно виновнымъ во всѣхъ бѣдствіяхъ, обусловливаемыхъ злоупотребленіемъ разумомъ; ибо онъ прекрасно сознаетъ, что при обстоятельствахъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ жили его отдаленные предки, онъ точно также поступалъ бы,—именно, его первое примѣненіе разума было бы (даже вопреки указанію природы) злоупотребленіемъ имъ. Собственно физическія страданія, если вопросъ о моральныхъ устранинъ, при подсчетѣ заслугъ и вины, врядъ ли дали бы излишекъ въ нашу пользу.

И таково заключеніе философски разгаданной древнѣйшей человѣческой исторіи: необходимо примириться съ Провидѣніемъ и ходомъ человѣческой дѣятельности въ цѣломъ, направленіе котораго не отъ добра ко злу, но постепенно развивается отъ худшаго къ лучшему, и успѣхамъ котораго каждый въ своей области призванъ самой природой посильно содѣйствовать.

III.

Т ю р г о.

Послѣдовательные успѣхи человѣческаго разума.

(Рѣчь, произнесенная въ Сорбоннѣ 11 декабря 1750 г.).

Явленія природы, подчиненныя неизмѣннымъ законамъ, заключены въ кругъ всегда одинаковыхъ переворотовъ. Все возрождается, все погибаетъ; и въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ, черезъ которыя растенія и животныя воспроизводятся, время въ каждый моментъ только воссоздаетъ образъ того, что оно само разрушило.

Послѣдовательное движеніе людей, напротивъ, представляетъ изъ вѣка въ вѣкъ всегда мѣняющееся зрѣлище. Разумъ, страсти, свобода безпрестанно порождаютъ новыя событія. Всѣ эпохи сплетены цѣпью причинъ и слѣдствій, связывающихъ данное состояніе міра со всѣми предшествовавшими состояніями.

Умножившіеся знаки языка и письменности, давая людямъ средство обезпечить себѣ обладаніе своими идеями и сообщать ихъ другимъ, образовали изъ всѣхъ частныхъ знаній общую сокровищницу, переходящую, какъ наслѣдство, отъ одного поколѣнія къ другому и все увеличивающуюся открытіями каждаго вѣка. И человѣческой родъ, разсматриваемый съ момента своего зарожденія, представляется взорамъ философа въ видѣ безконечнаго цѣлага, которое само, какъ всякій индивидуумъ, имѣетъ свое состояніе младенчества и свой прогрессъ.

Мы видимъ, какъ зарождаются общества, какъ образуются націи, которыя поочередно господствуютъ и подчиняются другимъ. Имперіи возникаютъ и падаютъ; законы, формы правленія слѣдуютъ одни за другими; искусства и науки изобрѣтаются и совершенствуются. Поперемѣнно то задерживаемыя, то ускоряемыя въ своемъ поступательномъ движеніи, онѣ переходятъ изъ одной страны въ другую. Интересъ, честолюбіе, тщеславіе обусловливаютъ непрерывную смѣну событій на міровой сценѣ и обильно орошаютъ землю человѣческой кровью. Но въ процессѣ вызванныхъ ими опустошительныхъ переворотовъ нравы смягчаются, человѣческой разумъ просвѣщается; изолированныя націи сближаются; торговля и политика соединяютъ, наконецъ, всѣ части земного шара. И вся масса человѣческаго рода, переживая поперемѣнно спокойствіе и волненія, счастливыя времена и годы бѣдствія, всегда шествуетъ, хотя медленными шагами, ко все большему совершенству.

Указанные намъ предѣлы лишаютъ насъ возможности представить вамъ здѣсь столь грандіозную картину. Мы попытаемся только показать непрерывность прогресса человѣческаго разума; и нѣкоторыя размышленія о зарожденіи, распространеніи и объ измѣненіяхъ наукъ и искусствъ, расположенныя въ послѣдовательномъ порядкѣ историческихъ фактовъ, образуютъ весь планъ этой рѣчи.

* * *

Священные книги, просвѣщая насъ о созданіи вселенной, происхожденіи людей и зарожденіи примитивныхъ искусствъ, показываютъ намъ затѣмъ человѣческой родъ сызнова сокращеннымъ, вслѣдствіе всемірнаго потопа, до единой семьи.

Едва только онъ началъ возстановлять свои потери, какъ чудесное раздѣленіе языковъ заставило людей разбиться на отдѣльныя группы. Необходимость заботиться объ удовлетвореніи настоятельныхъ потребностей питанія въ бесплодныхъ пустыняхъ, гдѣ встрѣчались только дикія животныя, вынудила людей разсѣяться по всеѣмъ направленіямъ и ускорила распространеніе ихъ по всему міру. Вскорѣ изначальныя традиціи были забыты. Народы, раздѣленные широкими пространствами и, еще болѣе, различіемъ языковъ, чуждые другъ другу, были почти всеѣ повержены въ такое же варварство, въ которомъ мы находимъ еще туземцевъ Америки.

Но средства природы и плодоносные зародыши наукъ находятся всюду, гдѣ появляются люди. Наивышшія знанія являются и только и могутъ быть развитіемъ или сочетаніемъ первичныхъ чувственныхъ идей,—подобно тому, какъ зданіе, высота котораго болѣе удивляетъ насъ, необходимо опирается на землю, которую мы топчемъ ногами. И тѣ же чувства, тѣ же органы, зрѣлище одной и той же вселенной дали людямъ всюду тѣ же идеи, какъ однѣ и тѣ же потребности и наклонности научили ихъ всюду однимъ и тѣмъ же искусствамъ.

Слабый свѣтъ начинаетъ прорѣзывать густой мракъ, покрывавшій всеѣ націи, и распространяется все далѣе и далѣе. Жители Халдеи, болѣе близкіе къ источнику изначальныхъ преданій, египтяне и китайцы оказываются впереди всеѣхъ остальныхъ народовъ; другіе слѣдуютъ за ними поодаль; одни успѣхи приводятъ къ новымъ успѣхамъ. Неравенство между націями увеличивается: здѣсь искусства начинаютъ зарождаться; тамъ они идутъ большими шагами впередъ къ своему совершенству; далѣе они останавливаются въ своей посредственности; въ другихъ мѣстахъ изначальный мракъ еще не разсѣялся. И въ этомъ неравенствѣ, до безконечности разнообразномъ, нынѣшнее состояніе вселенной, представляя одновременно всеѣ оттѣнки варварства и цивилизаціи, нѣкоторымъ образомъ показываетъ намъ, при одномъ только взглядѣ, слѣды и памятники всеѣхъ шаговъ человѣческаго разума, картину всеѣхъ ступеней, черезъ которыя онъ прошелъ, и исторію всеѣхъ эпохъ.

Развѣ природа не всюду одинакова? И если она приводитъ всеѣхъ людей къ однимъ и тѣмъ же истинамъ, если даже ихъ заблужденія имѣютъ общее сходство, почему не идутъ они въ ногу по начертанному для нихъ пути? Безъ сомнѣнія, человѣческой разумъ всюду заключаетъ въ себѣ принципъ одного и того же прогресса; но природа, которая неравномѣрно распредѣляетъ свои благодѣянія, даетъ нѣкоторымъ умамъ обиліе талантовъ, въ которыхъ отказываетъ другимъ; благодаря обстоятельствамъ, эти таланты развиваются или увядаютъ во мракѣ; и безконечное разнообразіе этихъ обстоятельствъ порождаетъ неравенство прогресса народовъ.

Варварство уравниваетъ всеѣхъ людей; и въ изначальныя времена одаренные отъ рожденія гениальными способностями встрѣчаютъ почти одинаковыя со всеѣми препятствія и одинаковую поддержку.

Между тѣмъ общества образуются и расширяются; взаимная ненависть народовъ, честолюбіе, или вѣрнѣе, жадность,—въ которую единственно выливается честолюбіе варваровъ,—умножаютъ войны и опустошенія; завоеванія, революціи смѣшиваютъ на тысячу ладовъ народы, языки и нравы. Горныя цѣпи, великія рѣки и моря, задерживая движенія и, слѣдовательно, смѣшенія народовъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ благопріятствуютъ образованію общихъ языковъ—ставшихъ связующими

звеньями для многихъ націй—и способствуютъ раздѣленію каждаго народа на классы. Земледѣліе дѣлаетъ жителей болѣе осѣдлыми; оно прокармливаетъ количество людей гораздо большее, чѣмъ требуетъ для воздѣлыванія земли, и поэтому налагаетъ на остающихся праздными необходимость сдѣлаться для земледѣльцевъ либо полезными, либо страшными. Отсюда города, торговля, ремесла и даже искусства, служащія просто для услажденія. Отсюда же раздѣленіе профессій, различіе въ воспитаніи, гораздо большее неравенство въ условіяхъ существованія. Отсюда этотъ досугъ, благодаря которому геній, избавленный отъ тяжести, налагаемой потребностями первой необходимости, выходитъ изъ узкой сферы, въ которой онъ его удерживали, и направляетъ всѣ свои силы къ разработкѣ наукъ. Отсюда болѣе мощный и болѣе быстрый подъемъ человѣческаго разума, увлекающаго за собой всѣ части общества и черпающаго въ ихъ совершенствованіи новыя силы.

Страсти развивались на ряду съ геніемъ; честолюбіе возрастало, политика открывала предъ нимъ все болѣе широкія перспективы; побѣды имѣли болѣе серьезныя послѣдствія и обусловили образованіе имперій, законы, нравы, формы правленія которыхъ, оказывая различныя вліянія на развитіе генія, породили родъ общаго воспитанія народовъ и установили между народами такія же различія, какія воспитаніе устанавливаетъ между отдѣльными классами одного и того же народа.

Имперіи, соединяемыя, вновь раздѣляемыя, возстановляемыя однѣ на развалинахъ другихъ, быстро смѣнялись. Ихъ перевороты вызывали послѣдовательно смѣну всѣхъ возможныхъ государственныхъ состояній, сблизили и разъединили всѣ элементы политическихъ тѣлъ. Подобно колебанію морского уровня, вслѣдствіе прилива и отлива, могущество одной націи переходило къ другой и въ нѣдрахъ одного и того же народа—отъ государей къ толпѣ и отъ толпы къ государямъ. Въ этихъ измѣненіяхъ все колеблющееся постепенно приближается къ состоянію равновѣсія и современемъ принимаетъ болѣе прочное и болѣе спокойное положеніе. Честолюбіе, создавая великія государства изъ обломковъ массы маленькихъ, само устанавливаетъ предѣлы своимъ опустошеніямъ; война разоряетъ только границы имперіи; города и деревни начинаютъ дышать въ атмосферѣ мира; люди все тѣснѣе связываются общественными узами; сообщеніе знаній становится болѣе быстрымъ и болѣе широкимъ, и искусства, науки и нравы идутъ въ своемъ поступательномъ движеніи болѣе быстрыми шагами. Подобно тому, какъ морскія волны спадаютъ тотчасъ по прекращеніи бури, ихъ вызвавшей, — неизбѣжныя бѣдствія революцій быстро исчезаютъ; благо остается, и человѣчество совершенствуется. Въ процессѣ этого разнообразнаго сочетанія событій, то благоприятныхъ, то неблагоприятныхъ—противоположныя дѣйствія которыхъ должны современемъ взаимно уничтожиться—геній, который природа, неравномѣрно распредѣляя между людьми, распространила, тѣмъ не менѣе, на всю массу человѣчества въ почти равныхъ объемахъ на равныхъ разстояніяхъ, — геній дѣйствуетъ непрерывно и его вліяніе постепенно становится замѣтнымъ.

Его движеніе, вначалѣ медленное, игнорируемое, скрытое во мракѣ общаго забвенія,—въ которое время повергаетъ дѣла людскія,—дѣлается быстрымъ и видимымъ, благодаря изобрѣтенію письменности.

Драгоценное изобрѣтеніе! Оно точно надѣлило крыльями народы, достояніемъ которыхъ оно раньше сдѣлалось, чтобы опередить другія націи. Неоцѣнимое изобрѣ-

теніе, вырывающее у власти смерти память о великихъ людяхъ и примѣры добродѣтели; оно соединяетъ мѣста и времена, закрѣпляетъ быстротечную мысль и обезпечиваетъ ей продолжительное существованіе. Благодаря ему взгляды, опыты, открытія, производства всѣхъ эпохъ, увеличиваясь, служатъ основаніемъ и ступенью благосостоянію народовъ, помощью которыхъ оно можетъ подниматься все выше и выше.

Но какое зрѣлище представляетъ послѣдовательность воззрѣній людей! Я ищу здѣсь успѣховъ человѣческаго разума и вижу почти только исторію его заблужденій. Почему его ходъ, столь вѣрный съ первыхъ шаговъ въ области математическихъ наукъ, является столь колеблющимся и столь подверженнымъ заблужденію во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ знанія?

Попытаемся открыть причины.

Въ математикѣ умъ выводитъ послѣдовательно одно изъ другого цѣпь предложеній, справедливость которыхъ доказывается ихъ взаимоотношеніемъ. Не такъ обстоитъ дѣло въ другихъ наукахъ, гдѣ познаніе истины рождается не изъ сравненія идей между собой, но изъ ихъ соотвѣтствія съ рядомъ реальныхъ фактовъ, служащихъ для ея открытія и утвержденія. Рѣчь идетъ здѣсь не объ установленіи небольшого числа простыхъ принциповъ, откуда разумъ могъ бы послѣдовательно выводить всѣ вытекающія изъ нихъ слѣдствія. Отправнымъ пунктомъ должна служить природа, какова она есть, и безконечное различіе явленій, обусловленныхъ столькими взаимно уравновѣшивающимися причинами. Понятія не являются собраніемъ идей, которыя разумъ произвольно образуетъ и точный объемъ которыхъ онъ знаетъ. Идеи рождаются и группируются въ нашей душѣ почти независимо отъ нашей воли; образы предметовъ настигаютъ ее уже въ колыбели; постепенно мы научаемся ихъ различать, не столько по отношенію къ тому, чѣмъ они являются, разсматриваемые сама по себѣ, сколько по отношенію къ той роли, которую они играютъ въ области нашихъ обычаевъ и нашихъ потребностей. Знаки языка запечатлѣваются въ еще слабомъ умѣ, связываются, въ силу привычки и подражанія, сначала съ частными предметами, затѣмъ даютъ возможность вспоминать болѣе общія понятія. Этотъ хаосъ идей и выраженій безпрестанно увеличивается и смѣшивается; и человѣкъ, начиная искать истину, оказывается въ лабиринтѣ, куда онъ входитъ съ завязанными глазами: нужно ли удивляться его заблужденіямъ?

Созерцатель вселенной, онъ остается въ неизвѣстности о причинахъ, послѣдствія которыхъ показываютъ ему его чувства; а искать неизвѣстной причины путемъ изслѣдованія ея слѣдствій значитъ разгадать загадку, придумать одно или нѣсколько словъ, послѣдовательно испытывать ихъ, покуда отыщется одно, отвѣчающее всѣмъ условіямъ. Физикъ образуетъ гипотезы, прослѣживаетъ ихъ въ слѣдствіяхъ, изъ нихъ вытекающихъ, сравниваетъ ихъ съ загадкой природы, испытываетъ ихъ, такъ сказать, на фактахъ, подобно тому, какъ провѣряютъ оттискъ, сличая его съ печатью. Предположенія, придуманные на основаніи немногихъ плохо понятыхъ слѣдствій, уступаютъ мѣсто другимъ, менѣе бессмысленнымъ, но не болѣе истиннымъ. Время, изслѣдованія и случаи увеличиваютъ наблюденія, вскрываютъ тайныя связи, соединяющія многія явленія.

Любопытство людей, тревожное, способное успокоиться только найдя истину, всегда возбуждаемое образомъ этой самой истины, образомъ, который оно стремится

уловить, но который всегда какъ будто отъ него убѣгаетъ — умножаетъ вопросы и споры, заставляетъ все болѣе точно анализировать идеи и факты.

Математическія истины, становящіяся съ каждымъ днемъ все болѣе многочисленными и поэтому все болѣе плодоносными, даютъ возможность строить болѣе обширныя и болѣе точныя гипотезы, указываютъ новые опыты, которые въ свою очередь выдвигаютъ новыя неразрѣшимыя проблемы.

Такимъ образомъ, потребность совершенствуется орудіе: математическія науки опираются на физику, которую онѣ сами освѣщаютъ факеломъ своихъ точныхъ вычисленій. Все оказывается во взаимной связи. И, не взирая на различіе ихъ хода, всѣ науки оказываютъ другъ другу взаимную поддержку. Итакъ, идя ощупью, умножая системы, исчерпывая, такъ сказать, всевозможныя заблужденія, люди достигаютъ, наконецъ, возможности познать большое количество истинъ.

Какими сумосбродными воззрѣніями ознаменовались наши первые шаги! Какія нелѣпыя причины придумывали наши предки для объясненія наблюдаемыхъ ими явленій! Какіе печальные памятники, свидѣтельствующіе о слабости человѣческаго разума!

Чувства представляютъ единственный источникъ его идей. Вся сила воображенія ограничивается сочетаніемъ чувственныхъ понятій. Онъ едва можетъ образовать соединенія, образца которыхъ не даютъ ему чувства. Отсюда почти непреодолимая склонность судить о неизвѣстномъ на основаніи извѣстнаго; отсюда эти обманчивыя аналогіи, которыми первобытные люди, благодаря своему невѣжеству, такъ легкомысленно злоупотребляли. Отсюда чудовищныя заблужденія идолопоклонства: люди, забывъ старыя преданія, пораженные чувственными явленіями, предположили, что всѣ дѣйствія, независимо отъ ихъ слѣдствій, совершаются существами имъ подобными, но невидимыми и болѣе сильными, и стали ихъ обоготворять. Созерцая природу, обращая свои взоры какъ бы только на поверхность глубокаго моря, вмѣсто того, чтобы разсматривать дно, покрытое водами, они видѣли только свое собственное изображеніе. Всѣ естественные предметы служили имъ богами, которымъ они, считая ихъ созданными по образу и подобию людей, приписывали свойства и пороки послѣднихъ. Суевѣріе осятило по всей вселенной капризы фантазіи. И единый истинный Богъ, единственно достойный обожанія, былъ извѣстенъ только въ одномъ уголку земнаго шара народу, который этотъ Богъ себѣ избралъ.

Въ этомъ медленномъ нарастаніи воззрѣній и заблужденій, другъ друга изгоняющихъ, образъ запоздалой истины представляется мнѣ въ видѣ появляющагося изъ земли растенія, первыя листья и оболочки котораго послѣдовательно, по мѣрѣ образованія новыхъ покрововъ, увядаютъ, и плодоносный стволъ котораго, наконецъ, окончательно формируется и увѣнчивается цвѣтами и плодами.

Горе тѣмъ народамъ, у которыхъ, благодаря слѣпой ревности къ наукамъ, послѣднія, съ цѣлью ихъ закрѣпленія, были ограничены предѣлами знаній даннаго момента. Именно, въ силу этой причины, въ странахъ, гдѣ цивилизація впервые зародилась, науки отнюдь не достигли наибольшаго прогресса. Уваженіе, которое блескъ новшества внушаетъ людямъ къ зарождающейся философіи, стремится увѣковѣчить первичныя воззрѣнія. Къ этому присоединяется духъ сектанства, вполне естественный для первыхъ философовъ. Ибо высокомѣріе питается невѣжествомъ;

ибо чѣмъ менѣе человѣкъ знаетъ, тѣмъ болѣе онъ обнаруживаетъ самоувѣренности; ибо чѣмъ меньше открывали новыхъ истинъ, тѣмъ труднѣе было видѣть, сколько осталось еще открывать. Суевѣріе, которое въ Египтѣ и задолго до этого въ Индіи сдѣлало ученіе древней философіи неотчуждаемымъ достояніемъ жреческихъ фамилій и, освящая ихъ, связывало и включало ихъ въ догматы ложной религіи; политическій деспотизмъ въ верхней Азіи, обусловленный образованіемъ большихъ имперій въ варварскія времена, и гражданскій деспотизмъ, порожденный рабствомъ и многоженствомъ, являющимся слѣдствіемъ рабства; извѣженность государей, униженіе поданныхъ; даже забота императоровъ въ Китаѣ объ урегулированіи изученія наукъ и приложенія ихъ къ политическому устройству государства,—все это задержало навсегда въ этихъ странахъ науки въ ихъ изначальномъ состояніи. Эти стволы, слишкомъ изобиловавшіе вѣтвями вначалѣ, скоро остановились въ своемъ ростѣ.

Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе неравенства успѣховъ, достигнутыхъ въ различныхъ странахъ, образовались новыя націи. Просвѣщенные народы, окруженные варварами, то завоеватели, то побѣжденные, постепенно смѣшались съ ними: либо насажденіе искусствъ и законовъ среди послѣднихъ совершалось въ силу побѣды первыхъ, либо, являясь побѣдителями, варвары, въ силу естественной власти разума и просвѣщенія надъ грубой силой, духовно покорялись побѣжденными и невѣжество среди нихъ непрерывно уменьшалось.

Финикійцы, жители безводной страны, сдѣлались руководителями обмѣна среди народовъ. Ихъ корабли, распространяясь по всему Средиземному морю, начали открывать однѣ націи за другими. Астрономія, мореходное искусство, географія взаимно другъ друга совершенствовались. Берега Греціи и малоазійское побережье покрылись финикійскими колоніями. Колоніи подобны плодамъ, которые висятъ на деревѣ только до тѣхъ поръ, пока созрѣваютъ: ставъ сильными, онѣ сдѣлали то, что затѣмъ сдѣлалъ Кароагенъ, что нѣкогда сдѣлаетъ Америка ¹⁾).

* * *

Благодаря смѣшенію этихъ независимыхъ другъ отъ друга колоній съ древними обитателями Греціи и съ остатками всѣхъ варварскихъ племенъ, послѣдовательно опустошавшихъ ее, образовалась греческая нація. Эта нація сложилась изъ массы мелкихъ народностей, которымъ одинаковая слабость и природа страны, ограниченной горами и моремъ, препятствовали расширяться однимъ на счетъ другихъ. Сверхъ того, цѣлый рядъ причинъ: ассоціаціи, общественные и частные интересы, гражданскія и національныя войны, переселенія, взаимныя обязанности колоній и метрополіи, общность языка, нравовъ и религіи, торговля, общественныя игры, амфиціонный трибуналъ,—способствовалъ тому, что эти народности смѣшивались, раздѣлялись и вновь соединялись на тысячи ладовъ. Въ процессѣ этихъ переворотовъ, благодаря этимъ многочисленнымъ смѣшеніямъ, образовался тотъ языкъ, богатый, выразительный и благозвучный, на плодородной нивѣ котораго пышно расцвѣли всѣ виды изящной словесности.

¹⁾ 23-лѣтній Турго, такимъ образомъ, предугадалъ событіе, которое имѣло мѣсто четверть вѣка спустя.

Поэзія, которая является не чѣмъ инымъ, какъ искусствомъ давать посредствомъ слова художественные образы и совершенствованіе которой столь сильно зависитъ отъ генія языка,—достигла въ Греціи неизвѣстнаго ей дотолѣ великолѣпія. То было не жалкое искусство первобытныхъ людей, у которыхъ поэтическое произведеніе представляло собой рядъ варварскихъ словъ, согласованныхъ съ размѣромъ дикой пѣсни или съ ритмомъ танца—столь же грубаго, какъ и выражаемое имъ бурное веселье:—поэзія грековъ отличалась ей одной только свойственной гармоніей. Слухъ, органъ наиболѣе тонкій, былъ приученъ къ строгимъ правиламъ; и если вслѣдствіе этого стали предъявляться болѣе тяжелыя требованія, то новые выраженія и обороты, удачныя вольности, соразмѣрно умножившіяся, давали возможность имъ удовлетворять.

Вкусъ осудилъ, наконецъ, громоздкіе образы, сложныя метафоры, въ злоупотребленіи которыми такъ повинна поэзія восточныхъ народовъ.

Въ тѣхъ азіатскихъ странахъ, гдѣ общества скорѣе приобрѣтали прочное положеніе, гдѣ скорѣе нарождались писатели, языки закрѣплялись ближе къ своему первичному состоянію, и поэтому напыщенность, являющаяся слѣдствіемъ изначальнаго несовершенства языка, стала ихъ характерной чертой. Языки выражаютъ представленія людей. Въ силу этого, въ первобытныя времена существовали наименованія только для предметовъ, наиболѣе часто воспринимаемыхъ чувствами; для выраженія же неполныхъ представленій необходимо было прибѣгать къ метафорамъ.

Изобрѣтаемое вновь слово не всегда понятно. Нужно путемъ сравненія его съ наименованіями идей, подобныхъ тому представленію, которое данное новое слово выражаетъ, направить умъ по пути того значенія, которое ему желательно придать. Воображеніе научается улавливать нить нѣкотораго сходства, связывающаго наши ощущенія съ предметами, ихъ вызвавшими. Неполное или отдаленное сходство порождаетъ грубыя и частыя метафоры, которыя употребляются въ силу необходимости—болѣе изобрѣтательной, чѣмъ изящной,—которыя осуждаются вкусомъ, которыми переполнены примитивные языки и слѣды которыхъ филологи находятъ еще въ языкахъ даже наиболѣе культурныхъ народовъ.

Языки, употребляемые по необходимости всеми людьми, иногда людьми геніальными, современемъ совершенствуются, когда они не закрѣпляются сочиненіями, становящимися неизмѣннымъ критеріемъ для сужденія объ ихъ чистотѣ. Частое употребленіе слова безпрестанно приводитъ къ новымъ сочетаніямъ идей, заставляетъ замѣчать между ними новыя отношенія, новые оттѣнки и даетъ понять потребность въ новыхъ выраженіяхъ. Сверхъ того, благодаря переселеніямъ народовъ, языки смѣшиваются, какъ рѣки, и обогащаются одни за счетъ другихъ.

Такимъ образомъ, греческій языкъ, явившійся продуктомъ смѣшенія многочисленныхъ языковъ, закрѣпленный позже, чѣмъ азіатскіе языки, отличался гармоніей, обиліемъ и разнообразіемъ. Окончательное торжество доставилъ ему Гомеръ, вливъ въ него сокровища своего генія; и плавностью своей поэзіи, прелестью своихъ выраженій и величіемъ своихъ образовъ онъ поднялъ его на наивысшую ступень совершенства.

Вослѣдствіи свобода,—которая, благодаря переворотамъ, естественнымъ въ маленкихъ государствахъ, установилась во всѣхъ городахъ, на развалинахъ едино-

властія—сообщила генію грековъ новый подъемъ. Различныя формы правленія, которыя поочередно ниспровергались то происками аристократіи, то народными революціями, научили законодателей сравнивать, взвѣшивать всѣ элементы общества и находить справедливое равновѣсіе между ихъ силами. Въ то же время споры и комбинированные интересы столькихъ сосѣднихъ республикъ—честолюбивыхъ, слабыхъ и завистливыхъ—заставили государства быть насторожѣ, безпрестанно наблюдать за собой, уравнивать успѣхъ сосѣда союзами и совершенствовать одновременно политику и военное искусство.

Лишь много вѣковъ спустя въ Греціи появляются философы; или вѣрнѣе, они появились тогда, когда изученіе философіи стало удѣломъ нѣкоторыхъ умовъ, и она казалась достаточно обширной, чтобы занять ихъ всецѣло. До этого момента поэты были одновременно единственными философами и единственными историками. Среди невѣжественныхъ людей легко прослыть всезнайкой! Но и въ эпоху первыхъ философовъ идеи не были еще достаточно ясны, факты были еще немногочисленны; царство истины еще не наступило; системы греческихъ философовъ могли быть только остроумны. Ихъ метафизика, шаткая въ наиболѣе важныхъ истинахъ, часто суевѣрная или нечестивая, была только собраніемъ поэтическихъ сказокъ или наборомъ непонятныхъ словъ; и сама ихъ физика была не болѣе какъ легкомысленная метафизика.

Мораль, хотя еще несовершенная, менѣе чувствовала на себѣ младенчество разума. Возрождающіяся потребности, безпрестанно призывающія челоуѣка къ обществу и заставляющія его подчиняться законамъ послѣдняго; этотъ инстинктъ, это чувство добра и благородства, которое Провидѣніе запечатлѣло во всѣхъ сердцахъ, которое опережаетъ разумъ, которое часто увлекаетъ его самого помимо его воли—приводятъ философовъ во всѣ времена къ одинаковымъ основнымъ принципамъ науки о нравственности. Сократъ велъ своихъ согражданъ по пути добродѣтели. Платонъ усыпалъ этотъ путь цвѣтами; прелесть краснорѣчія украшала даже его заблужденія. Аристотель, наиболѣе обширный, наиболѣе глубокій и наиболѣе истинно философскій умъ всей древности, первый внесъ факель точнаго анализа въ философію и искусства; и, открывая принципы достовѣрности и компетенціи чувства, онъ подчинилъ неизмѣннымъ правиламъ ходъ разума и даже порывъ генія.

Счастливый вѣкъ, когда всѣ изящныя искусства распространили повсюду свой свѣтъ! Когда огонь благороднаго соревнованія быстро сообщался изъ одного города въ другой! Живопись, скульптура, архитектура, поэзія, исторія поднялись всюду одновременно, подобно тому какъ въ большомъ лѣсу на тысячѣ различныхъ деревьяхъ одновременно произрастаютъ и показываются ихъ вѣтвистыя верхушки.

Аѣины, управляемая декретами толпы, ораторы которой, по своему усмотрѣнію, то успокаивали, то мучили ея бурныя волны; Аѣины, гдѣ Периклъ училъ старѣйшинъ покупать государство за счетъ самого государства, расточать его богатства, дабы избавиться отъ необходимости давать о нихъ отчетъ; Аѣины, гдѣ искусство управлять народомъ отождествлялось съ искусствомъ его развлекать, доставлять пищу его слуху, глазамъ, его любопытству, всегда жадному къ новостямъ, къ празднествамъ, къ удовольствіямъ, къ непрекращающимся зрѣлищамъ;—Аѣины, тѣмъ же порокамъ своего правительственнаго механизма, которые обусловливали ихъ подчиненіе

Лакедемоніи, обязаны были своимъ краснорѣчіемъ, своимъ вкусомъ, этимъ великолѣпіемъ и блескомъ во всѣхъ областяхъ искусства, сдѣлавшимъ ихъ образцомъ для всѣхъ народовъ.

* * *

Въ то время какъ аѳиняне, спартанцы, аивійцы послѣдовательно добивались гегемоніи надъ другими городами, македонское могущество, подобно рѣкѣ, постепенно выходящей изъ своихъ береговъ, медленно распространилось въ Греціи при Филиппѣ и стремительно наводнило Азію при Александрѣ. Эта масса странъ, это множество государствъ, изъ которыхъ завоеванія ассириянъ, мидянъ и персовъ, послѣдовательно поглощаясь другъ другомъ, образовали одно великое тѣло, какъ результатъ работы столькихъ завоевателей и столькихъ вѣковъ — вдругъ распались съ трескомъ послѣ смерти побѣдителя Дарія. Войны между полководцами обуславливали возникновеніе новыхъ царствъ. Сирія, Египетъ становятся частью Греціи и заимствуютъ языкъ, нравы и науки у своихъ побѣдителей.

Торговля и искусства дѣлають Александрію соперницей Аѳинъ; астрономія и математика были здѣсь возведены на ступень, которой онѣ еще раньше не достигали. Въ особенности здѣсь пышно расцвѣла эрудиція, которая до этого времени была мало знакома грекамъ;—та наука, которая занимается менѣе вещами, чѣмъ книгами, которая менѣе стремится создавать и открывать, чѣмъ собирать, сравнивать и судить то, что уже создано и открыто; которая не идетъ впередъ, но оглядывается назадъ, чтобы обозрѣвать пройденный путь. Науки, требующія для своего изученія наиболѣе крупныхъ дарованій, не всегда предполагають также наивысшій умственный прогрессъ въ общей массѣ людей. Есть умы, которые природа надѣлила памятью, способной сравнивать знанія и располагать ихъ такъ, чтобы они представились во всей ихъ полнотѣ. Но этимъ умамъ она въ то же время отказала въ смѣлости генія, изобрѣтающаго и открывающаго себѣ новые пути. Предназначенные соединять старыя открытія, освѣщать и совершенствовать ихъ, эти умы, если не являются самоцвѣтными камнями, то, какъ алмазы, съ блескомъ отражаютъ заимствованный свѣтъ, но въ совершенной темнотѣ они смѣшались бы съ наиболѣе бесполезными камнями.

Извѣстный тогда міръ, міръ, если можно такъ выразиться, коммерческой и политической, увеличился благодаря завоеваніямъ Александра. Междоусобицы его преемниковъ представляли собой зрѣлище болѣе обширное. И въ этихъ столетовеніяхъ и колебаніяхъ могущественныхъ государствъ расположенные среди нихъ маленькіе греческіе города, являясь часто ареной ихъ сраженій и страдая одинаково отъ опустошеній всѣхъ воюющихъ сторонъ, чувствовали только свою беспомощность.

Краснорѣчіе не было уже болѣе двигателемъ политики. Съ этого момента Греція, поверженная гибельными разглагольствованіями въ мракъ школьных споровъ, потеряла свою славу вмѣстѣ со своей силой.

* * *

Между тѣмъ Римъ въ Италіи, точно въ особомъ мірѣ, уже въ теченіе многихъ вѣковъ непрерывнымъ рядомъ побѣдъ стремительно шелъ къ завоеванію вселенной.

Побѣдивъ Картагенъ, онъ вдругъ занялъ угрожающее положеніе среди націй. Народы дрожали и покорялись. Римляне, завоевавъ Грецію, узнали новую власть, власть разума и знаній. Ихъ суровость и дикость смягчились: Аѳины обрѣли учениковъ среди своихъ завоевателей, а вскорѣ и соперниковъ. Цицеронъ въ Капитоліи и въ рѣчахъ съ трибуны обнаружилъ краснорѣчіе, почерпнутое изъ лекцій грековъ. Но его порабощенные учителя знали только правила этого искусства. Латинскій языкъ, смягченный и обогащенный, просвѣтилъ Африку, Испанію и Галлію. Границы цивилизованнаго міра совпадали съ предѣлами распространенія римскаго могущества и два соперничающихъ языка, греческій и латинскій, раздѣляли его между собою.

Римскіе законы, предназначенные для управленія однимъ городомъ, были подавлены тяжестью всего міра. Свобода Рима была потоплена въ рѣкахъ крови. Наконецъ, Октавіанъ одинъ собралъ плоды гражданскихъ смуть. Жестокій узурпаторъ, но умѣренный государь, онъ далъ имперіи спокойные дни. Его просвѣщенное покровительство оживило всѣ искусства. Италія имѣла своего Гомера, правда, менѣе плодовитаго, чѣмъ греческій, но болѣе мудраго, болѣе ровнаго, болѣе гармоничнаго. Величіе, разумъ и изящество соединились, чтобы создать Горація. Вкусъ совершенствовался во всѣхъ областяхъ искусства.

Познаніе природы и истины безконечно, какъ эти предметы. Искусства, предназначенныя для удовлетворенія нашего вкуса, ограничены, какъ мы сами. Время безпрестанно порождаетъ новыя научныя открытія; но поэзія, живопись, музыка имѣютъ точно опредѣленный предѣлъ, обусловленный геніемъ языковъ, способностью подражать природѣ и ограниченной чувствительностью нашихъ органовъ; предѣлъ, къ которому изящныя искусства медленно приближаются, но перейти который они не могутъ. Великіе люди вѣка Августа достигли его и служатъ еще понынѣ для насъ образцами.

Начиная съ этого времени до момента паденія имперіи, я вижу только общій упадокъ, гдѣ все низвергается.

Не поднимаются ли, такимъ образомъ, люди только для того, чтобы вновь пасть?

Тысячи причинъ способствовали извращенію вкуса. Тиранія, подавляющая умы тяжестью своего режима; безумная роскошь, которая, являясь порожденіемъ тщеславія и разсматривая произведенія искусства не столько какъ предметы вкуса, сколько какъ признаки богатства, препятствуетъ ихъ совершенствованію, точно такъ же, какъ просвѣщенная любовь къ великолѣпію ему благопріятствуетъ; страсть къ новшествамъ у лицъ, не надѣленныхъ даромъ изобрѣтенія, которая приводитъ ихъ слишкомъ часто только къ искаженію стараго; подражаніе недостаткамъ великихъ авторовъ, замѣнившее даже усвоеніе ихъ красотъ;—таковы главныя причины упадка. Писатели появлялись во множествѣ въ провинціяхъ и искажали языки. Какіе-то остатки древне-греческой философіи, смѣшанной съ массой пустыхъ аллегорій, съ обаятельными нелѣпостями магіи, овладѣли умами и заглушили здоровую физику, которая начала зарождаться въ сочиненіяхъ Сенеки и Плинія Старшаго.

Вскорѣ имперія, предоставленная капризамъ зазнавшихся солдатъ, становится добычей массы тирановъ, которые, разрывая ее на части, подвергаютъ провинціи разоренію и опустошенію. Дисциплина въ арміи падаетъ. Варвары съ сѣвера проникаютъ со всѣхъ сторонъ. Народы обрушиваются на народы: города превращаются

въ пустыни, поля остаются невоздѣланными. И Западная Имперія, ослабленная, вслѣдствіе перенесенія всѣхъ силъ въ Константинополь, отчасти разрушенная, благодаря столькимъ непрекращавшимся опустошеніямъ, наконецъ, распадается и представляетъ бургундцамъ, готамъ и франкамъ оспаривать другъ у друга ея обширныя развалины и основывать новыя царства въ различныхъ частяхъ Европы.

* * *

Могу ли я пройти молчаніемъ этотъ новый свѣтъ, который, въ то время какъ Имперія приближалась къ своему паденію, распространялся по вселенной, свѣтъ въ тысячу разъ болѣе драгоцѣнный, чѣмъ свѣтъ наукъ и философіи? Святая религія! Могу-ли я забыть людей, познавшихъ Бога и разсѣявшихъ, наконецъ, мракъ идолопоклонства! При почти полномъ упадкѣ литературы, вы только одни выдвигали еще писателей, воодушевленныхъ желаніемъ обучать вѣрующихъ или отражать нападенія враговъ вѣры. И когда Европа сдѣлалась добычей варваровъ, только вы одни смягчали ихъ дикость! Вы одни увѣковѣчили пониманіе забытаго латинскаго языка! Только благодаря вамъ, до насъ дошелъ черезъ столько вѣковъ, такъ сказать, духъ столькихъ великихъ людей, писавшихъ на этомъ языкѣ, и только вамъ мы обязаны сохраненіемъ сокровищницы человѣческихъ знаній, готовой исчезнуть.

Но рана человѣческаго рода была слишкомъ глубока. Нужны были вѣка, чтобы ее исцѣлить.

Если бы Римъ былъ завоеванъ только однимъ народомъ, его глава сдѣлался бы римляниномъ и нація-завоевательница, какъ и ея языкъ, растворились бы въ населеніи и языкѣ имперіи. Тогда совершился бы процессъ, неоднократно имѣвшій мѣсто въ исторіи міра, процессъ духовнаго подчиненія и поглощенія варварскаго народа-побѣдителя покоренной просвѣщенной націей. Цидеронъ и Виргилій отстояли бы латинскій языкъ, какъ Гомеръ, Платонъ и Демосѣенъ защищали свой отъ римскаго вліянія. Но слишкомъ много народовъ и опустошеній слѣдовали другъ за другомъ, слишкомъ много пластовъ варварства нагромождалось, чтобы все наносное могло скоро исчезнуть и уступить силѣ римской цивилизаціи. Завоеватели, слишкомъ многочисленные, слишкомъ преданные войнѣ, были въ теченіе многихъ вѣковъ слишкомъ заняты своими внутренними раздорами. Геній римлянъ угасъ, и ихъ языкъ, смѣшавшись съ германскими нарѣчіями, былъ забытъ.

Образующійся новый языкъ, отличный отъ каждаго изъ двухъ смѣшивающихся, является результатомъ этого смѣшенія. Но проходитъ достаточно времени прежде, чѣмъ онъ окончательно формируется. Память, балансируя между двумя языками, останавливается случайно на выраженіяхъ одного или другого. Аналогія, т.-е. искусство образовывать спряженія и склоненія, выражать отношенія между предметами, располагать выраженія въ рѣчи, не имѣетъ болѣе точно опредѣленныхъ правилъ. Идеи связываются нестройно: гармонія и ясность языка отсутствуютъ. Слейте двѣ жидкости въ одинъ сосудъ: онѣ будутъ мутиться, темнѣть и вновь стануть такъ же прозрачными, какъ были до смѣшенія, только тогда, когда время сдѣлаетъ ихъ взаимное проникновеніе болѣе полнымъ и полученную смѣсь — однородной. Такимъ образомъ, покуда новый языкъ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ конструируется, приобрѣтая свой характеръ и оттѣнки,—поэзія, краснорѣчіе и вкусъ почти всецѣло

исчезаютъ. И покуда новыя европейскія языки зарождались и формировались въ хаосѣ первоначальныхъ латино-германскихъ нарѣчій, невѣжество и грубость господствовали повсюду.

Несчастливая имперія Цезарей! Новыя бѣдствія преслѣдуютъ тебя до послѣднихъ предѣловъ, ускоряя моментъ твоего паденія! Варварство разрушаетъ одновременно всѣ убѣжища искусствъ! И ты, Греція, слава твоя вѣдь померкла! Сѣверъ, наконецъ, оказывается обезсиленнымъ, и новыя тучи надвигаются на югъ на тѣ провинціи, которыя не извѣдали еще чужеземнаго ига.

* * *

Знамя ложнаго пророка объединило всѣхъ монаховъ, блуждавшихъ въ пустыняхъ Аравіи. Не прошло ста лѣтъ, какъ Сирія, Персія, Египетъ, Африка покрылись волнами стремительнаго потока, охватившаго въ своихъ опустошеніяхъ пространство отъ границъ Индіи до Атлантическаго океана и Пиринеевъ. Греческая имперія, сжатая въ тѣсныхъ границахъ, опустошаемая на югъ сарацинами и затѣмъ турками, на сѣверѣ болгарами, раздираемая внутри заговорами и частой смѣной правителей, впадаетъ въ состояніе слабости и вялости. И люди, погрязшіе въ трусливой лѣности, перестаютъ заниматься усовершенствованіемъ наукъ и искусствъ.

Напрасно Карлъ Великій на Западѣ пытался раздуть нѣкоторыя искры огня, покрытаго пепломъ; ихъ вспышка была такъ же недолговѣчна, какъ и слаба. Вскорѣ раздоры его вассаловъ взволновали созданную имъ имперію.

Между тѣмъ сѣверъ извергалъ еще изъ своихъ нѣдръ новыхъ разрушителей: норманы, венгры покрыли Европу новыми развалинами и новымъ мракомъ. Общая слабость монарховъ обусловила почти повсемѣстное паденіе единодержавія. Уничтоженная королевская власть уступила мѣсто массѣ мелкихъ феодаловъ, подчиненныхъ другъ другу, среди которыхъ ленные законы поддерживали какое то ложное подобіе порядка въ атмосферѣ увѣковѣчиваемой ими анархіи.

Короли безъ власти, разнузданные дворяне, поработанные народы, деревни, покрытыя укрѣпленіями и непрерывно опустошаемыя; войны, возникающія между городомъ и городомъ, между деревней и деревней, пропитывающія взаимной враждой, такъ сказать, всю массу королевствъ; полный застой въ торговлѣ, совершенный перерывъ сообщеній; города, населенные бѣдными ремесленниками, учрежденія которыхъ не побуждаютъ къ соревнованію; богатство и досугъ, погибающія въ праздности дворянства, разсѣяннаго тамъ и сямъ въ своихъ замкахъ и умѣющаго только предаваться бесполезнымъ для отечества войнамъ; невѣжество, наиболѣе грубое, распространенное на всѣ націи и на всѣ профессіи, — такова печальная, но очень похожая картина Европы въ теченіе многихъ вѣковъ.

Тѣмъ не менѣе, изъ нѣдръ этого варварства нѣкогда выйдутъ науки и усовершенствованныя искусства. Среди невѣжества незамѣтный прогрессъ подготавливаетъ блестящіе успѣхи послѣднихъ вѣковъ. Подъ этой почвой развиваются уже слабыя корни будущей жатвы. Города у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ являются, по своей природѣ, центромъ торговли и общественныхъ силъ. Они стали сильными. И если феодальное законодательство, — продуктъ сочетанія старыхъ германскихъ обычаевъ съ случайными обстоятельствами, — ихъ унижало, то это было противорѣчіемъ въ

государственномъ строе, которое должно было современемъ исчезнуть. Вскорѣ города, благодаря покровительству королей, пробуждаются. Государи, простирая руки народамъ, ослабляютъ своихъ вассаловъ и постепенно возстановляютъ свою собственную власть.

Въ университетахъ уже изучали латынь, богословіе съ діалектикой Аристотеля. Арабы издавна усвоили греческую философію; и ихъ знанія распространялись на западъ. Они успѣшно разрабатывали математическія науки, которыя болѣе, чѣмъ всякія другія, независимы отъ совершенства вкуса и, можетъ быть, даже отъ справедливости разума. Изученіе ихъ неминуюмо приводитъ къ истинѣ. Однако, всегда ясныя, всегда чистыя математическія истины появились на свѣтъ покрытыми заблужденіями астрологіи судебъ. Нелѣпныя надежды на открытіе философскаго камня, побуждая арабскихъ философовъ отдѣлять и соединять все элементы тѣль, обусловили зарожденіе подъ ихъ руками безконечной науки химіи. Эта наука распространилась всюду, гдѣ люди могутъ быть обмануты своими ненасытными желаніями. Наконецъ, механическія искусства совершенствовались во всехъ областяхъ въ силу только вліянія времени, ибо, въ виду того, что и въ періодъ упадка наукъ и вкуса жизненныя потребности не становятся менѣе настоящими, невозможно, чтобы среди массы лицъ, дѣятельность которыхъ направлена къ удовлетворенію этихъ потребностей, т.-е. среди ремесленниковъ, не встрѣтился какой-нибудь изъ тѣхъ геніальныхъ людей, которые смѣшаны съ остальными смертными, какъ золото съ пескомъ.

Какая масса изобрѣтеній, неизвѣстныхъ древнимъ и обязанныхъ своимъ появленіемъ варварскому вѣку! Ноты, векселя, бумага, оконное стекло, большія зеркальныя стекла, вѣтряныя мельницы, часы, зрительныя трубы, порохъ, компасъ, усовершенствованное мореходное искусство, упорядоченный торговый обмѣнъ и т. д., и т. д.

Искусства суть не что иное, какъ умѣнье использовать силы природы, и практическое примѣненіе искусствъ является только рядомъ физическихъ опытовъ, благодаря которымъ эти силы все болѣе и болѣе открываются. Факты накаплиются во мракѣ невѣжественныхъ временъ, и науки, прогрессъ которыхъ совершается хотя незамѣтно, но непрерывно, должны когда-нибудь возродиться, увеличенныя новыми богатствами,—подобно тѣмъ рѣкамъ, которыя, скрываясь нѣкоторое время отъ нашихъ взоровъ въ подземномъ каналѣ, вновь появляются на отдаленномъ разстояніи болѣе широкими, вслѣдствіе притока всехъ подпочвенныхъ водъ.

Разнообразныя слѣдствія событій, совершающихся въ различныхъ концахъ міра, различными путями стремятся къ одной конечной цѣли—поднять человѣческій разумъ изъ пыли его развалинъ. Такъ, въ теченіе ночи звѣзды послѣдовательно появляются на небѣ и обѣгаютъ каждая свою орбиту: похоже на то, что онѣ, въ своемъ общемъ передвиженіи, увлекаютъ съ собой всю небесную сферу и приводятъ намъ наступающій, вслѣдъ за ихъ удаленіемъ, день.

Германія, Данія, Швеція, Польша, благодаря заботамъ Карла Великаго и Оттоновъ, Россія, благодаря торговлѣ съ греческой имперіей, постепенно утрачивали свою первоначальную дикость. Христіанство, собирая варварскіе народы, закрѣпляя ихъ въ городахъ, уничтожило навсегда источникъ нашествій, столько разъ губительно отразившихся на наукахъ. Въ Европѣ царитъ еще варварство; но свѣтъ ея знаній распространяется на народы еще болѣе варварскіе, оказывая на нихъ весьма благо-

творное вліяніе. Постепенно исчезают нравы, занесенные изъ Германіи на югъ Европы. Народы, въ періодъ борьбы дворянства съ государями, начинаютъ вырабатывать себѣ принципы болѣе прочнаго образа правленія, которые, въ силу разнообразія условій существованія каждаго народа, пріобрѣтають особенности, отличающія ихъ другъ отъ друга. Войны противъ мусульманъ въ Палестинѣ, являясь общимъ дѣломъ всѣхъ христіанскихъ государствъ, способствуютъ ихъ взаимному сближенію и объединенію, бросаютъ сѣмена той новой политики, которая разсматриваетъ столько націй, какъ образующія какъ бы единую обширную республику.

Во Франціи вновь возрождается королевская власть; въ Англіи устанавливается народовластіе; итальянскіе города превращаются въ республики и возсоздаютъ картину древней Греціи; маленькія монархіи Испаніи изгоняють мавровъ и постепенно сливаются въ одно государство.

Вскорѣ, благодаря изобрѣтенію компаса, моря, раздѣлявшія раньше народы, становятся для нихъ связующими звеньями. Португальцы на востокъ, испанцы на западъ открываютъ новые міры. Вселенная, наконецъ, становится извѣстной.

Смѣшеніе варварскихъ языковъ съ латинскими породило уже въ преемственности вѣковъ новые языки. Изъ нихъ итальянскій, менѣе удаленный отъ ихъ общаго источника, болѣе свободный отъ чужеземныхъ элементовъ, первый достигаетъ изящества стилиа и красоть поэзіи.

Оттоманы, распространяясь въ Азіи и Европѣ съ быстротой порывистаго вѣтра, окончательно разрушаютъ Восточную Имперію и разсѣиваютъ на западъ слабыя искры наукъ, сохранившихся еще въ Греціи.

* * *

Но вотъ нарождается новое искусство, которое точно заставляетъ произведенія и славу появляющихся великихъ людей летать повсемѣстно, которое ускоряетъ прогрессъ во всѣхъ его видахъ!

Въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ граверы, изготовляя медали, показываютъ людямъ возможность дѣлать оттиски на мѣди, и лишь спустя столько вѣковъ обыкновенному смертному приходитъ въ голову мысль, что можно дѣлать оттиски на бумагѣ. Вскорѣ сокровища древности, извлеченныя изъ праха, становятся для всѣхъ доступными, проникають всюду, освѣщаютъ путь талантамъ, которые затерялись бы во мракѣ, призываютъ геній изъ глубины его убѣжища.

Моментъ наступилъ. Европа, выйди изъ покрывающаго тебя мрака! Безсмертныя имена Медичи, Льва X, Франциска I, будьте святы навсегда! Сколько покровителей искусствъ раздѣляютъ славу тѣхъ, которые ихъ разрабатываютъ!

Привѣтствую тебя, о Италія! Счастливая страна, ставшая вторично отечествомъ наукъ и вкуса, источникомъ, воды котораго разлились кругомъ широкой рѣкой, оплодотворяя нашу почву. Франція созерцаетъ твои успѣхи еще только издали. Ея языкъ, зараженный еще остатками варварства, не можетъ за ними поспѣвать. Вскорѣ гибельныя смуты взволновали всю Европу. Смѣлые люди поколебали основы вѣры и власти. Могутъ ли цвѣтущіе стволы изящныхъ искусствъ расти, поливаемые кровью? Настанетъ день, и онъ уже близокъ, когда они украсятъ всѣ страны Европы.

Время, расправь свои быстрыя крылья! Вѣкъ Людовика, вѣкъ великихъ людей, вѣкъ разума, слѣшите!

Благосостояніе государствъ, долго неустойчивое въ періодъ религіозныхъ волненій, точно въ силу послѣдняго толчка, уже пріобрѣло, наконецъ, разумную прочность. Упорное изученіе древности вновь подвняло умы на тотъ уровень, на которомъ она остановилась. Масса фактовъ, опытовъ, орудій и остроумныхъ приѣмовъ, накопленныхъ въ теченіе столькихъ вѣковъ практическимъ примѣненіемъ искусствъ, уже извлечены изъ мрака, благодаря книгопечатанію. Продукты двухъ міровъ, собранные всеобъемлющей торговлей, легли въ основаніе физики, дотолѣ неизвѣстной, избавленной, наконецъ, отъ чуждыхъ ей умозрѣній. Внимательные взоры со всѣхъ сторонъ сосредоточены на природѣ. Малѣйшія благопріятныя случайности порождаютъ открытія. Сынъ зеландскаго ремесленника, играя, составилъ изъ двухъ выпуклыхъ стёколъ первую зрительную трубку. Границы, доступныя нашимъ чувствамъ, были раздвинуты, и въ Италіи глаза Галилея открыли новое небо. Кеплеръ, отыскивая въ свѣтилахъ числа Пифагора, нашелъ два знаменитыхъ закона о движеніи планетъ, которые впослѣдствіи подъ руками Ньютона сдѣлаются ключемъ вселенной. Бэконъ начерталъ потомству путь, по которому оно должно слѣдовать.

Но вотъ смертный дерзаетъ отбросить знанія всѣхъ эпохъ и даже понятія, которыя онъ считаетъ наиболѣе ясными. Онъ точно хочетъ потушить факель наукъ, чтобы его вновь зажечь у чистаго огня разума. Не хотѣлъ ли онъ подражать тѣмъ народамъ древности, у которыхъ считалось преступленіемъ зажигать у чужихъ костровъ огонь, долженствовавшій горѣть на алтарѣ боговъ? Великій Декартъ! Если тебѣ не дано было всегда находить истину, ты, по крайней мѣрѣ, разрушилъ тиранію заблужденія.

Франція, которую Испанія и Англія уже опередили въ поэтической славѣ, Франція, геній которой сформировался лишь, когда философскій духъ сталъ распространяться, обязана была, быть можетъ, этой самой медленности, точностью, методичностью и строгостью вкуса ея писателей. Но лукавыя и изысканныя мысли, тяжело-вѣсная и показная эрудиція портятъ еще нашу литературу.

Какое различіе между развитіемъ вкуса у насъ и у древнихъ! Реальный прогрессъ человѣческаго разума обнаруживается даже въ его заблужденіяхъ. Причуды готической архитектуры недоступны людямъ, обитающимъ въ деревянныхъ хижинахъ. Пріобрѣтеніе знаній у первобытныхъ людей и образованіе вкуса шли, такъ сказать, одинаковыми шагами. Поэтому ихъ удѣломъ была примитивная грубость и слишкомъ большая простота. Руководимые инстинктомъ и воображеніемъ, они постепенно улавливали отношенія между человѣкомъ и предметами природы, отношенія являющіяся единственными основаніями красоты. Въ послѣдующія же эпохи, когда, не взирая на несовершенство вкуса, количество идей и знаній увеличилось, когда изученіе образцовъ и правилъ скрыло съ глазъ природу и заглушило чувства, нужно было путемъ совершенствованія возвратиться къ тому пункту, куда первобытныхъ людей привелъ слѣпой инстинктъ. И кто не знаетъ, что именно это возвращеніе является наивысшимъ усиленіемъ разума?

Наконецъ, всѣ тучи разсѣяны. Какой яркій свѣтъ загорѣлся со всѣхъ сторонъ! Какая масса великихъ людей во всѣхъ областяхъ! Какое совершенство человѣче-

скаго разума! Человѣкъ Ньютонъ подвергъ исчисленію безконечное; открылъ свойства свѣта, который, освѣщая все, самъ какъ бы скрывается; привелъ въ равновѣсіе свѣтила, землю и всѣ силы природы. Этотъ человѣкъ встрѣтилъ соперника. Лейбницъ обнимаетъ своимъ обширнымъ умомъ всѣ предметы человѣческаго разума. Различныя науки, ограниченныя сначала небольшимъ количествомъ простыхъ понятій, доступныхъ всѣмъ, ставъ, благодаря своему прогрессу болѣе обширными и болѣе трудными, могутъ быть отнынѣ разсматриваемы только отдѣльно. Но дальнѣйшіе научные успѣхи сближаютъ ихъ и открываютъ взаимную зависимость, существующую между всѣми истинами, которая, связывая ихъ, освѣщаетъ одну посредствомъ другой. Ибо, если каждый день добавляетъ новое къ безконечности наукъ, то съ каждымъ днемъ онѣ становятся также болѣе понятными: ибо методы умножаются наряду съ открытіями, ибо лѣса воздвигаются одновременно со зданіемъ.

О Людовикъ! Какое величіе окружаетъ тебя! Какой блескъ твоя благодѣтельная рука распространила на всѣ искусства! Твой счастливый народъ сталъ центромъ просвѣщенія. Соперники Софокла, Менандра, Горація, соберитесь вокругъ его трона! Нарождайтесь, ученые академики! Соедините ваши труды для прославленія его царствованія! Какая масса общественныхъ памятниковъ, произведеній генія, вновь изобрѣтенныхъ искусствъ, усовершенствованныхъ старыхъ искусствъ! Кто могъ бы нарисовать эту величественную картину! Откройте глаза и смотрите!

Вѣкъ Людовика Великаго! Пусть твой свѣтъ украшаетъ царствованіе премника! Пусть этотъ свѣтъ горитъ вѣчно яркимъ пламенемъ и да распространится онъ по всей вселенной! Дабы люди могли непрерывно дѣлать новые шаги по пути къ достиженію истины! Дабы они могли, что еще важнѣе, безпрестанно дѣлаться лучше и счастливѣе!

* * *

Среди этихъ переворотовъ въ мнѣніяхъ, наукахъ, искусствахъ и во всемъ томъ, что не чуждо человѣку, наслаждайтесь, господа, созерцаніемъ этой религіи,—которой вы посвятили ваши сердца и ваши таланты,—пребывающей всегда неизмѣнной, всегда чистой, всегда цѣльной, увѣковѣчивающейся въ церкви и сохраняющей всѣ черты печати, которой ее отмѣтило Божество. Вы будете ея хранителями и окажетесь достойными своего высокаго назначенія. Факультетъ ждетъ отъ васъ своей славы, французская церковь своихъ знаній, религія своихъ защитниковъ. Геній, эрудиція и благочестіе, объединившіеся въ вашемъ лицѣ, служатъ прочнымъ основаніемъ для этихъ надеждъ.

IV.

Т ю р г о.

**Разсужденіе о всеобщей
исторіи.**

(Планъ двухъ разсужденій).

ИДЕЯ ВВЕДЕНІЯ.

Помѣщенный своимъ творцомъ среди вѣчности и безконечности и занимая только едва замѣтную точку, человѣкъ имѣетъ необходимыя отношенія со множествомъ вещей и существъ, въ то же время, какъ его идеи сосредоточены въ недѣлимости его ума и настоящаго момента.—Онъ познаетъ себя только посредствомъ своихъ ощущеній, которыя всѣ обусловлены внѣшними предметами, и настоящій моментъ является центромъ, объединяющимъ массу идей, сплетенныхъ другъ съ другомъ.

Именно изъ этого сплетенія и изъ порядка законовъ, согласно которымъ совершаются непрерывныя измѣненія всѣхъ его идей, человѣкъ черпаетъ сознание дѣйствительности. Благодаря отношенію, существующему между всѣми его различными ощущеніями, онъ познаетъ существованіе внѣшнихъ предметовъ. Подобное отношеніе въ послѣдовательности его идей открываетъ прошедшее. Отношенія существъ между собою отнюдь не являются бесполезными. Всѣ могутъ дѣйствовать другъ на друга, согласно ихъ различнымъ законамъ и также въ зависимости отъ отдѣляющихъ ихъ разстояній. Этотъ реальный міръ, границъ котораго мы не знаемъ, существуетъ для насъ въ чрезвычайно тѣсныхъ предѣлахъ, размѣры которыхъ зависятъ отъ большаго или меньшаго совершенства нашихъ чувствъ. Мы знаемъ небольшое число звеньевъ цѣпи, но начало и конецъ ея намъ одинаково неизвѣстны.

Законы, которымъ подчинены тѣла, образуютъ физику: они вѣчно неизмѣненны, ихъ описываютъ, но не рассказываютъ. Исторія животныхъ и исторія человѣка представляютъ совершенно отличное зрѣлище. Человѣкъ, какъ и животныя, наследуетъ другимъ людямъ, дающимъ ему жизнь, и онъ, какъ они, видитъ себя подобнымъ, распространеннымъ на поверхности обитаемаго имъ земного шара. Но, одаренный болѣе обширнымъ умомъ и болѣе активной свободой, онъ вступаетъ съ другими людьми въ гораздо болѣе многочисленныя и разнообразныя отношенія. Владѣя сокровищемъ знаковъ, которые онъ сумѣлъ умножить почти до безконечности, онъ можетъ обезпечивать себѣ обладаніе всѣми прибрѣтенными идеями, сообщать ихъ другимъ людямъ и передавать ихъ своему потомству, какъ постоянно увеличивающееся наследство. Безпрерывное сочетаніе этихъ успѣховъ со страстями и обусловливаемыми ими событіями образуетъ исторію человѣческаго рода, гдѣ каждый человѣкъ является только частью безконечнаго дѣлага, вмѣющаго, какъ и онъ, свое младенчество и свой прогрессъ.

Такимъ образомъ, всемірная исторія обнимаетъ собой разсмотрѣніе послѣдовательныхъ успѣховъ человѣческаго рода и подробное изученіе вызвавшихъ ихъ причинъ. Сюда относятся: наблюденіе первыхъ зачатковъ людей; образованіе и смѣшеніе націй; происхожденіе правительствъ и ихъ перевороты; прогрессъ языковъ, успѣхи физики,

морали, нравовъ, наукъ и искусствъ; революціи, благодаря которымъ смѣнялись однѣ за другими имперіи, націи, религіи, между тѣмъ, какъ человѣческій родъ оставался всегда неизмѣннымъ въ своихъ потрясеніяхъ, какъ морская вода въ буряхъ, и всегда шествовалъ къ своему совершенствованію. Она должна вскрыть вліяніе общихъ и необходимыхъ причинъ, вліяніе частныхъ причинъ и свободныхъ поступковъ великихъ людей и отношеніе всего этого къ организаціи самого человѣка; она должна показывать пружины и механизмъ моральныхъ причинъ на ихъ слѣдствіяхъ: вотъ то, что является исторіей въ глазахъ философа. Она опирается на географію и хронологію, измѣряющія разстояніе временъ и мѣстъ.

Представляя въ этомъ планѣ картину человѣческаго рода, прослѣживая почти историческій порядокъ его прогресса и останавливаясь только на главныхъ эпохахъ, я хочу лишь указать, а не углублять; дать очеркъ великаго труда и открыть широкій горизонтъ, не обозрѣвая его, подобно тому, какъ черезъ маленькое окно мы видимъ всю безконечность неба.

Образованіе правительствъ и смѣшеніе народовъ.

(Планъ перваго разсужденія).

Вся вселенная говоритъ мнѣ объ изначальномъ существѣ. Я вижу всюду печать руки Бога. Если я хочу нѣчто познать точно, то этому препятствуетъ окружающій меня мракъ. Я вижу, какъ ежедневно изобрѣтается искусство; я вижу въ нѣкоторыхъ частяхъ свѣта народы цивилизованные, просвѣщенные, а въ другихъ—народы, блуждающіе въ лѣсныхъ чащахъ. Это неравенство прогресса должно было бы исчезнуть въ вѣчности. Міръ, такимъ образомъ, не вѣченъ; но я долженъ въ то же время заключить, что онъ очень старъ. Въ какой степени? Не знаю.

Историческія времена не могутъ восходить выше изобрѣтенія письменности; и, когда она была изобрѣтена, она сначала могла служить только для накопленія смутныхъ преданій или, иногда, нѣкоторыхъ главныхъ фактовъ, не установленныхъ никакой датой и смѣшанныхъ съ мифомъ такъ, что ихъ невозможно отличить.

Гордость побуждала націи удалять свое происхожденіе очень далеко въ глубь вѣковъ. Но до изобрѣтенія чиселъ люди по отношенію къ продолжительности времени едва распространяли свои представленія далѣе немногихъ извѣстныхъ имъ поколѣній, т.-е. трехъ или четырехъ. Только въ теченіе вѣкового или полуторавѣкового періода преданіе можетъ, безъ помощи исторіи, указать эпоху извѣстнаго факта. Поэтому, никакая исторія не восходитъ значительно выше изобрѣтенія письменности, если это только не мифическая хронологія, которую позаботились составить только тогда, когда народы, открывая другъ друга, благодаря своей торговлѣ, обратили свою гордость въ зависть.

Среди этого безмолвія разума и исторіи одна книга служитъ намъ сокровищницей откровенія. Она говоритъ намъ, что этотъ міръ существуетъ шесть или восемь тысячъ лѣтъ (въ зависимости отъ экземпляра книги); что мы всѣ ведемъ свое происхожденіе отъ одного человѣка и отъ одной женщины; что, вслѣдствіе наказанія за ихъ ослушаніе, человѣкъ, рожденный для болѣе счастливой жизни, былъ обре-

ченъ на невѣжество и нищету, отъ которыхъ его лишь отчасти могутъ избавить только сила времени и трудъ. Она намъ наивно описываетъ изобрѣтенія примитивныхъ искусствъ, — плоды первыхъ потребностей, — и послѣдовательность поколѣній до того момента, когда человѣческой родъ, почти всецѣло поглощенный всемірнымъ потокомъ, вновь сократился до одной семьи и, слѣдовательно, вынужденъ былъ все снова начать.

Эта книга, такимъ образомъ, отнюдь не препятствуетъ нашимъ изслѣдованіямъ о томъ, какъ люди распространялись на землѣ и какъ слагались политическія общества. Она даетъ этимъ интереснымъ событіямъ новый отправной пунктъ, подобный тому, который мы избрали бы, если бы факты, которые она разсказываетъ, не стали предметомъ нашей вѣры.

* * *

Среди лѣсовъ, безъ съѣстныхъ припасовъ, можно было заботиться только о насущномъ. Плоды, произвольно произрастающіе на землѣ, слишкомъ недостаточны; нужно было, такимъ образомъ, прибѣгать къ охотѣ на животныхъ; послѣднія, являясь, вслѣдствіе своей малочисленности, недостаточнымъ источникомъ питанія для все увеличивающагося на небольшомъ пространствѣ населенія, ускорили разсѣяніе народовъ и ихъ быстрое смѣшеніе.

Семейства, или маленькія племена, весьма удаленныя другъ отъ друга, — ибо каждому для добыванія себѣ средствъ существованія нужно было обширное пространство, — таковы охотничій бытъ. Они не имѣютъ постоянного жилища и съ чрезвычайной легкостью перекочевываютъ съ одного мѣста на другое. Трудность добыванія средствъ существованія, споръ, опасеніе мести врага являются достаточными причинами для того, чтобы семейства охотниковъ отдѣлялись отъ остальной части своего племени.

Они идутъ тогда безъ опредѣленнаго направленія туда, куда ведетъ ихъ охота. И если иногда вновь попадаютъ на знакомую дорогу, они продолжаютъ удаляться. Въ силу этого, племена, говорящія на одномъ и томъ же языкѣ, часто оказываются удаленными другъ отъ друга на разстояніе болѣе шестисотъ миль и окруженными народами, которые ихъ не понимаютъ, — явленіе, обычно наблюдаемое среди дикихъ Америки, гдѣ, вслѣдствіе той же причины, встрѣчаются племена въ 15 или 20 человѣкъ.

Нерѣдко, однако, войны и споры, въ мотивахъ къ которымъ варварскія націи очень изобрѣтательны, обуславливали смѣшеніе многихъ племенъ въ одинъ народъ, въ виду общаго сходства нравовъ и языка, раздѣленнаго только на множество нарѣчій.

Обычай дикихъ Америки принимать въ свою среду военноплѣнныхъ на мѣсто потерянныхъ въ сраженіяхъ своихъ единоплеменниковъ долженъ былъ сдѣлать эти смѣшенія чрезвычайно частыми. Нѣкоторые языки поэтому господствуютъ на обширныхъ пространствахъ: таковъ языкъ гуроновъ вблизи рѣки Сенъ-Лоранъ, языкъ алгонкиновъ по склону, ведущему къ Миссисипи, языкъ мексиканцевъ, инковъ, топинамбу въ Бразиліи и гварановъ въ Парагваѣ. Великія горныя цѣпи обычно служатъ для нихъ границами.

Нѣкоторые животныя, какъ быки, бараны, лошади позволяютъ себя приручить, и люди находятъ болѣе выгоднымъ соединять ихъ въ стада, чѣмъ гнаться за животными дико-блуждающими. Пастушеская жпзнь вскорѣ установилась всюду, гдѣ эти животныя встрѣчались: быки и бараны въ Европѣ, верблюды и козули на Востокѣ, лошади въ Монголіи, олени на Сѣверѣ.

Охотничій бытъ сохранился въ тѣхъ частяхъ Америки, гдѣ эти виды животныхъ отсутствуютъ: въ Перу, гдѣ природа произвела видъ быковъ, называемыхъ лама ми, образовались пастушескія племена; и вѣроятно, въ силу этой причины, эта часть Америки легче просвѣщалась.

Пастушескіе народы, имѣя болѣе обильныя и болѣе обезпеченныя средства существованія, были болѣе многочисленны. Они стали болѣе богатыми и болѣе прониклись духомъ собственности.

Честолюбіе, пли вѣрнѣе жадность, замѣняющая честолюбіе у варваровъ, могла имъ внушить склонность къ грабежу и въ то же время желаніе и смѣлость сохранить награбленное. Стада доставляютъ своимъ обладателямъ хлопоты, которыхъ не знаютъ охотники, и они прокармливаютъ гораздо больше людей, чѣмъ это нужно для ухода за ними. Отсюда должна была образоваться несоразмѣрность между быстротою движеній праздныхъ людей и націй. Поэтому народъ не могъ избѣжать сраженія съ отрядомъ рѣшительныхъ людей, какъ охотниковъ, такъ и членовъ другихъ пастушескихъ племенъ, которые, побѣдивъ, становились хозяевами стадъ и которые иногда также прогонялись пастухами-всадниками, если стада послѣднихъ состояли изъ лошадей и верблюдовъ. И такъ какъ страхъ голодной смерти удерживалъ побѣжденныхъ отъ бѣгства, то они подвергались участи животныхъ и становились рабами побѣдителей; послѣдніе кормили ихъ взамѣнъ за трудъ по охранѣ ихъ стадъ. Хозяева, освобожденные отъ всякихъ заботъ, отправлялись подчинять такимъ же образомъ другія племена. Такъ слагались маленькія націи, которыя въ свою очередь образовали великія. Эти народы, такимъ образомъ, распространялись на всемъ континентѣ, покуда непреодолимая для нихъ преграда не останавливали ихъ.

Набѣги пастушескихъ народовъ оставляютъ больше слѣдовъ, чѣмъ нападенія охотниковъ. Доступные, благодаря своему досугу, большому количеству желаній, первые стремились туда, гдѣ они надѣялись на добычу. Они оставались тамъ, гдѣ находили пастбища, и смѣшивались съ туземнымъ населеніемъ.

Примѣръ однихъ поощрялъ другихъ. Эти потоки увеличивались въ своемъ теченіи, и народы и языки непрерывно смѣшивались.

Эти завоеватели, однако, скоро разсѣялись. Когда нечего было болѣе грабить, ихъ различныя орды не находили болѣе выгоднымъ оставаться вмѣстѣ, и, сверхъ того, размноженіе стадъ вынуждало ихъ отдѣляться. Каждое племя имѣло своего начальника. Только главный вождь или болѣе воинственный, пользовался нѣкоторымъ превосходствомъ надъ другими среди своего племени и требовалъ въ знакъ благоговѣнія нѣкоторыхъ преподношеній.

Наконецъ, возникли ложныя идеи о славѣ; то, что раньше дѣлалось ради грабежа, совершалось теперь во имя господства, во имя поднятія своего племени выше другихъ, и—когда торговля открыла народамъ преимущества чужихъ странъ—съ цѣлью замѣнить неблагоприятную страну на плодородную.

Всякій болѣе или менѣе честолюбивый князь совершалъ набѣги на земли своихъ сосѣдей и расширялъ свои владѣнія, покуда не встрѣчалъ на своемъ пути сосѣда, способнаго сопротивляться ему; тогда они сражались; побѣдитель увеличивалъ свое могущество на счетъ побѣжденнаго и пользовался имъ для новыхъ завоеваній.

Отсюда всѣ нашествія варваровъ, часто опустошавшихъ землю,—эти приливы и отливы, составляющіе всю ихъ исторію.

Отсюда эти различныя названія, которыя послѣдовательно носили народы однѣхъ и тѣхъ же странъ и разнообразіе которыхъ запутываетъ изслѣдованіе ученыхъ. Названіе господствующей націи становилось общимъ для всѣхъ другихъ, которыя, тѣмъ не менѣе, сохраняли каждая свое частное названіе. Таковы были мидійцы, персы, кельты, тевтоны, кимвры, вевы, германцы, аллеманы, скиѣы, готы, гунны, турки, татары, монголы, мантигу, калмыки, арабы, бедуины, берберы и т. д.

Завоеванія не были одинаково обширны. То, что не останавливало ста тысячъ человѣкъ, служило препятствіемъ для десяти тысячъ. Поэтому было гораздо большее количество мелкихъ завоеваній въ странахъ, отрѣзанныхъ отъ остальнаго міра. Здѣсь перевороты должны были быть чаще и націи болѣе смѣшаны. Рѣки, въ особенности горныя цѣпи и море, представляли собой непроницаемыя преграды для многихъ изъ этихъ маленькихъ Аттилъ. Такимъ образомъ, разсѣянныя мелкія племена, обитавшія между горными цѣпями, рѣками и морями, благодаря многочисленнымъ революціямъ, объединились и слились вмѣстѣ. Ихъ нарѣчія, нравы, благодаря тѣсному сближенію, пріобрѣтали однообразный характеръ.

Внѣ этихъ первоначальныхъ естественныхъ преградъ завоеванія были болѣе обширны и смѣшеніе не столь часто.

Обычаи и частныя нарѣчія образуютъ различные народы. Всякое препятствіе, уменьшающее сообщеніе, слѣдовательно, и разстояніе, являющееся однимъ изъ этихъ препятствій, укрѣпляетъ отличительные отбѣнки націй; но вообще народы одного материка смѣшались, по крайней мѣрѣ, косвенно: галлы съ германцами, послѣдніе съ сарматами—и такъ до границъ, создаваемыхъ великими морями. Отсюда сходство обычаевъ и словъ у народовъ, весьма другъ отъ друга отдаленныхъ и весьма различныхъ. И вообразивъ на минуту окрашенными границы, проводимыя во всѣ концы континента націями, я точно вижу, какъ языки, нравы, даже фигуры образуютъ рядъ замѣтныхъ постепенностей; каждая нація является отбѣнкомъ окружающихъ ее сосѣдокъ. То всѣ націи смѣшиваются, то одна сообщаетъ другой то, что она сама позаимствовала. Но почти всѣ эти революціи остаются въ неизвѣстности; онѣ оставляютъ не болѣе слѣдовъ, чѣмъ буря на морѣ. Только, когда онѣ захватываютъ въ своемъ движеніи просвѣщенные народы, память о нихъ сохраняется.

Пастушескіе народы, находившіеся въ плодородныхъ странахъ, безъ сомнѣнія, первыми перешли къ земледѣльческому состоянію. Наоборотъ, племена, промышленныя охотой, лишеныя помощи животныхъ для удобренія полей и для облегченія работъ, не могли такъ скоро перейти къ земледѣлію. Если они обрабатываютъ нѣкоторые участки, то лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Когда земля истощена, они переносятъ свои жилища въ другое мѣсто; и если они, въ концѣ концовъ, оставляютъ кочевой образъ жизни, то только въ силу безконечно медленнаго прогресса

Земледѣльцы естественно не являются завоевателями; трудъ по обработкѣ

земли слишкомъ поглощаютъ ихъ; но, будучи болѣе богатыми, чѣмъ другіе народы, они вынуждены защищаться [противъ насилія. Сверхъ того, земля питала у нихъ гораздо большее количество людей, чѣмъ это нужно было для хлѣбопашества. Отсюда праздные люди; отсюда города, торговля, всѣ искусства, какъ полезныя, такъ и служащія просто для развлеченій; отсюда болѣе быстрый прогрессъ всякаго рода, ибо все слѣдуетъ за общимъ движеніемъ разума. Отсюда большая искусность въ веденіи войны, чѣмъ у варваровъ; отсюда раздѣленіе профессій и неравенство между людьми. Вслѣдствіе увеличенія богатствъ рабство становится домашнимъ; порабощеніе болѣе слабого пола (всегда связанное съ варварствомъ) становится болѣе жестокимъ. Но въ то же время зарождается болѣе глубокое изученіе идеи государства.

Горожане, болѣе искусные, чѣмъ деревенскіе жители, занимали по отношенію къ послѣднимъ господствующее положеніе; или, вѣрнѣе, деревня, ставшая, благодаря своему мѣстоположенію центромъ, гдѣ окружные жители собирались по торговымъ дѣламъ, и, слѣдовательно, болѣе многолюдной, проникалась завоевательными стремленіями и, оставляя въ другихъ селеніяхъ только тѣхъ, которые были необходимы для обработки земель, привлекала къ себѣ либо путемъ закрѣпощенія, либо соблазняя властью и торговлей, наиболѣе значительныхъ гражданъ. Сліяніе, соединеніе правительственныхъ органовъ становится болѣе тѣснымъ, болѣе прочнымъ. Въ городахъ, благодаря досугу, на ряду съ талантами развиваются страсти.

Честолюбіе усиливается, политика открываетъ для него новыя перспективы, которыя успѣхи разума расширяютъ: отсюда многочисленные виды правительствъ. Первоначальныя формы были неизбѣжными продуктами войны и, слѣдовательно, предполагали правленіе одного. Не нужно думать, что люди когда-либо добровольно поставили бы надъ собою господина, но они часто соглашались подчиняться начальнику. И сами честолюбцы, образуя великія націи, содѣйствовали видамъ Провидѣнія, успѣхамъ просвѣщенія и, слѣдовательно, увеличенію счастья человѣческаго рода, о которомъ они совершенно не заботились. Они безсознательно шли туда, куда толкали ихъ страсти и неистовства. Я представляю себѣ несмѣтную армію, всѣми движеніями которой руководить великій геній. При видѣ военныхъ сигналовъ, услышавъ шумные звуки трубъ и барабановъ, цѣлые эскадроны приходятъ въ движеніе, даже лошади дышатъ огнемъ; каждая часть идетъ своей дорогой, преодолевая встрѣчающіяся на пути препятствія, не зная, какіе могутъ быть достигнуты результаты. Одинъ только главнокомандующій видитъ конечную цѣль всѣхъ этихъ комбинарованныхъ движеній. Такъ, страсти умножали идеи, распространяли знанія, усовершенствовали умы, замѣняя отсутствовавшій разумъ, день котораго еще не насталъ и который былъ бы менѣе сильнымъ, если бы его царство наступило раньше.

Разумъ, тождественный съ самой справедливостью, не лишилъ бы никого того, что ему принадлежало, изгналъ бы навсегда войну и захваты, оставилъ бы людей раздѣленными на массу отдѣльныхъ націй, говорящихъ на разныхъ языкахъ. Ограниченный, въ силу этого, въ своихъ идеяхъ, неспособный ко всякаго рода духовному прогрессу, къ успѣхамъ въ области наукъ, искусствъ и администраціи, являющимся продуктомъ объединенныхъ усилій гениальныхъ людей различныхъ странъ, — человѣчeskій родъ остался бы навсегда посредственнымъ. Разумъ и справедливость,

будучи лучше услышанными, закрѣпили бы все въ изначальномъ состояніи, какъ это почти случилось въ Китаѣ. Но то, что никогда не бываетъ совершеннымъ, не должно никогда всецѣло закрѣпляться. Бурныя и опасныя страсти стали началомъ дѣятельности и, слѣдовательно, прогресса: все то, что заставляетъ людей выйти изъ состоянія неподвижности, все то, что раскрываетъ передъ ними разнообразныя зрѣлища,—расширяетъ ихъ умственный кругозоръ, просвѣщаетъ, воодушевляетъ ихъ и въ послѣдствіи ведетъ ихъ къ добру и истинѣ, куда они стремятся въ силу своей естественной склонности,—подобно тому, какъ пшеница, просѣянная нѣсколько разъ вѣялкой, въ слѣдствіе своей собственной тяжести каждый разъ вновь падаетъ на дно, очищаясь все болѣе и болѣе отъ портящихъ ее легковѣсныхъ зеренъ.

Есть страсти спокойныя, которыя всегда необходимы и которыя развиваются тѣмъ болѣе, чѣмъ человѣчество достигаетъ большаго совершенства; есть другія—бурныя и жестокія, какъ ненависть, месть, которыя болѣе развиты въ варварскія времена; онѣ также естественны и, слѣдовательно, также необходимы. Ихъ вспышки приводятъ къ спокойнымъ страстямъ и улучшаютъ ихъ. Такъ, болѣзненный процессъ броженія является непремѣннымъ условіемъ приготовления хорошаго вина.

Люди, умудренные опытомъ, становятся болѣе гуманными. Поэтому, въ послѣднія времена великодушіе, добродѣтели, мягкіе нравы, непрерывно распространяясь, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ, какъ будто уменьшили силу мести и національной ненависти. Но прежде, чѣмъ законы могли смягчить нравы, эти отвратительныя страсти, были, однако, необходимы для защиты отдѣльных лицъ и народовъ. Онѣ являются, если можно такъ выразиться, помочами, на которыхъ природа и ея творецъ величеловѣчскій родъ въ младенчествѣ.

Туземецъ Америки еще и теперь варваръ, а въ первобытныя времена человѣкъ былъ во всемъ остальномъ мѣрѣ почти всегда жестокъ по отношенію къ иностранцамъ. Эта слѣпая привязанность къ своему отечеству, которая была столь сильно развита въ немъ, пока христіанство и затѣмъ философія не научили его любить всѣхъ людей,—подобна состоянію тѣхъ животныхъ, которыя въ теченіе зимы покрываются густой и грубой шерстью, которая должна спадать весною; или, если угодно, его примитивныя страсти подобны первымъ листьямъ, покрывающимъ и скрывающимъ новый стволъ растенія и увядающимъ по мѣрѣ появленія другихъ листьевъ, покуда, благодаря послѣдовательнымъ произрастаніямъ, этотъ стволъ не покажется и не будетъ увѣнчанъ цвѣтами и плодами. Эта теорія отнюдь не является оскорбительной для Провидѣнія. Совершенныя злодѣянія были преступленіями человѣка. Совершившіе ихъ отнюдь не были счастливы; ибо преступныя страсти не могутъ доставлять счастья. Тѣ, которые противопоставляли послѣднимъ великодушіе и любовь, получали первую награду въ бодрящемъ чувствѣ добродѣтели. Борьба однихъ и другихъ увеличила знанія и таланты всѣхъ и сообщила познанію добра характеръ достовѣрности, которая съ каждымъ днемъ все сильнѣе говоритъ сознанію, и привлекаемость, которая, въ концѣ концовъ, будетъ господствовать надъ всѣми сердцами. Вселенная, рассматриваемая, такимъ образомъ, въ большомъ масштабѣ во всей ея сложности, во всей обширности ея прогресса, является наиболѣе славнымъ зрѣлищемъ для руководящей ея мудрости.

Только благодаря потрясеніямъ и опустошеніямъ, націи распространялись,

администрація и формы правленія постепенно совершенствовались; подобно тому, какъ въ американскихъ дѣвственныхъ лѣсахъ, столь же старыхъ, какъ и мѣръ, гдѣ изъ вѣка въ вѣкъ дубы наслѣдовали другъ друга, гдѣ изъ вѣка въ вѣкъ они, падая на землю, обогащали почву всѣми плодородными соками, которыми воздухъ и дожди ихъ надѣляли, гдѣ обломки однихъ, ставъ для производившей ихъ земли новымъ источникомъ плодородія, сохранили для производства новые побѣги, еще болѣе сильные и болѣе крѣпкіе, — такъ на всей поверхности земли однѣ формы правленія смѣнялись другія, имперіи поднимались на развалинахъ имперій, разсѣяныя обломки сызнова соединялись. Прогрессъ разума при примитивномъ государственномъ строѣ, не затрудняемый принудительностью несовершенныхъ законовъ, устанавливаемыхъ абсолютной властью, болѣе способствовалъ устройству новаго. Умножившіяся завоеванія расширили государства; безсиліе варварскаго законодательства и ограниченной администраціи заставило ихъ раздѣлиться. Здѣсь народы, утомленные анархіей, бросились въ объятія деспотизма; тамъ тиранія доведенная до излишествъ, обусловила зарожденіе свободы. Ни одно измѣненіе не совершалось безъ того, чтобы не дать въ итогъ какой-нибудь выгоды; ибо каждое служило опытомъ, ибо каждое распространяло, улучшало или подготовляло просвѣщеніе. Лишь спустя много вѣковъ и благодаря кровавымъ революціямъ, деспотизмъ, наконецъ, самъ научился умѣрять себя и свобода себя регулировать; благосостояніе государствъ стало менѣе шаткимъ и болѣе прочнымъ. И такимъ образомъ, попеременно, переходя отъ волненія къ спокойствію, отъ добра ко злу, вся масса человѣческаго рода непрерывно шествовала къ своему совершенствованію.

* * *

Въ первыхъ спорахъ, возникавшихъ между націями, воля человѣка превосходившаго другихъ силой, богатствомъ или умомъ, имѣла рѣшающее значеніе; затѣмъ онъ подчинялъ себѣ тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ защищалъ.

Одно это превосходство достаточно, чтобы обладающій такимъ становился начальникомъ группы людей. Не вполне вѣрно, что честолюбіе является единственнымъ источникомъ власти. Народы всегда были склонны избирать себѣ начальника; но они всегда хотѣли видѣть его разумнымъ и справедливымъ, а не безразсуднымъ и самовластнымъ.

У малочисленныхъ націй деспотическая власть не можетъ упрочиться. Власть начальника можетъ здѣсь опираться только на народное согласіе или на благоговѣніе, питаемое народомъ либо къ личности, либо къ семейству; обожаніе личности ослабѣваетъ, благодаря злоупотребленію властью, и это же злоупотребленіе является и во второмъ случаѣ также мотивомъ революціи, имѣющихъ цѣлью предоставить тронъ другому представителю династіи, сумѣвшему лучше удовлетворить мнѣніе.

У маленькихъ народовъ весь государственный механизмъ работаетъ на глазахъ у всѣхъ. Всякій непосредственно раздѣляетъ выгоды, доставляемыя обществомъ, и не можетъ находить очень большого интереса въ замѣнѣ существующаго строя другимъ.

Здѣсь нѣтъ достаточно богатствъ, которыя можно было бы произвольно употреблять для подкупа предателей. Нѣтъ черни: господствуетъ своего рода равенство.

Цари здѣсь не могли бы жить отдѣльно отъ своихъ подчиненныхъ: народъ неизбежно является для нихъ единственной гвардіей и единственнымъ дворомъ. Они его лучше любятъ, и, когда они мудры, они также болѣе любимы. Если они безразсудны, конецъ ихъ царствованія быстро наступаетъ; сопротивленіе можетъ быть оказано, ибо народу легко собраться. И средство и искусство заставлять огромное большинство вопреки его волѣ подчиняться не могутъ существовать. Пятьсотъ тысячъ человѣкъ могутъ поработить пятьдесятъ милліоновъ, но двумстамъ никогда не удастся поработить двадцать тысячъ, хотя соотношеніе такое же, какъ въ первомъ случаѣ. Вотъ почему деспотизмъ никогда не прививался у народовъ, раздѣленныхъ на мелкія племена, у дикихъ татаръ, кельтовъ, арабовъ и т. д., по крайней мѣрѣ, покуда суевѣрно убѣжденіе не ослѣпляло умовъ, какъ у послѣдователей Магомета. И вотъ почему также сама монархія, которая всюду являлась первоначальной формою правленія—такъ какъ гораздо легче командовать людьми, чѣмъ склонять ихъ къ взаимному согласію и потому, что военный авторитетъ, всегда представленный въ лицѣ одного, долженъ былъ сдѣлать естественнымъ и часто необходимымъ подобное сосредоточеніе гражданскою власти—была, спустя нѣкоторое время, замѣнена республикой во всѣхъ городахъ, ограниченныхъ прилегающими къ нимъ областями, или въ отдаленныхъ колоніяхъ. Духъ равенства не могъ быть изгнанъ; ибо духъ торговли тамъ господствовалъ. Промышленность объединенныхъ людей никогда не замедляетъ доставить имъ господство въ городахъ, когда ихъ нравы не испорчены и они не увлечены общимъ стремленіемъ образовать обширное государство; когда они не заражены духомъ деспотизма, преобладавшимъ у азіатскихъ народовъ, или, какъ у древнихъ франковъ, военнымъ духомъ дворянства, жившаго въ деревняхъ и позаимствовавшаго свои первоначальныя привычки у кочевыхъ націй, неспособныхъ заниматься торговлей. А духъ торговли предполагаетъ существованіе права собственности, независимаго отъ всякой другой силы, кромѣ силы законовъ, поэтому онъ не можетъ привиться въ нѣдрахъ восточныхъ насилій.

Въ государствахъ, сокращенныхъ до одного города, царская власть не могла долго продержаться. Ея малѣйшія притѣсненія являются и кажутся болѣе тираническими, и тиранія имѣетъ тамъ меньше силы и встрѣчаетъ болѣе энергическое сопротивленіе. Царская власть тамъ легче выродилась. Страсти человѣка тамъ были тѣснѣе связаны со страстями государя. Богатство или жена частнаго лица могли соблазнять его или его приближенныхъ. Стоя близко къ своимъ подданнымъ, онъ явственнѣе замѣчалъ ихъ оскорбленія, онъ былъ болѣе способенъ воспылатъ гнѣвомъ. Въ эпоху младенчества человѣческаго разума государь естественно могъ возмущаться препятствіями, которыя законы ставятъ его страстямъ, и не видѣть, что это средостѣніе между нимъ и его народомъ защищаетъ его противъ своихъ подданныхъ не меньше, чѣмъ его подданныхъ противъ него. Но, такъ какъ онъ никогда не являлся сильнѣйшимъ въ маленькомъ государствѣ, то злоупотребленіе властью, которое должно было тамъ чаще имѣть мѣсто, было тамъ также менѣе обезпечено отъ возмущенія, какъ необходимаго слѣдствія такого правленія. Поэтому республики, которыя сначала были аристократическими, являются болѣе тираническими, чѣмъ монархія, ибо нѣтъ ничего болѣе ужаснаго, какъ подчиняться толпѣ, которая умѣетъ всегда возводить свои страсти въ добродѣтели; эти республики въ то же время

болѣе устойчивы, поэтому что народъ тамъ болѣе порабощенъ. Сильные и слабые объединяются противъ тирана, но аристократическому сенату, въ особенности, если онъ наследственный, приходится бороться только съ чернью. Не взирая на это, республики, пространственно ограниченныя однимъ городомъ, естественно стремятся къ народоправству, которое также имѣетъ свои крупныя недостатки.

Только колоніи и завоеванія могли распространить господство города. Колоніи могли образоваться по сосѣдству съ городомъ только въ первыя эпохи. Вскорѣ участки, лежавшіе вокругъ городовъ, оказались занятыми. Колоніи стали тогда возникать въ отдаленныхъ мѣстахъ и, слѣдовательно, были связаны съ метрополіей лишь, пока онѣ не были достаточно прочно устроены, чтобы самостоятельно распоряжаться своей судьбой; какъ тѣ провинціи, которыя оставались вѣрными трону, покуда онѣ достаточно не укрѣплялись, и которыя тогда разрывали эту связь по малѣйшему поводу,—подобно плодамъ, которые держатся на деревьяхъ, пока созреваютъ, и затѣмъ, ставъ спѣлыми, падаютъ на землю и служатъ зародышами для новыхъ деревьевъ. Между тѣмъ, благодаря довольно естественной метафорѣ, отношенія между колоніями и метрополіей выражаются названіями мать и дочь. Люди, которые во все время были связаны своимъ собственнымъ языкомъ, вносили въ эти выраженія понятіе объ аналогичныхъ обязанностяхъ, и выполненіе этихъ обязанностей долгое время поддерживалось единственно силой обычая, которые всегда находятъ защитниковъ среди людей, которыхъ они порабощаютъ, какъ законы—во власти, которая ихъ поддерживаетъ.

Города рѣдко дѣлаютъ завоеванія. Они отдаются этому лишь, когда они, такъ сказать, ничего лучшаго не могутъ дѣлать. И, сверхъ того, между ними существуетъ родъ равновѣсія и зависть, достаточно сильная, чтобы побуждать ихъ къ образованію союзовъ противъ города, который слишкомъ поднялся бы.

Любовь къ отечеству дѣлаетъ, въ особенности, въ республикахъ, почти невозможнымъ уничтоженіе независимости города силами, равными его собственнымъ.

Наконецъ, городъ рѣдко является завоевателемъ, по крайней мѣрѣ, если этому не благоприятствуетъ особенное сочетаніе его внутренняго строя съ внѣшними обстоятельствами, что, какъ я полагаю, имѣло мѣсто только для римскаго народа. Но, когда города подчинялись еще царямъ, было легче дѣлать завоеванія. Воинственный царь давалъ своему городу громадное превосходство надъ другими, онъ могъ путемъ завоеванія соединить нѣсколько городовъ подъ своимъ господствомъ; чѣмъ болѣе оно распространялось, чѣмъ его власть болѣе укрѣплялась, тѣмъ болѣе онъ могъ подавлять одну часть своего царства посредствомъ другихъ.

Авторитетъ царя становился единственнымъ средоточіемъ власти и, какъ бы ни было, или ни казалось выгоднымъ для подданныхъ сбросить его иго, они могли объединиться лишь путемъ длиннаго ряда тайныхъ интригъ; но царь былъ достаточно могуществененъ для того, чтобы внушаемые имъ страхъ или надежда побуждали какого-либо соучастника заговора выдать своихъ единомышленниковъ.

Часто неразумное честолюбіе толкало первыхъ завоевателей совершать далекіе военные походы, и, будучи безсильными, за недостаткомъ войскъ или вслѣдствіе слишкомъ дальняго разстоянія, удерживать свои завоеванія, они ограничивались наложеніемъ дани, которая уплачивалась лишь, покуда данникъ чувствовалъ себя слабѣе завоевателя.

Отсюда непрерывно возрождающіяся войны и постоянная смѣна военного счастья, послѣдовательно господствующія націи, въ зависимости отъ случая, дававшего имъ царей-завоевателей. Государства земледѣльческихъ и до нѣкоторой степени просвѣщенныхъ народовъ должны были, въ силу неравенства прогресса своихъ сосѣдей, оказываться окруженными варварскими народами. Въ эпохи своего расцвѣта они расширялись, дѣлая завоеванія, устраивая колоніи среди послѣднихъ, постепенно просвѣщая ихъ; въ періодъ ихъ упадка, варвары въ свою очередь дѣлали на нихъ удачныя нападенія. Желаніе господствовать надъ богатой страной разжигало честолюбіе начальниковъ и жадность дикаго народа.

Эти потоки, эти переселенія народовъ, которые чередовались у варваровъ, не оставляя слѣдовъ, охватывали иногда въ своемъ движеніи уже просвѣщенные націи, и только благодаря этому память о нихъ могла сохраниться до нашихъ дней. Тогда варварскій народъ воспринималъ просвѣщеніе побѣжденнаго, вслѣдствіе вліянія, которое знанія и разумъ всегда оказываютъ на силу, когда завоеваніе не влечетъ за собой изгнанія побѣжденнаго изъ его отечества. Варвары, ставъ просвѣщенными, распространяли просвѣщеніе на своей родинѣ. Оба народа сливались въ едино; то была единая имперія, подъ властью единого повелителя.

Народы просвѣщенные, болѣе спокойные, болѣе привычныя къ мирной жизни, по крайней мѣрѣ, осѣдлой, въ особенности, въ плодородныхъ странахъ, которыя раньше другихъ приобщались къ культурѣ, скоро утрачивали мужество, доставившее имъ завоеванія, если мудрая дисциплина не ограждала нравы отъ изнѣженности. Завоеватели уступаютъ тогда мѣсто новымъ варварамъ, имперіи расширяются, имѣютъ періодъ своего расцвѣта и упадка; но само ихъ паденіе способствуетъ усовершенствованію искусствъ и улучшаетъ законы. Такъ чередовались одни за другими халдеи, ассирійцы, мидійцы, персы, и господство послѣднихъ было наиболѣе обширнымъ.

* *

* *

Такимъ-то путемъ мидійское царство, достигнувъ нѣкотораго превосходства, поглотило всѣ маленькія государства Малой Азіи, изнѣженные греческими правами; затѣмъ, подобно тѣмъ рѣкамъ, которыя, обогащаясь данью тысячи другихъ, сами впадаютъ въ море, оно въ свою очередь было захвачено Киромъ, явившимся міру во главѣ новой націи. Эта нація, сначала варварская, сохранила при преемникахъ завоевателя только высокоуміе и честолюбіе. Изнѣженность побѣжденных скоро перешла къ побѣдителямъ. Дисциплина, которая единственно способна уравновѣситъ силу и благодаря которой разумъ просвѣщенныхъ народовъ оказывалъ сопротивленіе натиску варваровъ, была извѣстна только грекамъ. Все колоссальное могущество персовъ было сокрушено Греціей, которая сложилась и приобрѣла военный опытъ во внутреннихъ войнахъ.

Ея территорія, состоявшая изъ острововъ и горъ, не могла быть подвержена такимъ же превратностямъ. Въ первыя эпохи большія имперіи не могли здѣсь образоваться. Многочисленность мелкихъ государствъ, почти всегда между собою враждовавшихъ, способствовала сохраненію воинственнаго духа, изощренію въ военномъ искусствѣ, усовершенствованію оружія, и развитію военной храбрости. Просвѣщеніе

распространялось также благодаря торговлѣ. Вообще, народы, обитавшіе въ гористыхъ, холодныхъ или бесплодныхъ странахъ, являются завоевателями равнинъ, образуютъ имперіи или сопротивляются послѣднимъ. Они бѣднѣе, сильнѣе, болѣе неуязвимы; они могутъ располагать временемъ для нападеній и выбирать позиціи для самозащиты. И когда у нихъ являлись завоевательныя стремленія, они видѣли въ этомъ большія для себя выгоды и имъ было очень легко ихъ осуществлять.

Великія имперіи, образованныя, какъ мы только что сказали, варварами, были деспотическими. Деспотическій образъ правленія весьма не сложный. Дѣлать то, что приказываютъ—это кодексъ, который царь чрезвычайно быстро изучаетъ; чтобы убѣдить кого-либо, нужно обладать соответствующимъ искусствомъ, но командовать можно безъ всякой подготовки.

Если бы деспотизмъ не возмущалъ своихъ жертвъ, онъ никогда не былъ бы изгнанъ съ лица земли. Отецъ хочетъ быть деспотомъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ, хозяинъ—по отношенію къ своимъ слугамъ. Честность не гарантируетъ государя отъ этого яда; онъ желаетъ добра и возводитъ въ добродѣтель желаніе, чтобы всё ему подчинялись. Чѣмъ больше государство, тѣмъ легче прививается деспотизмъ и тѣмъ болѣе трудно установить умѣренный образъ правленія. Для этого нужно было бы, чтобы во всѣхъ частяхъ государства существовалъ неизмѣнный порядокъ; нужно было бы точно опредѣлить положеніе каждой провинціи, каждаго города, предоставить его муниципальному самоуправленію всю свободу, которой оно не должно злоупотреблять. Сколько силъ нужно было бы согласовать и приводить въ равновѣсіе, и какое искушеніе было бы усомниться въ необходимости всего этого! Завоеваніе, сдѣланное варварами, являясь продуктомъ насилія и сопровождаясь опустошеніями, нарушаетъ въ государствѣ порядокъ, для возстановленія котораго потребовался бы гениальнѣйшій умъ, искуснѣйшая рука, наиболѣе мирная и наиболѣе энергическая добродѣтель, наиболѣе чистое и наиболѣе возвышенное сердце.

Въ виду невозможности удовлетворять всему этому, не нашли ничего лучше, какъ назначать правителей столь же деспотическихъ по отношенію къ народу, какъ раболѣпствующихъ передъ государемъ. Послѣднему, казалось, гораздо проще взимать налоги или сдерживать народы черезъ посредство своихъ намѣстниковъ, чѣмъ самому этимъ заниматься.

Царь забывалъ народъ, лучшимъ правителемъ считался тотъ, кто доставлялъ казнѣ больше денегъ и кто умѣлъ лучше добывать слугъ и дворцовую челядь. Правители имѣли подчиненныхъ, которые дѣйствовали въ томъ же духѣ. Деспотическій авторитетъ сдѣлалъ правителей опасными; дворъ обходился съ ними чрезвычайно строго: ихъ положеніе зависѣло отъ малѣйшаго каприза. Старались находить предлоги, чтобы лишить ихъ награбленныхъ ими богатствъ; но участь народовъ не облегчалась, ибо жадность является также естественной склонностью царей варваровъ.

Идея разсматривать налоги, какъ средства, идущія на удовлетвореніе потребностей государства, вначалѣ не была извѣстна; но государь требовалъ денегъ, и ему необходимо было давать. На всемъ Востоку принято было дѣлать подарки царямъ: они являлись здѣсь только могущественными и жадными обывателями.

Всѣ власти были, такимъ образомъ, соединены въ лицѣ одного, который даже

не понималъ необходимости поручать другимъ ту часть, которую онъ самъ не могъ осуществлять. Цари, правители и ихъ помощники составляли іерархію подначальныхъ тирановъ, тяготѣвшихъ другъ къ другу только для того, чтобы подавлять народъ всѣми своими объединенными силами.

Деспотическіе государи, не найдя при своемъ воцареніи законовъ, не считали нужнымъ ихъ устанавливать. Они сами исполняли роль судей: вообще, когда законодательная и исполнительная власти сосредоточены въ однѣхъ рукахъ, законы бесполезны. Наказанія произвольны и обыкновенно жестоки, когда приговоръ исходитъ отъ царей, и выражаются денежнымъ штрафомъ, когда судьями являются ихъ подчиненные, для которыхъ эта форма наказанія выгоднѣе. По отношенію къ гражданскому завѣщанію наслѣдствъ рѣшающее значеніе имѣлъ обычай или воля завоевателя.

Въ силу этого деспотизмъ, воцарившійся тамъ, гдѣ уже существовали законы и сформировались нравы, не вызывалъ тѣхъ затрудненій, которыми сопровождались первыя завоеванія варваровъ.

Нероны и Калигулы, смѣю думать, были болѣе жестоки, чѣмъ сдѣлали зла. Правилами, установленными въ Имперіи первыми цезарями, народъ отнюдь не былъ угнетаемъ, провинціи пользовались долгимъ миромъ. Карательная юстиція была довольно справедлива. Намѣстники не осмѣливались проявлять свою жадность: имъ угрожало бы наказаніе императора. Дворъ занималъ между народомъ и вельможами именно то положеніе, которое онъ долженъ занимать во всякомъ благоустроенномъ государствѣ.

Вообще, наиболѣе умѣренными являются тѣ большія государства, которыя образовались путемъ сліянія многихъ мелкихъ, въ особенности, когда этотъ процессъ совершался медленно. Монархъ дѣйствительно не считалъ нужнымъ вмѣшиваться въ детали мѣстнаго управленія провинцій, гдѣ онъ никогда не бывалъ; онъ предпочиталъ оставлять все въ прежнемъ видѣ. Государи могли любить деспотизмъ только вокругъ себя, ибо ихъ страсти (тѣ, по крайней мѣрѣ, которыя наиболѣе зависятъ отъ каприза) были направлены только на то, что ихъ окружало; они вѣдь такіе же люди, какъ и другіе. Вотъ почему деспотизмъ римскихъ императоровъ причинялъ меньше зла, чѣмъ деспотизмъ турокъ.

Деспотизмомъ проникнуть весь ихъ государственный строй. Онъ заражаетъ всѣ части государства; онъ сцѣпляетъ всѣ его пружины. Каждый паша пользуется среди подвластныхъ ему народовъ такимъ же авторитетомъ, какимъ султанъ пользуется по отношенію къ нему. Онъ единолично уполномоченъ и онъ же отвѣтствененъ за всѣ подати. Единственнымъ источникомъ дохода является для него народное обложеніе, за исключеніемъ той части, которую онъ долженъ доставлять султану; и, дабы удержаться на своемъ посту, онъ вынужденъ безпрестанно удваивать свои подборы и располагать въ свою пользу повелителя безчисленными подарками. Въ имперіи не существуетъ никакого закона для регулированія сбора податей, никакой формальности въ отправленіи правосудія. Все дѣлается по военному. Народъ не находитъ при дворѣ защитниковъ противъ вельможей, злоупотребляющихъ властью, такъ какъ плодами злоупотребленій пользуются также придворные.

Когда самъ завоеватель учреждалъ намѣстничества въ провинціяхъ, онъ, благодаря своему невѣжеству, долженъ былъ брать образцомъ государственный строй

своей страны, и, слѣдовательно, устанавливать деспотизмъ въ маломъ масштабѣ. Деспотизмъ становится тогда подобнымъ большому дереву, вѣтви котораго распространяются далеко по всей имперіи и убиваютъ всѣ произведенія земли, которую онѣ покрываютъ своей тѣнью.

* * *

Когда военная власть является единственнымъ связующимъ звеномъ государства и образуетъ націю только путемъ подчиненія ея государю, то такая форма правленія деспотична въ основѣ, и, если она не умѣряется нравами, отличается произволомъ также на практикѣ. Военная дисциплина неминуемо предполагаетъ деспотизмъ и строгость. Но не нужно смѣшивать націи, управляемыя военной властью, съ народами, состоящими исключительно изъ воиновъ, какъ варвары, германцы и т. п. Напротивъ, правительство послѣднихъ способствуетъ зарожденію свободы. У нихъ война отнюдь не является исключительнымъ ремесломъ, требующимъ изученія и доставляющимъ тѣмъ, которые имъ занимаются, превосходство въ силѣ надъ остальной частью общества. Такая нація сохраняетъ свои права. Государь можетъ поработать свой народъ помощью своихъ солдатъ, ибо народъ гораздо слабѣе. Не какъ поработать народъ, состоящій изъ солдатъ? Не храбрость, не военный духъ заглушаютъ духъ свободы: наоборотъ, они благопріятствуютъ послѣднему.

Европейскія государства, завоеванныя сѣверными варварами, были, такимъ образомъ, избавлены отъ деспотизма, ибо эти варвары были свободны до завоеванія, совершавшагося именемъ народа, а не именемъ короля. Нравы римлянъ, прочно установленные, и религія, которую варвары приняли, также способствовали обезпеченію свободы.

Варвары раздѣлялись по странѣ; они раздѣляли съ королемъ преимущества побѣды и территоріальныя пріобрѣтенія.

Не такъ обстояло дѣло въ Азіи, гдѣ покоренные народы были раньше пріучены къ деспотизму, ибо первыя завоеванія, предшествовавшія эпохѣ, когда нравы могли бы образоваться, были обширны и быстры.

Деспотизмъ порождаетъ революціи; но результатомъ послѣднихъ является только смѣна тирановъ, ибо въ большихъ деспотіяхъ сила государей зиждется только на ихъ арміи и ихъ безопасность обезпечивается гвардіей. Народъ не является здѣсь ни достаточно сильнымъ, ни достаточно объединеннымъ, чтобы бороться съ военной силой, сажающей на тронъ одного царя вмѣсто другого, будучи увѣренной, что она будетъ орудіемъ тираніи преемника, какъ она была таковой въ рукахъ предшественника.

Понятно, что всѣ послѣдствія этихъ принциповъ должны были быть безконечно разнообразны въ зависимости отъ ихъ смѣшенія съ религіозными преданіями и, какъ мы это указали выше, съ благоговѣніемъ, питаемымъ народомъ къ извѣстному семейству; ибо люди добровольно подчиняются своимъ привычкамъ. Янычарамъ при желаніи было бы такъ же легко выбирать султана изъ черни, какъ изъ фамиліи Оттомановъ, но таково уваженіе, внушаемое имъ съ дѣтства къ этому семейству, что они этого не захотѣли бы.

Эта власть воспитанія является для деспотизма чрезвычайно сильной опорой, способной поддерживать существованіе государственнаго строя, когда всѣ силы им-

періи ослаблены, и скрывать ея упадокъ: такъ что при малѣйшемъ движеніи государство, ко всеобщему удивленію, вдругъ разваливается, какъ тѣ деревья, которыя кажутся здоровыми, благодаря тому, что ихъ кора цѣла, между тѣмъ какъ вся древесина превращена въ порошокъ и не въ состояніи выдержать малѣйшаго вѣтра. А въ деспотическихъ государствахъ все воспитаніе направлено къ подавленію мужества.

Страхъ и почтительность завладѣваютъ воображеніемъ. Верховный повелитель, окруженный непроницаемымъ мракомъ, кажется творящимъ судъ и расправу въ нѣдрахъ грозной тучи, молніи которой ослѣпляютъ и громы которой внушаютъ ужасъ.

Въ этихъ обширныхъ деспотіяхъ устанавливается также видъ деспотизма, распространяющійся на гражданскіе права. Этотъ деспотизмъ еще болѣе притупляетъ умъ, лишаетъ общество наибольшей части его средствъ и его прелестей — сотрудничества женщинъ въ семейномъ быту—и, не допуская сношеній между двумя полами, приводитъ все къ однообразію и повергаетъ членовъ общества въ летаргическій сонъ, препятствующій всякому измѣненію и, слѣдовательно, всякому прогрессу.

Такъ какъ единственной нормой является сила (какъ это неминуемо должно имѣть мѣсто въ обществѣ, гдѣ масса рабовъ и женщинъ находится въ каждомъ богатомъ домѣ, такъ же, какъ и въ государствѣ, обреченномъ на роль жертвы по отношенію къ своему единоподданному повелителю), огонь разума, вслѣдствіе этого, гасится, онъ оказывается скованнымъ цѣпами варварскаго законодательства. Деспотизмъ увѣковѣчиваетъ невѣжество, и послѣднее упрочиваетъ деспотизмъ. Сверхъ того, этотъ деспотическій авторитетъ становится обычаемъ, и обычай санкціонируетъ злоупотребленія. Деспотизмъ подобенъ огромной массѣ, которая, вися на деревянныхъ столбахъ, ослабляетъ силу ихъ сопротивленія и съ каждымъ днемъ все болѣе ихъ погружаетъ.

Я буду, такимъ образомъ, говорить о рабствѣ, многоженствѣ, изнѣженности, являющихся слѣдствіями деспотизма; и попутно коснусь причинъ, обусловливавшихъ различіе въ правахъ среди людей.

* * *

Порабощеніе женщинъ мужчинами было основано всюду на неравенствѣ физическихъ силъ. Но, такъ какъ мужчинъ рождается немного болѣе женщинъ, то всюду, гдѣ царствовало равенство, моногамія была естественна; она, слѣдовательно, естественна у всѣхъ малочисленныхъ народовъ, пастушескихъ, охотничьихъ и земледѣльческихъ, у народовъ, раздѣленныхъ на маленькія общества, гдѣ государства ограничены городской стѣной, какъ въ Греціи, и, въ особенности, въ демократическихъ республикахъ; у народовъ бѣдныхъ и среди всѣхъ небогатыхъ людей той же страны, гдѣ многоженство болѣе всего принято; она естественна также въ имперіяхъ, нравы которыхъ относятся къ эпохѣ, когда народы управлялись еще на республиканскихъ началахъ, какъ римская имперія и имперія преемниковъ Александра, которыя, хотя были деспотическими, отнюдь не знали полигаміи.

Между тѣмъ, варвары, которые не особенно нѣжны въ любви, были всею склонны къ многоженству. Тацитъ рассказываетъ, что предводители германцевъ

имѣли иногда трехъ или четырехъ женъ; но у кочующаго и бѣднаго народа зло не можетъ быть заразительнымъ. Такимъ образомъ, богатства и расширеніе имперій влекли за собою установленіе полигаміи; она распространялась на ряду съ рабствомъ.

Первые люди были жестоки въ своихъ войнахъ; лишь въ послѣдствіи они научились нѣкоторой умѣренности. Охотничьи народы убивали своихъ плѣнниковъ; или, когда они ихъ не умерщвляли, они ихъ принимали въ свою среду. Мать, потерявшая сына, выбирала себѣ плѣнника, котораго усыновляла; она его любила, ибо онъ былъ ей полезенъ. Древніе, у которыхъ дѣти являлись богатствомъ, такъ какъ они исполняли всевозможныя обязанности, были склонны принимать дѣтей. Поэтому у охотничьихъ или первобытныхъ народовъ мы встрѣчаемъ мало или полное отсутствіе рабовъ.

Пастушескіе народы начали знакомиться съ институтомъ рабства. Тѣ, которые завоевывали стада, вынуждены были для того, чтобы имѣть возможность отправляться на новые набѣги, оставлять у себя тѣхъ, которые эти стада охраняли.

У земледѣльческихъ народовъ рабство приняло болѣе широкіе размѣры. На рабовъ возлагались болѣе разнообразныя обязанности, и болѣе утомительный трудъ; и, по мѣрѣ того, какъ хозяева просвѣщались, рабство становилось болѣе жестокимъ и болѣе унижающимъ, ибо неравенство все болѣе увеличивалось. Богатые перестали работать, рабы стали роскошью и товаромъ; сами родители продавали своихъ дѣтей. Но наибольшее количество рабовъ доставляли всегда военноплѣнные или дѣти рабовъ.

Имъ поручались наиболѣе унижительныя домашнія работы. Они не имѣли ни имущества, ни чести, они были лишены элементарныхъ человѣческихъ правъ. Законы предоставляли ихъ хозяевамъ неограниченную власть надъ ними; и это объясняется весьма просто тѣмъ обстоятельствомъ, что законодателями были тѣ же рабовладѣльцы, которые надѣялись обезпечить угнетеніе угнетеніемъ. Въ деспотическихъ государствахъ государи имѣли массу рабовъ; правители и богачи были также крупными рабовладѣльцами. Расширеніе государствъ довело неравенство богатствъ до наивысшей степени. Столицы стали подобны безднамъ, куда со всѣхъ частей имперіи богатые стекались съ толпами своихъ рабовъ.

Рабыни предназначались для утѣхъ хозяина. Эти нравы не чужды также древнимъ патріархамъ, ибо (и это также основаніе древней юриспруденціи) преступленіе адюльтера отнюдь не было взаимнымъ, какъ у насъ. Только мужъ считалъ себя оскорбленнымъ; и это является слѣдствіемъ великаго неравенства между двумя полами, обусловливаемого варварствомъ. Женщины у древнихъ народовъ никогда не пользовались правами въ бракѣ. И только бѣдность помѣшала повсемѣстному установленію полигаміи.

Когда въ послѣдствіи нравы и законы народа упрочивались, смѣшеніе семействъ давало женщинамъ права, которыми онѣ дотолѣ не пользовались; ибо онѣ, въ особенности, въ республикахъ, выдвигали силу своихъ братьевъ противъ тираніи своихъ мужей.

Въ этихъ республикахъ, гдѣ всѣ были разны, родители дѣвушки не согласились бы навсегда потерять ее изъ виду. Полигамія и затворничество женщинъ никогда не могли тамъ установиться. Но въ первыхъ имперіяхъ, о которыхъ мы выше

говорили, населенныхъ множествомъ рабовъ, гдѣ женщины не имѣли никакихъ правъ, а мужья были полновластны надъ своими рабами, многоженство стало общимъ обычаемъ постольку, поскольку это позволяло имущественное состояніе гражданъ. Ревность—необходимое слѣдствіе любви: она мудро внушаетъ супругамъ духъ взаимной принадлежности, который обезпечиваетъ судьбы дѣтей. Эта послѣдняя страсть и, болѣе того, предразсудокъ безчестія, который приписывали невѣрности женщинъ, увеличивались съ полигаміей.

Невозможность подчинить женщинъ этому закону вѣрности, когда ни сердце ни ихъ чувства не могли быть удовлетворены, подсказала мысль держать ихъ заперти. И государи, а затѣмъ богачи завели себѣ гаремы.

Ревность побуждала уродовать мужчинъ, предназначенныхъ охранять женщинъ. Благодаря этому въ нравы вносилась извѣженность, которая ихъ не смягчала, но, напротивъ, ожесточала.

Такъ какъ государи проводили время преимущественно въ гаремахъ со своими женами и рабами, ихъ подданные, которыхъ они никогда не видѣли, едва существовали для нихъ, какъ люди. Ихъ политика была всегда варварскою. Она была проста, ибо они были невѣждами и лѣнтяями, и жестока, ибо для того, чтобы срубить дерево нужно меньше времени, чѣмъ собрать его плоды, и потому, что искусство дѣлать людей счастливыми наиболѣе трудное изъ всѣхъ искусствъ и требуетъ наличности сочетанія наибольшаго количества элементовъ.

Эта извѣженность распространялась по всему государству. Отсюда это внезапное ослабленіе восточныхъ деспотій. Монархіи халдеевъ, ассирянъ, мидянъ и персовъ едва пережили первыхъ завоевателей, основавшихъ ихъ. Похоже на то, что онѣ существовали нѣкоторое время только для того, чтобы дожидаться врага, который бы ихъ разрушилъ. Если иногда эти монархіи подавляли численностью своихъ солдатъ слабыя націи, то онѣ терпѣли пораженія при всякомъ смѣломъ сопротивленіи, и, когда Греція объединилась, она почти безъ усилія сокрушила огромнаго персидскаго колосса.

Единственнымъ средствомъ противъ этого общаго упадка народа является содержаніе дисциплинированной милиціи, вродѣ турецкихъ янычаръ или египетскихъ мамелюковъ; но эта милиція становится часто страшною для своихъ повелителей.

Я долженъ замѣтить, что эти отрицательныя стороны деспотизма и многоженства нигдѣ такъ рѣзко не выступали, какъ въ магометанствѣ. Эта религія, не допускающая никакихъ другихъ законовъ, кромѣ религіозныхъ, воздвигаетъ стѣну суевѣрія на пути естественнаго движенія цивилизаціи. Она упрочила варварство, освящая тѣ его обычаи, которые существовали до зарожденія ислама, и тѣ, которые народныя предразсудки заставили ее вновь установить. Ни въ исторіи древнихъ монархій, ни въ нравахъ Китая и Японіи мы не встрѣчаемъ тѣхъ крайностей униженія, какія наблюдаются у магометанскихъ народовъ.

Деспотизмъ, однообразіе и, слѣдовательно, несовершенство нравовъ, законовъ и образа правленія сохранились въ Азіи и всюду, гдѣ великія имперіи рано создавались; и я не сомнѣваюсь, что обширныя равнины Месопотаміи этому благоприятствовали. Когда деспотизмъ впоследствии распространился вслѣдъ за магометанствомъ, то это было, въ нѣкоторомъ родѣ, только въ силу передачи нравовъ изъ одной страны въ другую.

Народы, оставшіеся въ пастушескомъ или охотничьемъ состояніяхъ и раздѣлившіеся на маленькія общества и республики, избѣжали деспотическаго режима. Именно для этихъ народовъ революціи были полезны, ибо націи принимали въ нихъ непосредственное участіе и, слѣдовательно, пользовались ихъ плодами; тиранія не могла среди нихъ достаточно укрѣпиться, чтобы поработать умы, такъ какъ законодательное собраніе находилось подъ постояннымъ контролемъ революціонной толпы, указывавшей ошибки основателей государствъ; наконецъ, паденіе и возстановленіе верховной власти, подвергая каждый разъ изслѣдованію законы, со временемъ усовершенствовало ихъ законодательство и формы правленія. Именно тамъ равенство сохранилось, умъ и мужество стали активными, и человѣческій разумъ сдѣлалъ быстрые успѣхи. Именно тамъ нравы и законы со временемъ научили стремиться къ достиженію наибольшаго счастья для народовъ.

Послѣ этого бѣлаго взгляда, брошеннаго нами на прогрессъ различныхъ видовъ государственнаго управленія и ихъ морали, умѣстно прослѣдить теперь успѣхи человѣческаго разума во всѣхъ его переворотахъ.

ПРОГРЕССЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РАЗУМА.

(Планъ второго разсужденія).

Выйдемъ изъ того хаоса, гдѣ душа знаетъ только свои ощущенія, гдѣ звуки, болѣе или менѣе сильные, болѣе или менѣе рѣзкіе, температура и сопротивленіе окружающихъ предметовъ, картина причудливыхъ и различно окрашенныхъ фигуръ, осаждающая со всѣхъ сторонъ душу, погружаютъ ее въ своего рода опьяненіе, которое, однако, является зародышемъ разума.

Способъ, посредствомъ котораго идеи начинаютъ мало-по-малу дифференцироваться и вліять на наши желанія, зависитъ отъ нѣкотораго духовнаго механизма, присущаго всѣмъ людямъ: онъ можетъ быть продуктомъ нѣсколькихъ мгновеній; по крайней мѣрѣ, примѣръ животныхъ, умѣющихъ находить себѣ пищу и, что кажется еще болѣе труднымъ, умѣющихъ ее искать вскорѣ послѣ своего рожденія, какъ будто это доказываетъ.

Эта эпоха, хотя она и принадлежитъ къ естественной исторіи скорѣе, чѣмъ къ исторіи фактовъ, должна, тѣмъ не менѣе, внимательно разсматриваться, ибо первые шаги въ любой области опредѣляютъ направленіе всего пути.

Движеніе упорядочило этотъ хаосъ; оно дало людямъ идеи различій и единства. Безъ него никогда не стали бы размышлять о различіи цвѣтовъ, удовлетворяясь ощущеніемъ этого различія. Но порядокъ частей этой картины, представляющей души, измѣняетъ часто самую картину. Душа научается наблюдать эти перемѣны въ ихъ теченіи. При первыхъ воспріятіяхъ этихъ измѣненій не умѣли еще различать части, сохранявшія между собою постоянное относительное положеніе, какъ въ томъ случаѣ, когда цѣлое казалось движущимся, напр., животныя, — такъ и тогда, когда оно казалось прикрѣпленнымъ къ одному и тому же мѣсту, напр., дерево. Поэтому, поскольку образы, представлявшіеся нашимъ чувствамъ, были только результатомъ цвѣтовыхъ точекъ, или точекъ сопротивленія, изъ которыхъ они слагаются, умъ ихъ постигалъ лишь, такъ сказать, въ совокупности.

Первичныя индивидуальныя идеи, такимъ образомъ, неминуемо коллективны по отношенію къ составляющимъ ихъ частямъ; никогда анализъ произведеній человека не могъ и не можетъ быть доведенъ до послѣдней ступени; простыхъ идей, собственно говоря, нѣтъ; онѣ все разлагаются на результаты ощущеній, элементы и различныя причины которыхъ могутъ быть подвергнуты анализу, но предѣловъ послѣдняго мы не знаемъ.

Анализъ первыхъ людей не былъ особенно глубокимъ. Массы идей раздѣлялись только по мѣрѣ того, какъ разнообразіе явленій и, въ особенности, потребностей приводило къ опыту. Потребности людей относятся только къ этимъ массамъ; анатомія плодовъ бесполезна для того, чтобы ими питаться, еще менѣе полезенъ анализъ идей, говорящихъ намъ объ ихъ присутствіи.

Идеи являются языкомъ и дѣйствительными знаками, помощью которыхъ мы познаемъ существованіе внѣшнихъ предметовъ. Не путемъ разсужденія замѣчаются отношенія, существующія между послѣдними и нами. Провидѣніе, внушая намъ желанія, мудро сберегло намъ столь долгій путь. Поэтому, люди неизбѣжно приписывали свои ощущенія внѣшнимъ предметамъ, которые они предполагали существующими. Что стало бы съ нами, если бы, прежде чѣмъ искать себѣ пищу, намъ нужно было, на основаніи своихъ собственныхъ ощущеній, разсматриваемыхъ единственно какъ наши душевныя движенія, заключать о существованіи внѣшнихъ предметовъ?

Такимъ образомъ, названія сначала относились къ существующимъ массамъ. Идеи, являясь знаками существованія внѣшнихъ предметовъ, не точно представляютъ ихъ; издали дубъ похожъ на вязъ, и вотъ получается представленіе о деревѣ; не то, чтобы я имѣлъ идею о деревѣ, которое не было бы ни дубомъ, ни вязомъ, но идея, извѣщающая меня о существованіи дерева, не говоритъ мнѣ, есть ли оно то или иное. Таково происхожденіе абстракціи. Идея, безъ сомнѣнія, проста, если она разсматривается сама по себѣ, независимо отъ ея отношеній, т.-е. когда это—всегда извѣстная фигура, всегда извѣстный цвѣтъ; но опытъ показываетъ намъ, что эта фигура, этотъ цвѣтъ равнымъ образомъ являются знаками существованія вяза или дуба.

Также обстоитъ дѣло и съ знаками языка. Первоначально они означали только опредѣленный предметъ; но, примѣняясь ко многимъ предметамъ, они стали общими. Постепенно стали замѣчать различныя обстоятельства и, чтобы сообщить больше ясности языку, начали давать названія видамъ и формамъ бытія, которые, по отношенію къ нашимъ представленіямъ, являются только отношеніями разстоянія, или скорѣе, если можно такъ выразиться, оттѣнками ощущеній, вызываемыхъ въ насъ различными языками, на которыхъ предметы намъ говорятъ.

Такимъ образомъ, идеи о видахъ получили названія послѣ представленій о вещахъ, которыя разсматривались какъ главные идеи, хотя чувства ихъ намъ доставляли одновременно. И, беря знаки языка изъ ихъ чрезвычайно большой общности, умъ постепенно привыкалъ къ наиболѣе отвлеченнымъ идеямъ. Понятно, что идеи умножались по мѣрѣ того, какъ языки совершенствовались. Слова, выражавшія утвержденіе, отрицаніе, актъ сужденія, существованіе, владѣніе, стали связью всехъ нашихъ разсужденій. Въ силу привычки эти самыя отвлеченія примѣнялись въ аналогичныхъ случаяхъ ко всемъ корнямъ языковъ.

Постепенно давая, такимъ образомъ, наименованія различнымъ отношеніямъ предметовъ между собою или ихъ отношеніямъ къ намъ, обезпечивали себѣ обладаніе

всѣми этими идеями, и операціи ума пріобрѣтали чрезвычайно большую легкость. Но въ то же время лабиринтъ идей все болѣе и болѣе запутывался. Было естественно полагать, что каждому слову соотвѣтствуетъ идея; а между тѣмъ одни и тѣ же слова рѣдко оказываются тождественными по своему значенію: они имѣютъ различный смыслъ, въ зависимости отъ того, какъ ихъ примѣняютъ; люди догадываются о томъ, чего не слышатъ въ рѣчи.

Благодаря почти машинальному упражненію, обусловленному связью идей, умъ достаточно быстро улавливаетъ смыслъ словъ, опредѣляемый обстоятельствами. Когда существовало предположеніе, что слова точно соотвѣтствуютъ идеямъ, то казалось весьма удивительнымъ, что невозможно придти къ соглашенію объ ихъ точномъ опредѣленіи; долгое время подозрѣвали, что это происходитъ отъ того, что идеи были различны, смотря по тому, какъ извлекали общую идею изъ различныхъ частныхъ случаевъ; запутывались въ обманчивыхъ объясненіяхъ, обнимавшихъ только часть предмета, и всякій давалъ различное опредѣленіе одной и той же идеѣ.

Сложныя понятія о существахъ, которыя, въ виду своего отношенія къ реальнымъ предметамъ, по необходимости заключаютъ въ себѣ большее или меньшее число частей, въ зависимости отъ того, насколько предметъ извѣстенъ, рассматривались какъ картины самихъ вещей. вмѣсто того, чтобы изслѣдовать, черезъ какія сочетанія дошли до соединенія подъ однимъ общимъ именемъ извѣстнаго количества видовъ,—слѣдствіе, причину котораго можно было бы найти въ общихъ сходствахъ—искали ту общую сущность, которая выражалась именами; придумывали роды, виды, индивиды и метафизическія степени, природа которыхъ вызвала множество споровъ, столь же иногда жестокихъ въ своихъ слѣдствіяхъ, какъ легкомысленныхъ по своему предмету.

Вмѣсто того, чтобы рассматривать эти имена какъ знаки, относящіеся къ нашему методу наблюденія послѣдовательнаго порядка существъ, къ методу, который мы распространяемъ согласно открываемымъ нами сходствамъ и который мы не можемъ даже слишкомъ расширить безъ того, чтобы не подвергнуться риску смѣшать одни съ другими,—придумывали несообщаемыя отвлеченныя сущности. Въ послѣднее время дошли до того, что стали придавать такой же отвлеченный характеръ понятіямъ о произведеніяхъ человѣческаго духа, какъ комедія и трагедія.

Серьезно обсуждался вопросъ, принадлежитъ ли поэма къ тому или иному роду и рѣдко замѣчали, что спорили только о словахъ.

Заблужденіе было еще больше по отношенію къ знакамъ, которыми выражались отношенія вещей.

Таковы всѣ моральныя идеи, которыя рассматривались какъ существа, сущія независимо отъ вещей, имѣющихъ эти отношенія между собою.

* * *

Человѣкъ получаетъ свои различныя идеи въ своемъ младенчествѣ, или, вѣрнѣе, слова запечатлѣваются въ его неокрѣпшемъ умѣ; они связываются сначала съ частными представленіями; постепенно образовывается это нестройное соединеніе идей и выраженій, употребленію которыхъ научаются въ силу подражанія. Время, благодаря прогрессу языковъ, умножило идеи до безконечности; и, когда человѣкъ хотѣлъ разобраться въ своемъ собственномъ сознаніи, онъ оказывался въ лабиринтъ, куда онъ входилъ

съ завязанными глазами. Онъ не можетъ болѣе найти слѣда своихъ шаговъ; между тѣмъ его глаза открываются, онъ видитъ со всѣхъ сторонъ дороги, пересѣченіе которыхъ ему неизвѣстно. Онъ останавливается на нѣкоторыхъ безспорныхъ истинахъ, но откуда явилась у него эта увѣренность въ ихъ истинности? Онъ познаетъ все только посредствомъ своихъ идей: ему, такимъ образомъ, необходимо было допустить, что его идеи являются сами носительницами достовѣрности; ибо какъ могъ бы онъ ее иначе получить прежде, чѣмъ онъ не уяснилъ себѣ процессъ образованія этихъ идей въ его умѣ? А анализъ этого процесса представляетъ собой трудъ безконечный и требующій усилій многихъ поколѣній.

Не зная достаточно опредѣленно, что значить имѣть представленіе о вещи, онъ считаетъ принципомъ, что все то, что его идеи ему говорятъ о предметѣ— истина; принципъ—соблазнительный, ибо въ дѣйствительности существуетъ искусство выводить изъ разъ даже произвольно опредѣленныхъ понятій слѣдствія, которыя не могутъ обмануть. Успѣхъ въ этомъ случаѣ становится новымъ источникомъ заблужденія. Принципу придается болѣе довѣрія, и злоупотребленія имъ не утомляютъ. Въ силу той же причины,—убѣжденія каждаго, что онъ имѣетъ истинное представленіе о предметѣ,—отнюдь не пытались отвергать существованіе верховнаго судилища, которое можетъ разрѣшить всѣ сомнѣнія и къ которому каждый прибѣгалъ лишь въ надеждѣ услышать благопріятный о себѣ приговоръ. Отсюда неясность логики и метафизики во всѣ времена; отсюда произвольныя опредѣленія и дѣленія.

Этотъ мракъ могъ разсѣяться только постепенно; заря разума могла подниматься только по незамѣтнымъ ступенямъ, по мѣрѣ того, какъ люди все болѣе и болѣе стали анализировать свои идеи. Не то, чтобы они сначала познали необходимость различать всѣ элементы послѣднихъ, но сами споры приводили къ этому, ибо истина какъ бы ускользаетъ и скрывается отъ нашихъ изслѣдованій, покуда не вскрыются первичные элементы идей. Ибо, постепенно забѣгая впередъ, чувствуешь за собою незаполнимую пустоту; ибо любопытство побуждаетъ постоянно дѣйствовать, пока интересующій его предметъ не оказывается исчерпаннымъ, и, наконецъ, потому, что ни одинъ вопросъ не можетъ быть исчерпанъ, покамѣстъ истина не найдена.

Прогрессъ былъ болѣе или менѣе скорымъ въ зависимости отъ обстоятельствъ и талантовъ.

Счастлирое расположеніе мозговыхъ волоконъ, болѣшая или меньшая сила или тонкость въ органахъ чувствъ и памяти, извѣстная степень скорости въ кровообращеніи,—вотъ, вѣроятно, единственныя различія, которыя сама природа установила между людьми. Ихъ души, или сила и характеръ ихъ душъ, имѣютъ реальное неравенство, причины котораго намъ всегда будутъ неизвѣстны и никогда не смогутъ быть предметомъ нашихъ разсужденій. Все остальное есть продуктъ воспитанія; и это воспитаніе является результатомъ всѣхъ ощущеній, которыя мы испытывали, всѣхъ идей, которыя мы могли приобрѣтать съ колыбели. Всѣ предметы, окружающіе насъ, этому способствуютъ; наставленія нашихъ родителей и учителей играютъ здѣсь лишь наименьшую роль.

Примитивныя наклонности свойственны одинаково какъ варварскимъ, такъ и просвѣщеннымъ народамъ; онѣ, вѣроятно, одинаковы во всѣхъ странахъ и во всѣ времена. Геній распространенъ въ человѣческомъ родѣ приблизительно, какъ золото въ рудникѣ. Чѣмъ болѣе вы берете руды, тѣмъ болѣе вы добываете изъ нея металла.

Чѣмъ болѣе будетъ въ данномъ мѣстѣ людей, тѣмъ болѣе вы увидите тамъ великихъ людей, или людей, способныхъ стать великими. Случайныя обстоятельства воспитанія или случайныя событія развиваютъ ихъ, или оставляютъ ихъ скрытыми во мракѣ, или, наконецъ, убиваютъ ихъ преждевременно, какъ плоды, сорванные вѣтромъ. Приходится признать, что если бы Корнель, выросшій въ деревнѣ, шелъ за плугомъ всю свою жизнь, что если бы Расинъ родился въ Канадѣ среди гуроновъ, или въ Европѣ въ одиннадцатомъ вѣкѣ, то они никогда не могли бы проявить своихъ дарованій. Если бы Колумбъ и Ньютонъ умерли пятнадцатилѣтними, Америка, можетъ-быть, была бы открыта лишь на двѣсти лѣтъ позже, и мы не знали бы еще, можетъ-быть, истинной системы міра. И если бы Виргилій погибъ въ младенчествѣ, мы не имѣли бы Виргилія, ибо не было двухъ Виргиліевъ.

* * *

Прогрессъ, хотя и неминуемый, перемеживается съ частыми упадками, благодаря событіямъ и революціямъ, прерывающимъ его. Поэтому онъ былъ весьма различенъ у различныхъ народовъ.

Люди, удаленные другъ отъ друга и не состоявшіе между собою ни въ какихъ сношеніяхъ, почти одинаково преуспѣвали. Мы находимъ въ различныхъ концахъ міра маленькія націи, живущія охотой, стоящія на одинаковомъ уровнѣ цивилизаціи, знающія одни и тѣ же искусства, употребляющія одни и тѣ же орудія, отличающіяся одними и тѣми же нравами. Примитивныя потребности мало благопріятствовали развитію генія. Но коль скоро человѣческой родъ сумѣлъ выйти изъ тѣснаго круга этихъ грубыхъ потребностей, обстоятельства, способствующія развитію дарованія, комбинируемыя съ обстоятельствами, доставляющими ему фактъ, опытъ, который тысячи другихъ видѣли бы, не извлекая никакой пользы,—эти обстоятельства тотчасъ установили нѣкоторое неравенство.

У варварскихъ народовъ, гдѣ воспитаніе почти одинаково для всѣхъ, это неравенство не можетъ быть весьма значительнымъ. Когда трудъ былъ раздѣленъ сообразно дарованіямъ,—что само по себѣ чрезвычайно полезно, такъ какъ все дѣлается тогда лучше и скорѣе,—неравное раздѣленіе имуществъ и общественныхъ должностей сдѣлало то, что наибольшая часть людей, занятая тяжелыми и грубыми работами, не могла поспѣвать за успѣхами другихъ людей, которымъ это распредѣленіе давало благопріятныя прогрессу досугъ и средства.

Воспитаніе устанавливало между различными частями одной и той же націи различіе еще большее, чѣмъ имущественное неравенство; то же самое сказалось въ международныхъ отношеніяхъ.

Народъ, пріобрѣвшій первымъ нѣкоторыя знанія, получалъ вскорѣ превосходство надъ своими сосѣдями: каждый успѣхъ значительно облегчалъ ему достиженіе другого. Такимъ образомъ, его поступательное движеніе ускорялось съ каждымъ днемъ, между тѣмъ какъ другіе народы оставались въ своей посредственности, скрѣпленные частными обстоятельствами, а третьи пребывали въ варварскомъ состояніи. Общій взглядъ, брошенный на земной шаръ, открываетъ намъ еще теперь всю исторію человѣческаго рода, показывая намъ слѣды всѣхъ его шаговъ и памятники всѣхъ ступеней, черезъ которыя онъ прошелъ, начиная отъ варварства, существующаго еще теперь среди американскихъ народовъ, до просвѣщенія наиболѣе цивилизованныхъ

народовъ Европы. Увы! Наши предки и пеласги, предшествовавшіе грекамъ, были подобны дикимъ Америки!

Причины неравенства цивилизаціи у народовъ искали въ различіи климатовъ. Это возрѣніе, немного смягченное и разумно ограниченное, примѣняясь только къ тѣмъ вліяніямъ климата, которыя всегда неизмѣнны, было недавно принято однимъ изъ выдающихся геніальныхъ умовъ нашего вѣка ¹⁾. Но заключенія, выводимыя изъ него, по меньшей мѣрѣ, поспѣшны и, во всякомъ случаѣ, весьма преувеличены; они опровергнуты опытомъ, ибо въ однихъ и тѣхъ же климатахъ народы различны по своей культурѣ, и въ климатахъ, чрезвычайно мало сходныхъ, мы очень часто встрѣчаемъ однѣ и тѣ же черты характера и одно и то же направленіе ума. Энтузіазмъ и деспотизмъ восточныхъ народовъ могутъ имѣть своимъ источникомъ одно только варварство, комбинированное съ извѣстными обстоятельствами; и этотъ метафорическій языкъ, на который указывается какъ на слѣдствіе большей близости солнца, употреблялся, согласно сообщеніямъ Тацита и Діодора изъ Сициліи, древними галлами и германцами и употребляется еще теперь прокезами, обитающими среди канадскихъ льдовъ. Онъ употребляется всеми народами, языкъ которыхъ весьма ограниченъ, и которые, не имѣя собственныхъ словъ, умножаютъ сравненія, метафоры, намеки, дабы лучше объясниться, что иногда съ трудомъ имъ удается, но всегда недостаточно точно и не вполне ясно.

Такъ какъ физическія причины дѣйствуютъ только на скрытыя начала, способствующія формированію нашего ума и нашего характера, а не на результаты, единственно видимые нами, мы въ правѣ оцѣнивать ихъ вліяніе только послѣ того, какъ нами исчерпано вліяніе моральныхъ причинъ, и мы увѣрены, что факты совершенно необъяснимы этими причинами, происхожденіе которыхъ мы понимаемъ и движеніе которыхъ мы можемъ прослѣдить въ глубинѣ нашего сердца.

* * *

Представленія первыхъ людей были ограничены чувственными предметами, и, слѣдовательно, ихъ языки сводились къ означеніямъ послѣднихъ. Масса отвлеченныхъ и общихъ идей, неизвѣстныхъ еще большому количеству народовъ, была продуктомъ времени, и, стало-быть, искусство разсуждать лишь современемъ сдѣлалось достояніемъ людей.

Порядокъ предметовъ, которые означались первыми, въ языкахъ былъ всюду одинаковъ, такъ же какъ и первыя метафоры и первыя отвлеченныя идеи, управляющія спряженіями и склоненіями, и аналогіи наиболѣе варварскихъ языковъ (мы ни одного не знаемъ въ его первобытномъ состояніи), ибо варварство, нѣкоторымъ образомъ, закрѣпляетъ прогрессъ массы людей только тѣмъ, что оно лишаетъ ихъ возможности совершенствоваться.

Геній никогда не упускаетъ случая проявить себя. Такимъ образомъ, при постоянномъ употребленіи языковъ невозможно, чтобы разнообразіе сочетаній идей, представлявшихъ для выраженія, не вызвало потребности въ новыхъ знакахъ, которые отмѣчали бы новыя связи или новыя оттѣнки между идеями. И эта потребность, являющаяся сознаніемъ нашего умственного убожества, открывая намъ этотъ недостатокъ, научаетъ насъ его устранять и становится источникомъ нашихъ богатствъ.

1) Монтескье.

Поэтому языки наиболѣе варварскихъ народовъ весьма далеки теперь отъ ихъ первыхъ опытовъ; то же самое происходитъ со всякими успѣхами, которые всегда реальны, но иногда весьма медленны. Существуетъ очень мало искусствъ и наукъ, начало которыхъ не могло бы восходить до этихъ первыхъ эпохъ; всѣ искусства опираются на грубыя идеи, на простые и доступные всѣмъ опыты.

Мы видимъ безконечный прогрессъ, совершенный науками, и потеряли изъ виду незамѣтное сцѣпленіе, посредствомъ котораго онъ связанъ съ первичными идеями.

Вначалѣ свѣтила разсматривались невооруженнымъ глазомъ, горизонтъ былъ первымъ орудіемъ, и триста шестьдесятъ дней лунно-солнечнаго года служили образцомъ для дѣленія круга на триста шестьдесятъ градусовъ. Звѣзды отъ первой до четвертой величины видимы для всѣхъ людей. Поперебѣнность дней и ночей, измѣненія фазъ луны были естественными измѣреніями времени; поперебѣнность тепла и холода и потребности земледѣлія привели къ сравненію движенія солнца и луны. Отсюда годъ, мѣсяцы, названія главныхъ созвѣздій.

Мореплаваніе заставило затѣмъ усовершенствовать астрономію и научило сравнивать ее съ географіей.

Музыка, танецъ, поэзія также обусловлены природой человѣка. Предназначенный жить въ обществѣ, человѣкъ проявляетъ свою радость внѣшними знаками, онъ дѣлаетъ прыжки и издаетъ звуки; общая радость выражается посредствомъ качаній, прыжковъ, и одновременныхъ и нестройныхъ звуковъ. Мало-по-малу привыкали прыгать на одинъ ладъ, стали сообразовать шаги со звуками, послѣдніе отдѣлять другъ отъ друга правильными промежутками. Ухо, благодаря весьма недолгому опыту и въ силу только естественной способности, научилось различать первыя отношенія звуковъ. Когда появилось желаніе выразить мотивы радости словами, они были согласованы съ размѣромъ звуковъ; таково происхожденіе танца, музыки и поэзіи, создавшейся вначалѣ только для пѣнія. Только современемъ стали удовлетворяться одной свойственной ей гармоніей, которую познали лишь послѣ того, какъ поэзія была настолько усовершенствована, что сама по себѣ могла нравиться.

По мѣрѣ того, какъ эти искусства совершенствовались, они отдѣлялись вслѣдствіе необходимости для каждаго особаго дарованія. Цезуры указывались сходственными звуками, и ухо научилось также различать количество слоговъ. Необходимость придерживаться размѣра должна была способствовать успѣхамъ и смягченію языковъ. Стихосложеніе съ каждымъ днемъ становится все менѣе свободнымъ, ухо въ силу опыта устанавливаетъ себѣ болѣе строгія правила; и если оно становилось болѣе тяжелымъ, то, благодаря счастливому возмѣщенію, совершенство языковъ, новые обороты, умножавшіяся удачныя вольности давали также болѣе силы его носить.

Легкость удерживать въ памяти стихи и національное тщеславіе побуждали первобытные народы воспѣвать свои наиболѣе достопамятные поступки. Таковы пѣсни современныхъ намъ дикихъ, пѣсни древнихъ бардовъ, руническіе гимны жителей Скандинавіи; таковы также нѣкоторыя древнія духовныя пѣсни, вошедшія въ историческія книги евреевъ, Шу-Кингъ китайцевъ и романсы новѣйшихъ европейскихъ народовъ. До изобрѣтенія письменности онѣ были единственными исторіями, исторіями безъ хронологическихъ датъ и часто загроможденными ложными обстоятельствами.

Бѣдность языковъ и необходимость метафоръ, обусловленная этой бѣдностью, привели къ тому, что стали употреблять аллегоріи и мѣты для объясненія физи-

ческихъ явленій. Онѣ являются первыми шагами философіи, какъ мы это еще наблюдаемъ въ Индіи.

Миѣны всѣхъ народовъ аналогичны, ибо явленія, которыя приходилось объяснять, и образцы причинъ, которыя придумывали для ихъ объясненія, подобны. Различія, впрочемъ, существуютъ, ибо только истина едина и потому, что, хотя ходъ воображенія почти всюду одинаковъ, не всѣ шаги его совпадаютъ. Сверхъ того, предполагаемая реальными миѣологическія существа, были примѣшаны къ исторіямъ фактовъ и въ силу этого чрезвычайно разнообразились. Полъ божествъ, который часто зависѣлъ отъ рода слова въ языкѣ, долженъ былъ также разнообразить миѣны у различныхъ народовъ. Тысячи обстоятельствъ, вызвавшихъ эти миѣны, имѣли частный характеръ, но общія отношенія послѣднихъ не уничтожались. Смѣшенія и торговля народовъ породили новые миѣны, благодаря двусмысленному пониманію старыхъ; и плохо понятыя слова увеличили ихъ количество.

Разсматривая воображаемая существа, какъ реальныя, народы то умножали божества, включая въ ихъ число тѣ, которыя различныя націи придумывали для тѣхъ же дѣйствій, то принимали за одинаковыя тѣ, которыя имѣли аналогичныя атрибуты. Отсюда путаница въ исторіи этихъ божествъ. Отсюда множество ихъ поступковъ, въ особенности, когда два народа, имѣвшіе одинаковую миѣологию, смѣшивались; и таковы были индусы. Физика измѣнялась, не оказывая вліянія на вѣру въ миѣны, которая держалась въ силу двоякой любви — къ древности и къ чудесамъ — и также потому, что они передавались воспитаніемъ изъ вѣка въ вѣкъ.

Первыя исторіи являются также баснями, изобрѣтенными, чтобы разсѣять мракъ, покрывавшій происхожденіе имперій, искусствъ, обычаевъ; ихъ ложность очень легко признать. Все то, что люди изобрѣтаютъ, подчинено только вѣроятности, т.-е. возрѣніямъ того вѣка, когда этотъ фактъ былъ изобрѣтенъ. Но то, что они разсказываютъ, подчинено истинѣ и никогда не можетъ быть опровергнуто позднѣйшими наблюденіями. Сверхъ того, памятниками до изобрѣтенія письменности людямъ служили только пѣсни и нѣкоторые камни, на которыхъ эти пѣсни были повторены. Ясно, что въ послѣднихъ искали наслажденія и славы больше, чѣмъ заботились объ избѣжаніи преувеличенія. Даже Геродотъ является еще поэтомъ. Только послѣ него поняли необходимость говорить правду въ исторіи.

Геродотъ писалъ четыреста лѣтъ послѣ Гомера и, однако, кто такой Геродотъ? Чѣмъ были эти четыреста лѣтъ? Что представляло собой время Гомера? Какимъ образомъ поэзія поднялась такъ высоко, въ то время, какъ исторія продолжала стоять такъ низко? Геродотъ въ своей области стоитъ неизмѣримо ниже того уровня, котораго достигъ Гомеръ въ своей, и одинъ изъ крупныхъ недостатковъ Геродота заключается въ томъ, что онъ слишкомъ подражалъ Гомеру и старался всюду уснащать свои разсказы украшеніями миѣа. Знать, что люди жадны къ чудесному, имѣть достаточно геніальности, чтобы употреблять послѣднее съ энергіей и граціей и чтобы всѣмъ нравиться — таковъ Гомеръ. Нужны были новыя размышленія и медленный прогрессъ, чтобы догадаться, что есть случаи, когда это чудесное не можетъ нравиться такъ, какъ совершенно голая истина; что любопытство людей могло бы находить въ достовѣрности предметовъ удовольствіе, покой, которые бы удовлетворили его болѣе, чѣмъ количество, разнообразіе и причудливость приклю-

чепій; что, наконецъ, средство нравиться, тысяча разъ испытанное, не можетъ быть всегда вѣрнымъ.

Эти размышленія, этотъ прогрессъ имѣли мѣсто во времена послѣ-гомеровскія и спустя болѣе четырехсотъ лѣтъ послѣ него. Когда Геродотъ писалъ, эти времена еще не наступили. Часто вещь, требующая меньшей геніальности, чѣмъ другая, нуждается для своего осуществленія въ большемъ прогрессѣ во всей массѣ людей.

Искусства рисованія, скульптура, живопись имѣютъ много отношеній съ поэзіей въ тѣхъ эмоціяхъ, которыя испытываетъ художникъ, и въ тѣхъ, которыя онъ хочетъ сообщить. Естественнымъ началомъ ихъ является желаніе сохранять историческіе или миѳологическіе памятники; и геній, воодушевленный патріотическимъ или религіознымъ рвеніемъ, хотѣлъ выражать съ глубокимъ чувствомъ и силой идеи и воспоминанія, о которыхъ должны говорить эти памятники.

Всѣ эти искусства много зависятъ отъ различнаго состоянія людей — охотничьяго, пастушескаго и земледѣльческаго. Въ послѣднемъ состояніи люди, имѣя возможность образовать многочисленное населеніе и болѣе нуждаясь для веденія своего хозяйства въ положительныхъ знаніяхъ, должны были неминуемо дѣлать гораздо большіе успѣхи.

* * *

Знанія людей, которыя всѣ заключены въ актуальномъ ощущеніи, суть различныхъ видовъ: одни состоятъ въ чистыхъ сочетаніяхъ идей, какъ отвлеченныя математическія науки; другія относятся къ внѣшнимъ предметамъ, но касаются только, такъ сказать, ихъ поверхности и ихъ вліяній на насъ; такова поэзія, таковы искусства вкуса. Наконецъ, третьи имѣютъ предметомъ существованіе самихъ вещей. Они восходятъ отъ слѣдствій къ причинамъ, отъ чувствъ къ тѣламъ, отъ настоящаго къ прошедшему, отъ тѣлъ видимыхъ къ невидимымъ, отъ міра къ божеству. Вѣра въ реальность тѣлъ видимыхъ и прежде существовавшихъ предметовъ, о которыхъ говорить намъ память, предшествовала разсужденію. Непосредственная причина нашихъ ощущеній не вызывала сомнѣній; причины движеній тѣлъ образовали физику; и въ первыя времена часто смѣшивали взаимодействіе тѣлъ съ вліяніемъ божества.

Аристотель, — въ трудѣ, который, хотя находится теперь въ пренебреженіи, является, тѣмъ не менѣе, однимъ изъ прекраснѣйшихъ усилій человѣческаго разума, — сумѣлъ поднять анализъ до совершенства, изслѣдуя способъ, которымъ пользуется нашъ умъ при переходѣ отъ извѣстной истины къ неизвѣстной; онъ сумѣлъ вывести отсюда правила искусства разсуждать и, показывая слѣдствія извѣстнаго сочетанія идей, онъ доказалъ, какъ можно обезпечить себя, чтобы одно предложеніе было законно выведено изъ другого. Нужно признать, что въ остальной части своей философіи онъ ни одного анализа не могъ сдѣлать столь же совершенно, ибо перечисленіе идей было дѣломъ не столь легкимъ. Но какъ бы полезнымъ ни считать его трудъ въ отношеніи слѣдствій, онъ не можетъ служить для полученія яснаго понятія о причинахъ. Хотя Аристотель предвидѣлъ, что всѣ идеи обусловлены чувствами, все же чрезвычайно долго склонны были считать началами только мнимо-отвлеченныя идеи, не восходя до ихъ первичныхъ элементовъ.

Бэконъ первый понялъ необходимость подвергнуть изслѣдованію всё эти понятія. Это было тогда достаточно, чтобы приободрить ученыхъ. Ему должно простить то, что онъ самъ слишкомъ робко преслѣдуетъ свою мысль. Онъ похожъ на человѣка, идущаго, опасливо озираясь, по пути, загроможденному развалинами; онъ сомнѣвается, онъ колеблется.

Вслѣдъ за нимъ Галилей и Кеплеръ кладутъ своими наблюденіями истинныя основанія философіи.

Но только болѣе смѣлый, чѣмъ его предшественникъ, Декартъ задумалъ и совершилъ переворотъ въ философіи. Система случайныхъ причинъ, идея свести все къ матеріи и движенію составляютъ духъ этого могучаго философа и предполагаютъ анализъ идей, примѣра котораго мы не находимъ у древнихъ.

Сбросивъ иго ихъ авторитета, онъ, однако, съ недостаточной послѣдовательностью относился къ элементарнымъ знаніямъ, заимствованнымъ имъ у нихъ. Прямо поразительно, что человѣкъ, дерзнувшій усомниться во всемъ, что онъ изучилъ, не старался прослѣдить прогрессъ своихъ новыхъ знаній до своихъ простѣйшихъ ощущеній. Говорятъ, что онъ ужаснулся одиночества, въ которомъ онъ очутился, что и онъ не могъ выдержать его до конца. Онъ вскорѣ возвращается къ идеямъ, отъ которыхъ сумѣлъ себя избавить, подобно древнимъ, реализуетъ чистыя абстракціи; онъ разсматриваетъ свои идеи какъ реальности. Онъ придумываетъ для нихъ причины соразмѣрно ихъ обширности. Онъ увлеченъ своими старыми предразсудками, послѣ того, какъ онъ ихъ уничтожилъ. Если бы меня не останавливали уваженіе и признательность, должныя такому великому человѣку, я бы сравнилъ его съ Самсономъ, который, сокрушивъ храмъ Дагона, погибъ подъ его обломками.

Его послѣдователи приписывали наши заблужденія иллюзіямъ чувствъ, и ихъ преувеличенная ревность противъ чувствъ имѣла хорошіе результаты. Желая вскрыть, какимъ образомъ чувства насъ обманываютъ, научились анализировать способъ познанія черезъ ихъ посредство внѣшнихъ предметовъ.

Локку удалось значительно углубить этотъ анализъ. Беркли и Кондильякъ пошли по его стопамъ. Всѣ они являются духовными дѣтьми Декарта.

Декартъ разсматривалъ природу, какъ человѣкъ, который, бросая на нее широкій взглядъ, обнимаетъ ее всецѣло и составляетъ ее планъ, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета.

Ньютонъ изслѣдовалъ ее болѣе подробно. Онъ описалъ страну, которую другой открылъ.

Ученые поставили себѣ задачей умалять значеніе Декарта престижемъ Ньютона. Они подражали тѣмъ римлянамъ, которые, когда императоръ занималъ мѣсто своего предшественника, отсѣкали голову у статуи послѣдняго, замѣняя ее головой новаго императора. Но въ храмѣ славы есть мѣста для всѣхъ выдающихся геніевъ. Тамъ можно воздвигать памятники всѣмъ заслужившимъ ихъ.

Съ этими двумя могучими геніями случилось то, что обычно происходитъ во всѣхъ областяхъ: великій человѣкъ открываетъ новые пути человѣческому разуму; въ теченіе нѣкотораго времени всѣ люди являются еще только его учениками. Постепенно, однако, они выравниваютъ дороги, которыя онъ открылъ; они объединяютъ всѣ части его открытій, они соединяютъ и приводятъ въ извѣстность свои богатства и силы,

покуда нарождается новый великій человекъ, который, поднимаясь надъ уровнемъ, до котораго его предшественникъ привелъ человѣческій родъ, достигаетъ такой же высоты, на какую взлеталъ этотъ предшественникъ со своего отправного пункта.

Безъ опытовъ Бекера Ньютонъ, можетъ-быть, и не подозревалъ бы, что его принципы смогутъ его привести къ открытію сфероидальности земли. Великій геній не испытываетъ желанія тщательно изучать теорію, если онъ къ этому не побуждается фактами. Люди рѣдко предаются разсужденіямъ. Потребность чувствовать не чужда многимъ. Но для того, чтобы человекъ могъ рѣшиться на смѣлое умозаключеніе, нужна болѣе повелительная потребность.

Говорятъ, что Френиклъ высказалъ ту мысль, что тяжесть, заставляющая тѣла падать на землю, удерживаетъ планеты въ ихъ орбитахъ. Но отъ такой неясной и невѣрной идеи до того проникательнаго воззрѣнія, до того геніальнаго взгляда Ньютона, проникающаго безконечность сочетаній и отношеній всѣхъ небесныхъ тѣлъ, до той упорной отваги, которая не устрашается ни глубины исчисления, ни красоты и трудности проблемъ и которая дерзаетъ приводить въ равновѣсіе солнце, свѣтила и всѣ силы природы—дистанція огромныхъ размѣровъ.

Декартъ открылъ искусство привести къ уравненію кривыя. Гюйгенсъ и, въ особенности, Ньютонъ вдругъ внесли свѣтъ анализа въ бездны безконечнаго.

Лейбницъ, обширный геніальный умъ и систематикъ, хотѣлъ, чтобы его произведенія стали центромъ, гдѣ объединялись бы всѣ человѣческія знанія. Онъ хотѣлъ собрать воедино всѣ науки и всѣ воззрѣнія. Онъ хотѣлъ воскресить системы всѣхъ древнихъ философовъ, какъ человекъ, который изъ развалинъ всѣхъ зданій древняго Рима пытался бы построить царскій дворецъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своей теодицеи то, что Петръ Великій изъ Петербурга.

Мы обязаны этимъ великимъ людямъ примѣромъ и законами анализа, отсутствіе котораго такъ долго тормазило успѣхи метафизики и даже физики.

Можно было бы смѣшать эти двѣ науки подъ однимъ общимъ отношеніемъ, которымъ онѣ отличаются отъ наукъ, называемыхъ математическими. Всѣ науки безспорно обусловлены чувствами. Но математическія науки имѣютъ то преимущество, что основаны на примѣненіи чувствъ, не допускающемъ ошибки.

* * *

Необходимость измѣрять поля, подкрѣпленная свойствомъ пространства измѣряться по отношенію къ занимаемой имъ площади, породила элементарныя математическія знанія. Идеи чиселъ не менѣ просты и не менѣ обычны; именно изъ этого небольшого количества простыхъ идей, которыя легко сочетать, были образованы математическія науки, примѣнимыя ко всему, что можетъ быть разсматриваемо, какъ величина. Эти науки легко обнять во всей ихъ совокупности, такъ какъ онѣ всѣ являются только слѣдствіями отвлеченныхъ опредѣленій, заключающихъ небольшое количество идей. Образуется цѣпь истинъ, связанныхъ всѣ другъ съ другомъ, цѣпь, гдѣ людямъ остается только признать всѣ сдѣланные ими шаги, чтобы накапливать истины на истины. Эти истины становятся все болѣе плодотворными; чѣмъ далѣе углубляешься въ область умозрѣнія, тѣмъ болѣе открываешь общія формы исчисления, откуда можно исходить къ частнымъ истинамъ, строя частныя гипотезы. Истины, сочетаясь, умножаются и

вновь сочетаются, откуда рождается новое умноженіе, ибо каждая становится источникомъ массы истинъ, которыя не менѣе плодотворны, чѣмъ первыя.

По мѣрѣ того, какъ число этихъ извѣстныхъ истинъ увеличивалось, по мѣрѣ того, какъ изслѣдовались свойства большого числа фигуръ, стали выражать ихъ общія свойства формулами и общими принципами, заключавшими въ себѣ все то, что было извѣстно. Такимъ образомъ, даже въ математическихъ наукахъ начали съ изслѣдованія нѣкоторыхъ простыхъ фигуръ, небольшого числа свойствъ линій: общіе принципы являются продуктомъ времени.

Отсюда, такъ какъ полагали, что наилучшимъ порядкомъ является тотъ, гдѣ изъ одного принципа вытекаетъ масса слѣдствій, то для того, чтобы его ввести въ математическія произведенія, оказалось необходимымъ изъ вѣка въ вѣкъ передѣлывать цѣликомъ методъ обученія. То обстоятельство, что этотъ порядокъ, казавшійся естественнымъ, былъ произволенъ; что въ геометріи, гдѣ выражаются общія отношенія фигуръ, эти отношенія взаимны; что можно, равнымъ образомъ, вывести принципъ изъ слѣдствія или слѣдствіе изъ принципа (уравненіи эллипса можетъ быть выведено изъ его построенія, какъ его построеніе изъ его уравненія)—все это не было замѣчено.

Предпочтительнымъ же является тотъ методъ, который прослѣживааетъ шаги человѣческаго разума въ его открытіяхъ, дѣлаетъ понятнымъ рождающіяся изъ всѣхъ частныхъ истинъ общія аксіомы и въ то же время показываетъ способъ, посредствомъ котораго онѣ связываютъ между собою всѣ предшествовавшія истины. Такимъ образомъ, изображеніе успѣховъ математики подобно Олимпу поэтовъ, вершина котораго была обращена къ землѣ и который, по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся отъ земли, расширялся до того, что сливался съ небомъ; такъ геометрія расширилась до безконечности. Частныя истины приводятъ къ болѣе и болѣе общимъ формуламъ; и даже въ математикѣ нужно сначала отправляться отъ частнаго къ общему.

Но, когда общіе принципы найдены, какую быстроту сообщаютъ они прогрессу этихъ наукъ! Алгебра, приведеніе кривыхъ къ уравненію, анализъ безконечнаго! Это непрерывный рядъ гипотетическихъ истинъ, достовѣрныхъ уже въ силу самаго характера своего образованія и въ то же время подтверждаемыхъ природою. Ибо первыя гипотезы отнюдь не были произвольными; онѣ были основаны на идеяхъ протяженности, которыя мы получаемъ черезъ наши чувства и которыя послѣднія намъ даютъ только потому, что дѣйствительно есть существа, занимающія пространство въ природѣ.

* * *

Математика отправляется отъ небольшого количества идей и сочетается до безконечности отношенія. Въ физическихъ наукахъ происходитъ какъ разъ обратное: тамъ рѣчь идетъ не о цѣли идей и отношеній, но о фактахъ и идеяхъ, имѣющихъ предметъ, существующій въ настоящемъ или существовавшій въ прошломъ (будущее можетъ быть только математическимъ) и истинность котораго состоитъ въ совпаденіи нашихъ воззрѣній съ этимъ предметомъ.

Подъ физическими науками я разумѣю логику, являющуюся наукой объ операціяхъ нашего ума и происхожденіи нашихъ идей; метафизику, занимающуюся природою и происхожденіемъ существъ, и, наконецъ, собственно физику, наблюдающую взаимодѣйствіе тѣлъ между собою и причины и сплетеніе

чувственныхъ явленій. Можно было бы сюда добавить исторію, достовѣрность которой никогда не можетъ быть такъ велика, ибо связь фактовъ не можетъ быть столь тѣсна и потому, что факты, уже давно прошедшіе, могутъ только съ трудомъ быть подвергнуты новому изслѣдованію.

Такъ какъ природа всегда неизмѣнна, то посредствомъ опытовъ можно воспроизводить на нашихъ глазахъ тѣ же явленія или произвести новыя; но если первоисточники какого-либо факта внушаютъ мало довѣрія, фактъ навсегда остается сомнительнымъ, и мы никогда не можемъ узнать его точныя слѣдствія.

Я не имѣю въ виду такія науки, какъ мораль и политика, зависящія отъ себялюбія, регулируемаго справедливостью, которая сама является только чрезвычайно просвѣщеннымъ себялюбіемъ. То, что я говорю вообще о различіи между науками, основанными на сочетаніи и наблюденіи, должно быть къ нимъ примѣнено. Изучая ихъ, человѣкъ не можетъ предаваться небольшому количеству принциповъ. Онъ одновременно осаждается всѣми идеями, вынужденный собирать ихъ въ массу, ибо всѣ существа связаны въ силу существующаго между ними взаимодействія, и въ то же время ему приходится заботливо разлагать эти идеи до ихъ простѣйшихъ элементовъ.

Логика основана на анализѣ языка и приведеніи изображеній предметовъ къ составляющимъ ихъ простымъ ощущеніямъ. Метафизика должна была благодаря этому анализу сдѣлать нѣкоторые успѣхи. Прежде чѣмъ наши ощущенія были анализированы и ихъ причины обнаружены, реальное однообразіе матеріальныхъ существъ для насъ оставалось скрытымъ. Голубое и красное тѣло должны казаться различными, и едва ли можно было бы подозрѣвать, что между ними существуетъ нѣчто общее, если бы чувства не показывали само рассматриваемое тѣло, какъ существующее внѣ насъ, способное принимать различные цвѣта и появляться надѣленнымъ различными чувственными качествами. Отсюда различіе между субстанціей и формой, различіе, которое, однако, не мѣшаетъ рассматривать сначала формы какъ существа, пребывающія внѣ насъ, хотя ихъ существованіе безъ содержанія невозможно. Отсюда заблужденія большинства философовъ.

Всѣ эти идеи о субстанціи, сущности и матеріи, столь сбивчивыя у древнихъ, такъ какъ онѣ не были достаточно тщательно прослѣжены до первичныхъ чувственныхъ идей, употреблялись во всей ихъ двусмысленности. Какіе успѣхи нужно было сдѣлать для ихъ объясненія въ области самой физики, движеніе которой эти заблужденія тормозили! Ибо метафизика и физика имѣютъ взаимную потребность одна въ другой. Сколько времени понадобилось для открытія, что всѣ чувственныя явленія могутъ объясняться фигурами и движеніями. Декартъ первый хорошо понималъ эту истину. До него физика, лишенная этой степени анализа, оставалась почти смѣшанной съ метафизикой.

Заблужденія этой послѣдней зависятъ отъ способа, посредствомъ котораго мы получаемъ черезъ наши ощущенія представленіе о внѣ насъ пребывающихъ существахъ. Ассимилируя цвѣтовые точки, мы образуемъ себѣ идею о видимомъ пространствѣ; путемъ соединенія нѣкоторыхъ ощущеній, производящихъ въ насъ сопротивленіе, оказываемое нашему тѣлу извнѣ, мы создаемъ себѣ идею объ осязаемомъ пространствѣ. О существованіи тѣлъ, являющихся связью и общей причиною нашихъ ощущеній, мы убѣждаемся посредствомъ рассужденія; но инстинктъ или,

если угодно, связь идей, рожденная изъ опыта, опередила разсужденіе, и сами тѣла смѣшивались съ ихъ чувственными качествами. Эта идея неминуемо должна была породить во всей метафизикѣ неясность, о которой мы говоримъ и которую легко понять, если принять во вниманіе, что наше сужденіе о существованіи внѣшнихъ предметовъ является только результатомъ ихъ отношеній къ намъ, ихъ вліяній на насъ, нашихъ опасеній, нашихъ желаній, нашего пользованія ими.

* * *

Такъ какъ наши чувства даны намъ только для сохраненія и благосостоянія нашего существа, наши ощущенія являются только истинными знаками нашихъ представленій объ этихъ внѣшнихъ предметахъ, знаками, которые достаточны, чтобы заставить насъ искать или избѣгать послѣднихъ, хотя бы ихъ природа намъ была неизвѣстна. Наши сужденія суть только краткое выраженіе всѣхъ движеній, которыя эти тѣла возбуждаютъ въ насъ, выраженіе, гарантирующее намъ реальность этихъ тѣлъ, вслѣдствіе реальности ихъ вліянія. Такимъ образомъ, наше сужденіе о внѣшнихъ предметахъ отнюдь не предполагаетъ анализа столькихъ идей; мы судимъ о совокупности.

Нужно замѣтить, съ другой стороны, что языкъ, по отношенію къ метафизикѣ, подобенъ приложенію геометріи къ физикѣ. Но, кромѣ того, что въ языкѣ, употребленіе котораго обычно и легко, не всегда можно достаточно внимательно наблюдать за собою, чтобы не позволить себѣ никакого противорѣчія, послѣднее условіе могло бы быть достигнуто только по опредѣленіи всѣхъ своихъ идей и, слѣдовательно, по образованіи съ чрезвычайно большимъ трудомъ ряда истинъ, мало пригодныхъ для потребностей общества, которыя, однако, являются главной цѣлью языка.

Наибольшая тщательность привела бы къ устраненію противорѣчій въ терминахъ, къ образованію цѣпи гипотетическихъ истинъ; но это было бы недостаточно въ наукахъ, которыя должны быть сравниваемы съ реальными предметами. Часто проблемы физики (ибо не всѣ элементы, обуславливающіе слѣдствіе достаточно хорошо разсматривались) даютъ результатъ совершенно противоположный опыту, хотя бы не было допущено математической ошибки. Слова скорѣе напоминаютъ объ идеяхъ, чѣмъ выражаютъ ихъ. Правильнымъ логическимъ методомъ можно удачно выводить слѣдствія; но кто поручится за справедливость принциповъ? И, предполагая, что они были бы ложны, насколько сама истинность слѣдствій удалась бы отъ дѣйствительности, если бы люди, приводимые своими потребностями къ чувствамъ и къ обществу, не вынуждались часто быть непослѣдовательными! Двѣ противорѣчивыя идеи не кажутся таковыми; но почему онѣ таковыми не кажутся? Это, обыкновенно, потому, что онѣ являются отвлеченными идеями, предметы которыхъ реально не существуютъ.

Вообще, принципами наукъ, гдѣ нежелательно удаляться отъ дѣйствительности, могутъ быть только факты. Послѣдніе могутъ быть познаваемы въ метафизикѣ лишь путемъ анализа нашихъ ощущеній, являющихся, по отношенію къ внѣшнимъ предметамъ, только слѣдствіями, означающими ихъ наличность. Ихъ существованіе можетъ быть обнаружено въ физикѣ посредствомъ глубокаго изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ, изслѣдованія, невозможность котораго становится неизбежнымъ препятствіемъ для нашихъ исканій. Кому извѣстна только одна сто-

рона суши, тотъ не можетъ знать, является ли она островомъ или материкомъ. Вотъ положеніе, въ которомъ мы, начиная размышлять, оказываемся по отношенію ко всѣмъ предметамъ нашихъ идей, а также относительно многихъ, послѣ долгихъ размышленій.

Это двойное смѣшеніе языка и идей безъ сомнѣнія много повліяло на физику. Когда люди начали разсуждать о наблюдаемыхъ ими явленіяхъ, они, прежде чѣмъ успѣли хорошо познать послѣднія, стали сначала искать ихъ причины; и такъ какъ истинныя причины могли быть открыты только современемъ, они выдумывали ложныя. Всегда, когда ищется причина какого-либо слѣдствія, при чемъ другихъ данныхъ кромѣ этого слѣдствія нѣтъ, она можетъ быть найдена только путемъ гипотезы.

По возможности восходятъ отъ слѣдствія къ причинѣ, стараясь вывести отсюда то, что находится внѣ насъ. А для того, чтобы разгадать причину какого-либо слѣдствія, когда наши идеи ее намъ не представляютъ, нужно предположить какую-нибудь; нужно провѣрить нѣсколько гипотезъ и ихъ испытать. Но какъ ихъ провѣрять?—Только развивая слѣдствія каждой гипотезы и сравнивая ихъ съ фактами. Если всѣ факты, предусмотрѣнные гипотезой, находятся въ природѣ именно такими, какими они должны рисоваться на основаніи этой гипотезы, то это совпаденіе, которое не можетъ быть случайнымъ, становится провѣркой, подобно тому какъ узнають печать, замѣчая, что всѣ ея черты совпадаютъ съ чертами ея оттиска.

Таковъ ходъ прогресса физики. Мало извѣстные, плохо анализированные, немногочисленные факты должны были вызвать изобрѣтеніе чрезвычайно ложныхъ гипотезъ; необходимость сдѣлать массу предположеній, прежде чѣмъ найти истину, должна была еще болѣе этому способствовать. Сверхъ того, трудность вывести слѣдствія изъ гипотезъ и сравнивать ихъ съ фактами была вначалѣ чрезвычайно велика. И только благодаря примѣненію математики къ физикѣ стало возможно изъ этихъ гипотезъ,—являющихся сочетаніями того, что должно произойти съ извѣстными тѣлами, двигающимися согласно извѣстнымъ законамъ,—выводить слѣдствія, которыя должны отсюда вытекать; и послѣ этого изслѣдованія должны были современемъ умножаться. Искусство дѣлать опыты также лишь постепенно совершенствовалось: счастливые случаи, которые, однако, представляются только тому, кто эти предметы часто имѣетъ предъ своими глазами и знаетъ ихъ, еще обычнѣе, масса тонкихъ теорій и мелкихъ детальныя системъ, подкрѣпляемыхъ часто математикой,—помогли обнаружить факты, или указали людямъ опыты и способы ихъ производства, гарантирующіе успѣхъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ успѣхи математики благоприятствовали прогрессу физики, какъ все связано, и въ то же время, какъ потребность испытать всѣ гипотезы вызвала массу математическихъ изслѣдованій, умножая истины, увеличивая общность принциповъ, откуда рождаются наибольшая легкость исчисленія и совершенствованіе искусства.

Изъ всего этого можно заключить, что люди должны были пройти черезъ тысячи заблужденій, прежде чѣмъ дойти до истины. Отсюда эта масса системъ, всѣ, однѣ какъ другія, бессмысленныя и, тѣмъ не менѣе, являющіяся истиннымъ прогрессомъ, ибо ими нащупывается путь къ истинѣ; системъ, которыя, сверхъ того, обуславливаютъ изслѣдованія и въ силу этого полезны въ своихъ слѣдствіяхъ. Гипо-

тезы не вредны: всѣ ложныя гипотезы сами разрушаются. Мнимо-систематическія расположенія, являющіяся не чѣмъ инымъ, какъ произвольными словарями, кажется, скорѣе останавливали движеніе естественной исторіи, считая ее полной, между тѣмъ какъ она таковой никогда не можетъ быть; и, однако, эти методы сами дѣлаютъ успѣхи. Плиніи не является болѣе ученымъ натуралистомъ, чѣмъ Линней. Напротивъ, послѣдній въ этомъ отношеніи выше стоитъ перваго. Но Плиніи зналъ меньше предметовъ и меньше отношеній этихъ предметовъ. Линней болѣе понимаетъ, насколько его память загромождена подробностями предметовъ и что для того, чтобы ихъ познать, нужно уловить отношенія. Онъ часто останавливается на произвольныхъ. Но эти произвольныя отношенія уступаютъ мѣсто незамѣтнымъ отгѣнкамъ, объединяющимъ виды. Первый шагъ—это найти систему; второй—ее отбросить.

Возвратимся къ нашимъ физическимъ гипотезамъ, разнообразіе которыхъ, какъ мы видимъ, необходимо и шаткость которыхъ не мѣшаетъ тому, чтобы, въ концѣ концовъ, были найдены истинныя, по крайней мѣрѣ, когда подробности фактовъ смогутъ быть достаточно выяснены. Но, помимо трудности анализировать факты и развивать гипотезы, есть въ способѣ ихъ образованія другой источникъ заблужденій, еще болѣе значительный. Это слишкомъ соблазнительная склонность къ аналогіи; невѣжество видитъ всюду подобіе и, къ сожалѣнію, невѣжество судить.

Прежде чѣмъ удалось познать связь физическихъ явленій между собою, было весьма естественно предполагать, что они производятся разумными существами, невидимыми и подобными намъ; ибо чему они могли бы быть уподоблены? Все то, что случилось безъ участія людей, имѣло своего бога, передъ которымъ страхъ или надежда вскорѣ заставили благоговѣть, и обряды почитанія котораго придумывались сообразно существовавшимъ отношеніямъ къ сильнымъ людямъ; ибо боги считались только людьми болѣе сильными, или болѣе или менѣе совершенными, въ зависимости отъ того, насколько вѣкъ, продуктомъ котораго они являлись, былъ болѣе или менѣе просвѣщенъ объ истинныхъ совершенствахъ человѣчества.

Когда философы, не имѣя истинныхъ знаній въ области естественной исторіи, признали нелѣпость этихъ басенъ, они начали объяснять причины явленій отвлеченными выраженіями, вродѣ сущностей и способностей, которыя, однако, ничего не объясняли, разсматривались, какъ существа, какъ новыя божества, пришедшія на смѣну старыхъ. Эти аналогіи прослѣживались и такимъ путемъ умножились способности, которыми пытались пролить свѣтъ на происхожденіе каждаго явленія.

Лишь значительно позже, когда было замѣчено механическое взаимодействіе между тѣлами, удалось построить на основаніи этой механики другія гипотезы, которыя могли быть развиты математикой и провѣрены опытомъ. Вотъ почему физика перестала вырождаться въ скверную метафизику только тогда, когда длинный рядъ успѣховъ въ области искусствъ и химіи умножили сочетанія тѣлъ, когда сообщеніе между обществами, ставъ болѣе тѣснымъ, обусловило расширеніе географическихъ знаній, когда факты стали болѣе достовѣрными и когда практическое примѣненіе искусствъ стало совершаться на глазахъ у философовъ. Книгопечатаніе, литературныя и научныя журналы, академическія мемуары увеличили достовѣрность, такъ что теперь только подробности являются еще сомнительными.

* * *

Есть другой видъ прогресса человѣческаго разума, менѣ признанный, менѣ извѣстный, однако, реальный—это прогрессъ въ области изящныхъ искусствъ, въ области живописи, поэзіи и музыки. Что бы ни говорили поклонники древности, теорія этихъ искусствъ значительно расширилась, но мы не только не превосходимъ, но даже не достигаемъ въ искусствѣ рисованія той высшей красоты, образцы которой давала Греція, правда, въ теченіе очень недолгаго времени.

Такъ какъ истинный вкусъ, не будучи произвольнымъ, однако, чрезвычайно трудно улавливается, такъ какъ его природа можетъ быть легко ослаблена всевозможными привычками, онъ поэтому претерпѣлъ много переворотовъ. Живопись зависитъ отъ подражанія; архитектура сначала считалась только съ удобствами. Техника этихъ двухъ искусствъ совершенствовалась, но вкусъ разнообразился причудливыми приемами. Тонкость чувства, отъ котораго зависитъ его совершенство, несовмѣстима ни съ варварствомъ, ни съ изнѣженностью. Она зависитъ отъ мягкости нравовъ, отъ умѣренной роскоши, не заглушающей потребности въ знаніяхъ и являющейся достаточной, чтобы создать спросъ на пріятныя вещи и занять посредственныхъ художниковъ, между которыми формируются и блещутъ великіе таланты. Ни одно искусство не можетъ существовать, если не удастся побудить достаточное количество людей культивировать его, какъ простое ремесло.¹⁾ Излишняя роскошь,—когда тщеславіе побуждаетъ накапливать украшенія, разсматривая ихъ скорѣе, какъ знаки богатства, чѣмъ какъ произведенія искусства—притупляетъ вкусъ. Преслѣдуется не удовольствіе, доставляемое этими вещами чувствамъ и уму, удовлетворяются не личные потребности, но дѣлается то, чего требуетъ мода. Вѣрное средство судить плохо о вопросахъ всякаго рода—это не судить своими собственными глазами. Когда каждый имѣетъ свой собственный взглядъ на вещи, толпа является хорошимъ судьей, ибо ея мнѣніе слагается изъ отдѣльныхъ сужденій многихъ; но когда всѣ только слушаются, толпа судить плохо. Другой причиной дурного вкуса былъ часто прогрессъ механики и искусствъ. Во всемъ люди склонны принимать трудное за красивое. Искусство, добродѣтели, все заражено этими заблужденіями; отсюда ложныя добродѣтели многихъ философовъ.

¹⁾ Англичане въ теченіе долгаго времени не жалѣютъ денегъ на пріобрѣтеніе цѣнныхъ картинъ; и они еще не могли имѣть ни одного великаго національнаго художника. Итальянцы, французы, фламандцы, весьма немногіе нѣмцы и испанцы единственно успѣли въ этомъ искусствѣ. Причина заключается въ томъ, что англичане оплачиваютъ только хорошія картины. Изгнавъ церковную живопись, они лишились возможности предоставить средства существованія плохимъ и даже посредственнымъ художникамъ. И во всѣхъ ремеслахъ, гдѣ плохой рабочій не можетъ находить работы и гдѣ посредственный не приходитъ ему на помощь, великіе люди не могутъ нарождаться. Наши художники съ моста Notre-Dame, доставляющіе картины во всѣ деревенскія церкви, являются необходимымъ питомникомъ для образованія нѣкоторыхъ великихъ художниковъ. Начиная работать въ области какого-либо искусства, никто не увѣренъ въ успѣхѣ. Если же возможность существовать своимъ ремесломъ обусловлена достиженіемъ высшаго совершенства, родители не пошлютъ своихъ дѣтей изучать его. Вотъ почему у англичанъ чрезвычайно мало художниковъ. Почти всѣ голландскіе мастера писали только пейзажи, морскія или жанровыя картины, и я не думаю, чтобы можно было назвать хоть одного исторически болѣе или менѣ извѣстнаго художника, который не былъ бы католикомъ.

Лишь чрезвычайно долгое время спустя узнали, что даже добродѣтель у людей, такъ же какъ красота въ искусствахъ, зависитъ отъ извѣстныхъ отношеній между предметами и нашими органами. Умъ естественно любить улавливать эти отношенія, и искусства совершенствуются, когда они достигаютъ этого уровня. Усовершенствованная техника искусства становится заслугой рабочаго, старающагося показать свою ловкость, не думая о способѣ сдѣлать свои предметы привлекательными, о способѣ, который трудно опредѣлить, если онъ не улавливается своего рода инстинктомъ. Отсюда готическая архитектура, являющаяся не чѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ къ древнимъ образцамъ, т.-е. къ тому времени, когда люди получили это вдохновеніе.

Греція также утратила хорошій вкусъ,—обстоятельство, доказывающее, что вкусъ притупляется не только вслѣдствіе варварства; но эта утрата менѣе замѣчалась тамъ, ибо Греціи не приходилось очищать эту эпоху отъ остатковъ варварства, побуждавшаго Европу искать образцовъ въ болѣе счастливыхъ временахъ.

Живопись и скульптура, будучи наиболѣе трудными искусствами, должны были дойти до степени упадка, какъ только они лишились просвѣщеннаго покровительства государей. Ни спросъ церквей, ни роскошь частныхъ лицъ не могли ихъ поддержать, ибо частныя лица обѣднѣли, слабость же торговли всѣхъ частей Европы плохо отражалась на разборчивости въ предметахъ этихъ искусствъ. Вкусъ, образующійся въ силу частаго сравненія красивыхъ вещей, утрачивается, когда торговля народовъ не выставляетъ ихъ всюду на показъ. Уличный мазилка достаточенъ для тѣхъ, которые довольствуются лишь грубой роскошью. Сверхъ того, живопись искусство капризное, требующее генія, а политическій строй Европы, унижая все то, что не было дворянскаго происхожденія, превратилъ ее въ простое ремесло. Что касается Греціи, то она была слишкомъ разорена, слишкомъ опустошена, какъ вслѣдствіе непрочности трона, такъ и благодаря набѣгамъ сарациновъ и болгаръ, для того, чтобы успѣшно культивировать пріятныя искусства. Она, тѣмъ не менѣе, способствовала пробужденію Рима въ XIV вѣкѣ, благодаря энтузіазму, который она внушила къ древности.

Нѣкоторые виды изящныхъ искусствъ могли совершенствоваться только съ теченіемъ времени: примѣромъ можетъ служить перспектива, зависящая отъ оптики. Но мѣстный колоритъ, подражаніе природѣ, даже выраженіе страстей существуютъ во всѣ времена. Такимъ образомъ, тѣ великіе люди, которые во всѣ эпохи доводили искусство до извѣстнаго уровня, пріобрѣтали по отношенію къ послѣдующимъ вѣкамъ равное значеніе и поэтому, они, нѣкоторымъ образомъ, болѣе счастливы, чѣмъ философы, которые неминуемо становятся устарѣлыми и бесполезными вслѣдствіе успѣховъ своихъ преемниковъ.

Великіе люди въ области краснорѣчія и поэзіи также создаютъ себѣ безмертіе, пожалуй, еще болѣе продолжительное, ибо ихъ произведенія посредствомъ копій умножаются и умножаются. Ихъ успѣхи зависятъ отъ языковъ, отъ обстоятельствъ, отъ нравовъ и случая, способствующихъ развитію въ народѣ многихъ великихъ геніевъ.

Мы должны замѣтить, что, говоря о процвѣтаніи или упадкѣ краснорѣчія,

мы имѣемъ въ виду только краснорѣчіе, изучаемое какъ искусство, т.-е. только торжественныя рѣчи, ибо во все время, у всехъ народовъ страсти и дѣла порождали истинно краснорѣчивыхъ людей.

Исторіи, писавшіяся въ нѣдрахъ варварства, полны чертъ сильнаго и убѣдительнаго краснорѣчія. Кардиналъ де Рець былъ болѣе краснорѣчивъ въ парламентѣ, чѣмъ на кафедрѣ. Таковы также описываемые Тацитомъ Сегеста, Арминіусъ и Вибулинусъ.

Меня мало удивляетъ упадокъ краснорѣчія въ Греціи и Римѣ. Послѣ раздѣленія имперіи Александра, царства, образовавшіяся на ея развалинахъ, затмили собою все маленькія республики, гдѣ краснорѣчіе такъ ярко блистало. Александрія, Антиохія стали центромъ торговли и искусствъ. Аѣины были не болѣе какъ городъ, безъ вліянія въ Греціи, куда молодые люди посылались еще для изученія наукъ, но гдѣ талантъ не могъ рассчитывать на блестящую карьеру. Честолюбцы были при царскомъ дворѣ, гдѣ въ ходу интрига, а не краснорѣчіе. Движенія на аѣинской площади не колебали болѣе всю Грецію.

Когда читаешь рѣчи Демосѣена, убѣждаешься, что въ этомъ униженномъ и выродившемся городѣ—Аѣинахъ—не было почти никого, кто могъ бы высказаться. Искусные учителя, нѣкоторые таланты, нѣкоторый предполагаемый у нихъ вкусъ не могли, такимъ образомъ, сохранить тамъ истинное краснорѣчіе.

Они приучали молодыхъ людей, какъ это еще практикуется въ нашихъ гимназіяхъ, дѣлать амплификаціи на всякаго рода темы. Ничто не способно давать болѣе ложное направленіе уму и даже извратить характеръ; благородное сердце не согрѣвается холодомъ. Краснорѣчіе—искусство серьезное, за которое не всякій можетъ взяться. Никогда гениальный человѣкъ, изъ желанія похвастать своимъ краснорѣчіемъ, не тратилъ свое время безцѣльно на то, чтобы поносить Тарквинія или Суллу, или чтобы убѣждать Александра жить мирно. И потому мы видимъ, что послѣ паденія республики тамъ были только фразеры, а отнюдь не ораторы.

Въ Римѣ, гдѣ тѣ же причины обусловили тѣ же слѣдствія, нѣкоторые императоры, страстно увлекавшіеся краснорѣчіемъ и не брезгавшіе заниматься составленіемъ нѣкоторыхъ рѣчей, не породили Цицероновъ, ибо они не могли воссоздать обстоятельствъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни. Когда не о чемъ говорить, невозможно быть краснорѣчивымъ. Нужно имѣть кого возбуждать или кого убѣждать.

Наши судебныя установленія не являются или являются очень рѣдко атмосферой, благоприятной подъему краснорѣчія. Цицеронъ, обвиняя или защищая гражданина передъ народнымъ собраніемъ или римскимъ сенатомъ, облеченными законодательной властью, могъ предаваться своему гению. Но когда дѣло идетъ объ изслѣдованіи на судѣ вопроса о законной принадлежности даннаго наслѣдства Петру или Якову, то нужно только обладать довольно простымъ дидактическимъ тономъ, нужно только доказывать. А всякая рѣчь, которая только доказываетъ, не можетъ правиться тѣмъ, которые не интересуются предметомъ.

Какъ только политика перестала быть вдохновительницей ораторовъ, древніе не знали, къ чему примѣнить краснорѣчіе. Они не имѣли того ресурса, который мы находимъ во многихъ философскихъ и моральныхъ проблемахъ, породившихъ у

насъ родъ краснорѣчія, называемаго академическимъ, которое, для достиженія доступнаго ему успѣха, требуетъ также, чтобы культивирующіе его никогда не дѣлали амплификацій.

Каѳедра, подыняшая краснорѣчіе на самую высшую ступень, стала извѣстна только новѣйшимъ народамъ. Величіе Бога, величественный мракъ, окутывающій таинства, великолѣпіе религій, сильный интересъ къ будущей жизни открыли широкое поле для возвышеннаго и патетическаго таланта Боссюэ и Сорена. Величіе предмета породило даже другой видъ цвѣтистаго краснорѣчія, которое употребляли Флешье и Массильонъ, безспорно болѣе краснорѣчивые, чѣмъ Лисія и Исократъ, но не достигавшіе, однако, тѣхъ вершинъ, куда взбирался геній Боссюэ.

Можно удивляться тому, что древніе отцы церкви также не воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы возродить краснорѣчіе среди грековъ и римлянъ. Правда, у нѣкоторыхъ и, въ особенности, у грековъ мы находимъ поразительныя черты этого краснорѣчія.

Сальвіанъ, бесѣдуя съ жителями Триръ, которые, послѣ революціи въ ихъ городѣ, требовали театральныхъ зрѣлищъ, не на много уступаетъ Демосѳену, дѣлающему аналогичный упрекъ аѳинянамъ, по поводу ихъ любви къ празднествамъ. Но вообще эти черты у отцовъ церкви были обусловлены силою сюжета. Форма проповѣди, которую они придавали своимъ рѣчамъ, отдаетъ всегда чѣмъ-то дидактическимъ, болѣе способнымъ поучать, чѣмъ возбуждать. Часто любовь къ простотѣ заставляла ихъ пренебрегать благородствомъ образовъ и другими украшеніями рѣчи. Св. Августинъ часто какъ-будто старается быть краснорѣчивымъ. Иногда это ему удается; но его красоты поглощаются потокомъ легкомысленныхъ остротъ и оборотовъ, подказанныхъ ему дурнымъ вкусомъ его вѣка и его собственнымъ вкусомъ риторика-профессіонала.

То, что называется напыщенностью, является, такъ сказать, возвышеннымъ притворствомъ. Истинное краснорѣчіе употребляетъ наиболѣе сильные и наиболѣе живые образы; но нужно, чтобы они явились продуктомъ дѣйствительнаго воодушевленія.

Не будучи возбужденнымъ, нельзя возбуждать. Восторженный языкъ слагается изъ обыкновеннаго языка и изъ языка всѣхъ страстей и производитъ впечатлѣніе пустой болтовни, когда-онъ является только подражаніемъ, такъ какъ послѣднее всегда несовершенно. Правильно пущенная стрѣла попадаетъ въ цѣль; если прицѣль взять выше, она падаетъ назадъ—таковы естественное и переувеличенное воссозданіе образа.

Смѣшеніе языковъ приводитъ ихъ въ состояніе непрерывнаго движенія до того, что ихъ сходство опредѣляется; и даже тогда они измѣняются, смягчаются, покуда великіе писатели не становятся образцами для сужденія объ ихъ чистотѣ. До этого взаимодѣйствія языки не могутъ быть закрѣплены. Ясно, что, когда два языка, имѣющіе различную конструкцію, начинаютъ смѣшиваться, должно пройти извѣстное время, пока создается совершенное однообразіе. Сверхъ того, образованные люди хотятъ удержать старый языкъ и говорятъ на немъ плохо, такъ какъ изучаютъ его только по книгамъ; народъ, не имѣя теоретической подготовки, говоритъ на грубомъ діалектѣ, лишенномъ правилъ и гармоніи; ни на одномъ, ни на дру-

гомъ нѣтъ поэзіи; или если и пишутъ кой-какіе стихи, то, такъ какъ авторы люди грубые, эти стихи варварскіе. Нужно замѣтить, что у народовъ, опередившихъ другіе въ искусствахъ и въ нѣкоторомъ научномъ прогрессѣ, простой народъ болѣе невѣжествененъ, чѣмъ видные представители даже варварской еще націи. Кромѣ того механическія искусства и порабощеніе народа притупляютъ умы. Первичныя идеи людей имѣютъ нѣкоторую аналогію съ воображеніемъ и чувствами, аналогію, которая утрачивается, благодаря отвлеченнымъ идеямъ, а также благодаря успѣхамъ философіи. Можно, конечно, вновь согласовать эти новыя идеи съ воображеніемъ, но для этого нуженъ новый прогрессъ.

Даровитые поэты начинаютъ появляться, вкусъ и изящество стиля вырабатываются лишь тогда, когда языки пріобрѣтаютъ извѣстное богатство и, въ особенности, когда ихъ аналогія становится прочной. Почти всѣ языки являются смѣсью нѣсколькихъ языковъ. Покуда они смѣшиваются, языкъ, образующійся въ результатѣ, заимствуетъ кое-что изъ одного и нѣчто изъ другого. Въ этотъ моментъ броженія, спряженія, склоненія и способъ словообразованія неустойчивы. Построенія фразъ затрудняются, и мысли затемняются вслѣдствіе этого затрудненія. Сверхъ того, безформенные жаргоны часто измѣняются. Поэтическія выраженія выходятъ изъ употребленія вскорѣ послѣ того, какъ они были изобрѣтены, такъ что поэтическій языкъ не можетъ обогащаться. Коль скоро языкъ сформированъ, онъ начинаетъ имѣть поэтовъ; но онъ закрѣпляется только тогда, когда на немъ было написано нѣсколько сочиненій великихъ талантовъ, ибо только тогда существуетъ критерій для сужденія объ его чистотѣ. Для языковъ, можетъ-быть, гибельно слишкомъ рано закрѣпляться, такъ какъ, измѣняясь, они постоянно смягчаются и совершенствуются.

Единственный принципъ измѣненія въ языкахъ, не смѣшивающихся съ другими—это введеніе метафоръ, которыя становятся обычными и заставляютъ забывать ихъ метафорическій смыслъ, если онѣ часто и въ теченіе долгаго времени употребляются писателями. Извѣстно, что большая часть словъ, выражающихъ предметы, воспринимаемые нашими чувствами не непосредственно, суть истинныя метафоры, взятая отъ чувственныхъ вещей: на примѣръ, мыслить, разсуждать, раскаяніе и т. д. Между тѣмъ эти слова, произносимыя теперь въ нашемъ присутствіи, не вызываютъ болѣе въ нашемъ умѣ образовъ. Они намъ кажутся только непосредственными знаками нѣкоторыхъ нашихъ отвлеченныхъ идей. Многія утратили всѣ отношенія, которыя они вначалѣ имѣли съ чувственными предметами.

Не подлежитъ сомнѣнію, что слышавшіе изъ устъ изобрѣтателя подобное выраженіе неизбежно понимали его метафору. Ихъ умъ, привыкшій связывать его съ идеями о чувственныхъ предметахъ, долженъ былъ сдѣлать нѣкоторое усиліе, чтобы придать ему новое значеніе. Но въ силу того, что оно многократно повторялось въ новомъ смыслѣ, который ему начали придавать, этотъ смыслъ сталъ нѣкоторымъ образомъ его собственнымъ: чтобы понимать выраженіе въ его новомъ значеніи не было болѣе надобности вспоминать старое. Для его пониманія единственно необходимымъ являлось упражненіе памяти; люди со слабымъ воображеніемъ, которые всегда наиболѣе многочисленны, видѣли въ немъ только знакъ чисто отвлеченной идеи и въ этомъ смыслѣ передавали его своему потомству.

Это могло бы, пожалуй, внушить опасенія, что всё эти красивыя выраженія, которыми мы восхищаемся у нашихъ поэтовъ, теряютъ, такимъ образомъ, свое украшеніе, и что цвѣты, собранныя геніальными людьми, вынужденны переходить черезъ столько грубыхъ рукъ, завянуть. — Тогда тѣ, которые родились бы съ равными талантами, были бы вынуждены, для сообщенія своимъ идеямъ одинаковой энергіи, изобрѣтать новые обороты, новыя выраженія, которыя скоро подверглись бы той же участи; и, въ теченіе этихъ переворотовъ, языкъ Корнелия и Расина устарѣлъ бы, въ немъ не находили бы болѣе прелестей ихъ поэзіи.

Вопреки этому разсужденію, я думаю, что примѣръ греческаго языка долженъ насъ успокоить. На протяженіи болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, начиная отъ Гомера до паденія Восточной имперіи, онъ лишь незамѣтно измѣнился. Красоты Гомера и Демосфена были всегда понятны: нѣкоторыя латинскія слова, вкравшіяся въ греческій языкъ, не исказили его въ основѣ. Правда, критики почти различаютъ вѣкъ, когда произведенія писались; но это различіе едва ли не устанавливается только по немногимъ иностраннымъ словамъ и часто даже по природѣ описываемыхъ вещей или по намекамъ, которые авторы дѣлаютъ на различныя событія.

Я сказалъ бы тоже про латынь, вопреки стольъ обычному предразсудку, что она была искалѣчена, вслѣдствіе смѣшенія языка римлянъ съ языками побѣжденныхъ. Но это настолькоъ мало вѣроятно, что у латинскихъ авторовъ, писавшихъ въ эпоху существованія имперіи, едва можно указать нѣсколько оборотовъ, или нѣсколько словъ, позаимствованныхъ изъ варварскихъ языковъ; сверхъ того, почти всё эти слова суть техническіе термины искусствъ, или названія почетныхъ должностей, или наименованія новаго оружія, никогда не составляющія основу языка. Случается слишкомъ часто, что геній языка смѣшиваютъ со вкусомъ людей, говорящихъ на немъ.

Вкусъ Клавдіана былъ безъ сомнѣнія весьма отличенъ отъ вкуса Виргилія, но языкъ обоихъ былъ одинъ и тотъ-же.

Намъ говорятъ, что послѣ вѣка Льва X рыцарь Маренъ замѣнилъ прелести итальянскаго языка ребяческой напыщенностью. Правда, это является характерной чертой его произведеній; но совершенно невѣрно, что онъ сообщилъ этотъ характеръ своему языку; и я увѣренъ, что Метастазіо, Маффей и столько другихъ, вводившихъ въ Италію хорошіи вкусъ и любовь къ простотѣ, не встрѣчали никакого препятствія въ геніи ихъ языка.

Вообще различіе въ стилѣ между авторами, удаленными другъ отъ друга на много вѣковъ, не болѣе доказываетъ существованіе различія въ ихъ языкѣ, чѣмъ несходство, которое наблюдается между авторами-современниками и которое часто столь же велико. Не различіе въ словахъ и въ оборотахъ рѣчи, а разница въ дарованіи низводитъ столь низко писателей вѣковъ упадка.

Разсужденіе, вызывающее эти размысленія, имѣетъ силу только при переходѣ отъ словъ одного языка къ другому и въ различныхъ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ незакрѣпленнымъ еще языкомъ.

Именно тогда выраженія, переходящія изъ устъ въ уста, имѣютъ для перенимающихъ только тотъ смыслъ, какой имъ придается передающими, при чемъ ихъ оригинальный и собственный смыслъ не сохраняется. Но не такъ обстоитъ дѣло, когда языкъ закрѣпленъ. Книги, закрѣпившія его, всегда существуютъ, и собственное

значеніе слова, оставаясь неизмѣннымъ, обусловливаетъ то, что метафора никогда не лишается ея истиннаго смысла. Тогда языкъ представляетъ собою не просто народныя идеи, переходящія отъ одного поколѣнія къ другому; произведенія даровитыхъ авторовъ являются сокровищницами, гдѣ онъ всегда сохраняется и изъ которыхъ всё поколѣнія будутъ черпать.

Языки могутъ быть закрѣплены въ ихъ аналогіи и имѣть великихъ писателей задолго до того, какъ они обогатились; ибо только смѣшеніе языковъ мѣшаетъ имъ пріобрѣтать устойчивость, а талантливые писатели ограждаютъ языки отъ вліянія этого смѣшенія, какъ это случилось въ Греціи по отношенію къ латыни и восточнымъ языкамъ. Эпоха же окончательнаго образованія языковъ, болѣе или менѣе близкихъ къ своему совершенству, имѣетъ большое вліяніе на геній націй въ области поэзіи и краснорѣчія. Всѣ народы, языки которыхъ бѣдны: древніе германцы, ирокезы, евреи (доказательство, что это не зависитъ отъ климата) выражаются метафорами. За отсутствіемъ опредѣленнаго означенія какой-либо идеи, пользовались именемъ ближайшей идеи, дабы дать возможность угадать суть рѣчи. Воображеніе работало надъ изысканіемъ сходствъ между предметами, имѣя путеводной нитью болѣе или менѣе точную аналогію. Въ наиболѣе просвѣщенныхъ языкахъ мы вновь находимъ слѣды этихъ грубыхъ метафоръ, которыя ввела необходимость, болѣе изобрѣтательная, чѣмъ разборчивая. Когда умъ привыкаетъ къ новой идеѣ, слово теряетъ свой метафорическій смыслъ. Я не сомнѣваюсь, что въ восточныхъ языкахъ, мы нашли бы очень мало такихъ метафоръ, которыя при употребленіи принимались бы во вниманіе. Нужно признать, что древніе языки допускаютъ болѣе смѣлыя метафоры, т.-е. такія, аналогія которыхъ менѣе совершенна, что вначалѣ вызывается необходимостью, а потомъ—привычкой. Сверхъ того, метафоры, посѣянные на меньшемъ полѣ, насъ болѣе поражаютъ. Мы обладаемъ такимъ же живымъ воображеніемъ, какъ и восточные народы, по крайней мѣрѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что греки и римляне обладали имъ въ той же степени, какъ и древніе сѣверные народы; но такъ какъ умъ грековъ, римлянъ и нашъ былъ наполненъ массой отвлеченныхъ идей, языки грековъ, римлянъ и нашъ должны были быть менѣе загромождены образами.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что они также болѣе способны выразить съ болѣею точностью гораздо большее количество истинъ. Если языкъ, слишкомъ рано закрѣпленный, можетъ замедлять прогрессъ народа, говорящаго на немъ, то нація, получившая слишкомъ быструю устойчивость, можетъ, въ силу аналогичной причины, быть какъ бы остановлена въ научномъ прогрессѣ. Китайцы были слишкомъ рано закрѣплены въ своей цивилизаціи. Они уподобились тѣмъ деревьямъ, у которыхъ срѣзали стволъ, и вѣтви которыхъ вырастаютъ близко къ землѣ. Они никогда не выходятъ изъ состоянія посредственности. У нихъ внушали столько уваженія къ едва намѣченнымъ наукамъ и съ такой почтительностью относились къ предкамъ, сдѣлавшимъ эти первые шаги, что онѣ признаются совершенными, не нуждающимися ни въ какихъ добавленіяхъ и заботятся только о сохраненіи этихъ прекрасныхъ знаній. Но ограничиваться сохраненіемъ наукъ въ томъ состояніи, въ которомъ онѣ находятся въ данный моментъ,—значитъ рѣшиться увѣковѣчить всё, заключающіяся въ нихъ, заблужденія.

Многочисленныя испытанія молодыхъ ученыхъ, въ которыхъ китайская полиція благоволила участвовать, неминуемо давливаютъ ихъ умъ матеріалами, составляющими предметъ этихъ экзаменовъ. Ничему не обучаютъ, ничего не изобрѣтаютъ. Чтобы дерзнуть при такихъ обстоятельствахъ начертать пути генію, нужно было бы знать его ходъ, и именно этого они вполне достигнуть не могутъ; ибо они знаютъ только то, что открыто, а не то, что остается открывать. Покровительство, оказанное наукамъ въ восточныхъ царствахъ, способствовало ихъ гибели; оно же, загромождая ихъ обрядами и превращая ихъ въ догмы, ограничило ихъ прогрессъ и даже обусловило ихъ понятное движеніе.

Греція такъ превзошла восточные народы въ наукахъ, заимствованныхъ ею у нихъ, только потому, что она не была подчинена единоличной деспотической власти. Если бы она, подобно Египту, составляла единое государственное тѣло, то весьма возможно, что такой человѣкъ, какъ Ликургъ, желая покровительствовать наукамъ, стремился бы регулировать изученіе ихъ полицейскими правилами. Сектантскій духъ, вполне естественный у первыхъ философовъ, сталъ бы духомъ націи. И когда законодатель оказался бы ученикомъ Пифагора, то науки въ Греціи ограничивались бы изученіемъ основоположеній этого философа, которыя возводились бы въ догматы вѣры. Онъ былъ бы для Греціи тѣмъ, чѣмъ былъ знаменитый Конфуцій для Китая. Въ счастіи, положеніе, въ которомъ находилась Греція, раздѣленная на множество маленькихъ республикъ, предоставило генію всю свободу, все сотрудничество усилій, въ которыхъ онъ нуждается. Взгляды людей всегда болѣе узки, чѣмъ предначертанія природы. Болѣе достойно быть руководимымъ послѣдними, чѣмъ несовершенными законами. Если науки сдѣлали столь великіе успѣхи въ Италіи и, въ силу этого, во всей остальной Европѣ, то онѣ ими безспорно обязаны тому положенію, въ которомъ находилась Италія въ XIV вѣкѣ, положенію, вполне подобному такому древней Греціи.

Науки у азіатскихъ народовъ разсматривались всегда въ мистическомъ духѣ; а тамъ, гдѣ науки являются таинствами, рѣдко, чтобы онѣ не вырождались въ суевѣрія. Геній отнюдь не пребываетъ необходимо въ извѣстныхъ семействахъ или въ извѣстныхъ мѣстахъ, и сосредоточить въ нихъ науки—значить устранить отъ научныхъ занятій почти всѣхъ тѣхъ, которые способны ихъ совершенствовать. Сверхъ того, очень трудно, чтобы люди, большая часть которыхъ посредственности, получивъ истину или науки какъ наслѣдство, не разсматривали ихъ какъ землю, какъ капиталъ, которые должны имъ приносить ренту или проценты. Онѣ становятся въ ихъ рукахъ предметомъ позорнаго торга и подлой монополіи, своего рода товаромъ, который они оскверняютъ еще нелѣпой примѣсью наиболѣе вздорныхъ воззрѣній. Такова была судьба древнихъ открытій, сдѣланныхъ на Востокѣ и превращенныхъ въ сокровищницу, охранять которую считали себя единственно призванными жрецы. Они искажались, превращаясь въ уродливое собраніе басенъ, откровеній магіи и наиболѣе сумасбродныхъ суевѣрій. Всѣ эти нелѣпости, введенныя при наслѣдникахъ Александра въ древнюю философію грековъ, способствовали образованію новаго пифагоризма Ямвлиха, Плотина и Порфирія.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что ранняя зрѣлость въ наукахъ или въ языкахъ не является преимуществомъ, достойнымъ зависти. Европа, болѣе запоздав-

шая, дала болѣе питательные и болѣе обильные плоды. Орудіемъ, которое греческій, латинскій и наши новые языки ей доставили и доставляютъ намъ, гораздо труднѣе обращаться. Но оно можетъ употребляться гораздо чаще и примѣняться въ болѣе многочисленныхъ работахъ. Множество отвлеченныхъ идей, выражаемыхъ нашими языками и входящихъ въ наши аналогіи, требуютъ для своего приложенія большого искусства: это неудобство усовершенствованныхъ языковъ. Есть много словъ, которыя совершенно не вызываютъ въ умѣ образовъ. Такъ что для того, чтобы создавать художественныя картины на этихъ языкахъ, ставшихъ столь приспособленными для опредѣленій и доказательствъ, нужно больше искусства и таланта. Но для великихъ геніевъ эта самая трудность, упражняющая ихъ талантъ и заставляющая ихъ развернуть свои силы, приводитъ ихъ къ успѣху, котораго невозможно было достигнуть при младенчествѣ языковъ и націй. Первые художники въ Греціи употребляли только три краски; ихъ картины были не лишены выразительности. Но Рафаэль рисовалъ не хуже ихъ, и Гвидо, Тиціанъ, Рубенсъ съ множествомъ красокъ, которыми они покрывали свою палитру, дошли до такого истиннаго изображенія природы, о которомъ древніе не могли имѣть представленія. Точно также греческій и латинскій языки, давая звучныя окончанія къ древнимъ и твердымъ корнямъ азіатскихъ языковъ, и наши современные языки, преобразовывая такимъ образомъ языки сѣверныхъ народовъ, — облегчили достиженіе гармоніи, умноженіе аналогіи, породили удачныя обороты, сообщившіе стилю плавность и разнообразіе.

Это и обусловило красоты, въ особенности, греческой и латинской поэзіи, которая могла, благодаря особенному построению ихъ аналогіи, сохранять перестановку словъ и пользоваться количествомъ слоговъ для образованія ихъ ритма, между тѣмъ, какъ всѣ другія націи, для того, чтобы сдѣлать замѣтнымъ размѣръ, вынуждены были прибѣгать къ римѣ. Поэзія, разъ доведенная въ этихъ языкахъ до своего совершенства, стала истинной живописью, хотя съ перваго взгляда можно было бы полагать, что метафорическіе языки Востока изображали съ большимъ блескомъ и съ большой силой. Отнюдь нѣтъ. Эти языки рисовали легко, но грубо и скверно, неправильно и безвкусно.

* * *

Науки, занимающіяся сочетаніемъ или изученіемъ предметовъ, безконечны какъ сама природа. Искусства, являющіяся только отношеніями внѣшняго міра къ намъ самимъ, ограничены какъ и мы; вообще, всѣ тѣ искусства, которыя имѣютъ цѣлью доставить чувственное наслажденіе, встрѣчаютъ на своемъ пути непреходимый для нихъ предѣлъ, обусловленный ограниченной чувствительностью нашихъ органовъ; предѣлъ, котораго они долго не могутъ достигнуть. Напримѣръ, лишь въ послѣднее время музыка достигла своего совершенства и, можетъ-быть даже, что она его не вполне еще достигла. Впрочемъ, излишне писать противъ тѣхъ, которые стремятся идти гораздо дальше: коль скоро они переходятъ границы, наши чувства должны насъ объ этомъ извѣстить. Такимъ образомъ, поскольку поэзія даетъ гармоничные образы, полные граціи, она не пойдетъ дальше *Виргилія*. Но, будучи совершенной въ этомъ отношеніи и въ отношеніи стиля, она способна непрерывно прогрес-

сировать во многих других отношеніяхъ. Страсти не будутъ лучше изображаться, но сочетаніе обстоятельствъ дастъ новые эффекты ихъ движеній. Искусство сочетать и использовать всё обстоятельства, правдоподобное возсозданіе дѣйствительности, подборъ характеровъ, все то, что относится къ составленію произведеній, сможетъ совершенствоваться. Благодаря опыту будетъ приобрѣтаться все большая искусство. Масса тонкихъ размышленій научить, какими приѣмами нужно пользоваться, чтобы произведенія нравились. Можно будетъ образоватъ красивыя гирлянды тѣхъ цвѣтовъ, которые природа давала всёмъ древнимъ, да и намъ въ нихъ не отказала. Наконецъ, подражаніе, поддерживаемое великими образцами, даже недостатки послѣднихъ часто предохраняютъ отъ ошибокъ, которыя иногда уродуютъ прекраснѣйшія сочиненія. Успѣхи философіи, преуспѣянія всёхъ физическихъ знаній и исторія, выдвигающія на міровой аренѣ ежеминутно новыя событія, доставятъ писателямъ новые сюжеты, являющіеся пищей для генія.

Есть другой принципъ измѣненія вкуса: нравы могущественно вліяютъ на выборъ идей, и поэтому кажется, что народы, у которыхъ общество наиболѣе процвѣтало, должны были имѣть болѣе тонкій вкусъ. Вкусъ заключается въ умѣніи полно выразить привлекательныя или сильныя идеи. Все то, что не является ни фактомъ, ни чувствомъ, ни образомъ, увядаетъ. Отсюда отчасти неудобство передовыхъ языковъ, богатыхъ отвлеченными идеями; гораздо легче, если можно такъ выразиться, на нихъ болтать, чѣмъ изображать. Размышленіе устраняетъ этотъ недостатокъ, ибо, что бы ни говорили наши педанты, люди стали гораздо проще въ нашъ вѣкъ. Вуатюръ теперь въ пренебреженіи. Между нашимъ прогрессомъ и преуспѣяніемъ древнихъ существуетъ странное на первый взглядъ различіе. У нихъ первые поэты были слишкомъ грубы, у насъ они слишкомъ тонки; это объясняется тѣмъ, что ихъ вкусъ образовался одновременно съ ихъ идеями, мы же имѣли идеи, прежде чѣмъ выработали свой вкусъ.

Вообще, вкусъ можетъ быть дурнымъ либо вслѣдствіе выбора пустыхъ, низкихъ и противныхъ идей, которыхъ богатые народы, по мѣрѣ того, какъ общество у нихъ болѣе просвѣщается, научаются избѣгать; либо также благодаря слишкомъ малопонятнымъ образамъ. Выражаюсь яснѣе: удовольствіе, доставляемое намъ сравненіями, распадается на два элемента; одинъ—это разсудочное удовольствіе, испытываемое нами, при сопоставленіи двухъ идей; другой и безспорно наибольшій—это удовольствіе, обусловливаемое самой пріятностью представляющихся нашему уму образовъ. Всё изображенія вещей, говорящія воображенію и сердцу, нравящіяся чувствамъ, украшаютъ стиль и распространяютъ ту прелесть, которой природа надѣлила окружающія насъ существа и которая является источникомъ нашего счастья; она же и возбуждаетъ нашу чуткую душу. Но математическія изображенія фигуръ, хотя существующихъ въ природѣ, но не представляющихъ живую природу, единственно связанную съ нами узами удовольствія, — эти образы приносятъ съ собой одну только сухость. Отношенія могутъ быть одинаково справедливы, но они гораздо труднѣе улавливаются и ничего не говорятъ сердцу. Это одно изъ большихъ различій между умомъ и талантомъ. Послѣдній, основанный на чувствительности, умѣетъ выбирать образы, способные сообщить душѣ то пріятное волненіе, которое получается при созерцаніи красотъ природы. Вотъ почему столько новыхъ сочетаній

матеріи, которыя наши новѣйшія открытія показали намъ, такъ мало обогатили нашу поэзію. Это потому, что всѣ эти представленія, хотя являются чувственными, нисколько не привлекательны для нашихъ чувствъ, по крайней мѣрѣ, очень немногія изъ нихъ обладаютъ этимъ преимуществомъ; слѣдовательно, сообщеніе стилю большаго смысла и холода есть слѣдствіе прогресса философіи. Нужно также избѣгать доводить даже наиболѣе плѣнительныя представленія о природѣ до анатомической детализаціи; они тогда теряютъ свою пріятность, и только такимъ образомъ смыслъ, вложенный въ нихъ, можетъ отталкивать. Я полагаю, что сложившійся языкъ народа, закрѣпленный великими писателями, болѣе не измѣняется. Такъ, я думаю, что упадокъ литературы въ Италіи и Греціи имѣлъ мѣсто лишь значительно позже, чѣмъ это принято думать, и что тогда поэзія дошла до той же степени упадка, что и всякія другія знанія, упадка, обусловленнаго порчей нравовъ имперіи. Относительно краснорѣчія я въ другомъ мѣстѣ указалъ причину.

Древніе, въ виду ихъ почтеннаго возраста, находятся подъ покровительствомъ педантизма. Извѣстно, насколько тщеславіе показать свою эрудицію было вредно для вкуса во всѣ времена.

Стремиться сохранить восхищеніе къ великимъ образцамъ, путемъ установленія вкуса, исключаяющаго новыя жанры—значитъ поступать какъ турки, которые полагаютъ, что для сохраненія добродѣтели женъ необходимо держать ихъ взаперти. Что толку всегда восхищаться, ничего не создавая? Подобный педантизмъ погубилъ греческую литературу при господствѣ римлянъ.

Есть умы, которые природа надѣлила памятью, способной впитать массу знаній, и точнымъ разсудкомъ, умѣющимъ ихъ сравнивать и располагать такъ, что они могутъ быть представлены во всемъ ихъ объемѣ; но въ то же время она имъ отказала въ смѣлости генія, который изобрѣтаетъ и открываетъ себѣ новыя поприща. Предназначенные соединять открытія другихъ, съ точки зрѣнія, наиболѣе способной ихъ освѣтить и совершенствовать, они, если не являются самоцвѣтными камнями, то какъ алмазы блестяще отражаютъ заимствованный свѣтъ, но въ глубокой темнотѣ остались бы смѣшанными съ наиболѣе простыми камнями. Эти умы должны явиться послѣдними.

Не нужно думать, что во времена ослабленія и упадка, и даже въ эпохи варварства и мрака, слѣдующія иногда за наиболѣе блестящими вѣками, человѣческій разумъ не дѣлаетъ никакихъ успѣховъ. Механическія искусства, торговля, гражданская жизнь порождаютъ массу размышленій, распространяющихся среди людей, смѣшивающихся съ образованіемъ и количественно увеличивающихся изъ поколѣнія въ поколѣніе. Они медленно, но вѣрно, готовятъ болѣе счастливыя времена, подобно тѣмъ рѣкамъ, которыя на своемъ пути мѣстами скрываются подъ землею, но черезъ нѣкоторое разстояніе вновь показываются, увеличенныя широкимъ притокомъ водъ, просачивающихся сквозь всѣ поры почвы, которую невидимо пересѣкаетъ теченіе, обусловленное естественной покатостью.

Механическія искусства никогда не переживали такого упадка, какъ изящная словесность и умозрительныя науки. Искусство, разъ изобрѣтенное, становится предметомъ торговли, обезпечивающей ему самостоятельное существованіе. Не приходится опасаться, что искусство изготовлять бархатъ будетъ забыто, покуда най-

дуются покупатели на этот товар. Механическія искусства, такимъ образомъ, существуютъ и при упадкѣ литературы и вкуса, а если существуютъ, то, слѣдовательно, совершенствуются. Какое бы то ни было искусство не можетъ культивироваться въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ безъ того, чтобы не пройти черезъ руки нѣкоторыхъ изобрѣтательныхъ умовъ. Поэтому-то мы видимъ, что, не взирая на невѣжество, царившее въ Европѣ и въ греческой имперіи, начиная съ пятаго вѣка, искусства обогатились тысячами новыхъ открытій, причемъ ни одно болѣе или менѣе важное изъ нихъ не было забыто.

Мореходное искусство и торговля совершенствовались. Этимъ вѣкамъ мы обязаны введеніемъ въ повседневное употребленіе векселей и наукой веденія торговыхъ книгъ, являющейся наиболѣе совершеннымъ способомъ счетоводства. Тогда же были изобрѣтены хлопчатая бумага въ Константинополѣ, тряпичная на Западѣ, оконное стекло, большія зеркальныя стекла; стало извѣстно искусство изготовлять изъ нихъ зеркала, зрительныя стекла; были изобрѣтены также компасъ, порохъ, вѣтряныя и водяныя мельницы, часы и масса другихъ искусствъ, неизвѣстныхъ въ древности.

Архитектура намъ даетъ примѣръ взаимной независимости вкуса и механическихъ пріемовъ въ искусствахъ. Нѣтъ зданій, построенныхъ съ болѣе дурнымъ вкусомъ, чѣмъ готическія постройки; и въ то же время нѣтъ сооруженій болѣе смѣлыхъ, ни такихъ, способы выполненія которыхъ требовали бы большей активности и больше практическихъ знаній. Эти способы могли быть только результатомъ многочисленныхъ опытовъ, ибо математическія науки были тогда въ состояніи младенчества и давленія сводовъ и кровлей не могли быть съ точностью вычислены.

Нужно было, чтобы эти искусства разрабатывались и совершенствовались, дабы истинная физика и высшая философія могли зародиться. Они дали возможность производить точные и доказательные опыты. Безъ изобрѣтенія зрительныхъ трубъ никогда невозможно было бы вычислить причины движеній планетъ. Точно такъ же, какъ безъ изобрѣтенія всасывающихъ насосовъ нельзя было бы никогда открыть вѣсъ воздуха.

Будемъ же остерегаться смѣшивать успѣхъ въ области механическихъ искусствъ со вкусомъ въ искусствахъ и даже съ умозрительными науками.

Вкусъ въ искусствахъ можетъ быть утерянъ въ силу множества чисто моральныхъ причинъ. Духъ вялости и изнѣженности, распространяющійся среди народа, цеданство, презрѣніе къ литераторамъ, причудливость вкуса государей, тиранія и анархія—могутъ его извратить.

Не такъ обстоитъ дѣло въ области умозрительныхъ наукъ. Покуда существуетъ языкъ, на которомъ книги написаны, и покуда остается нѣкоторое количество ученыхъ, все то, что стало достояніемъ націи, не будетъ забыто. Правда, тогда науки не совершенствуются, ибо ихъ изучаютъ лишь немногіе, и, слѣдовательно, гений можетъ быть только рѣдкимъ явленіемъ, но онѣ, тѣмъ не менѣе, не всецѣло забываются ¹⁾. Поэтому греческіе риторы, перешедшіе въ Италію послѣ взятія

¹⁾ Революціи, обуславливающія упадокъ краснорѣчія и вкуса въ изящныхъ искусствахъ, но оставляющія, однако, память и нѣкоторые слѣды наукъ, подобны пожарамъ, опустошающимъ иногда лѣса. Видны еще нѣкоторые безформенные стволы, стоящіе во весь ростъ, но лишеныя вѣтвей и листьевъ безъ цвѣтовъ и безъ убранства.

Константинополя, знали все то, что было извѣстно въ древней Греціи. Имъ недо-
ставали только вкусъ и критическій духъ, Они были только учеными.

Нашествіе варваровъ на Западъ было болѣе гибельно. Разрушая латинскій
языкъ, они привели къ тому, что книги, написанныя на этомъ языкѣ, стали не-
понятны. Мы бы ихъ не имѣли, если бы нѣкоторые изъ нихъ не сохранили монахи.

Искусства существовали, не взирая на это общее бѣдствіе. Чтобы ихъ сокру-
шить, нужны еще болѣе жестокіе удары. Только турки стремительностью своихъ за-
воёваній могли обратить ихъ вспять. Это нужно менѣе приписывать ихъ религіи,
не помѣшавшей испанскимъ маврамъ быть чрезвычайно просвѣщенными для своего
времени, чѣмъ природѣ ихъ деспотизма, о которомъ мы выше говорили, и полной
обособленности націй, подчиненныхъ ихъ владычеству: обособленности, повлекшей
за собою въ государствѣ междоусобныя войны и породившей равновѣсіе угнетенія и
возмущенія. Воспитанные въ гаремахъ, въ очагѣ изнѣженности и власти, одновре-
менно невѣжественной и абсолютной, власти, способной выродиться только въ обык-
новенную жестокость, — турки не имѣли никакой промышленности и знали только
насиліе. Греки, подавленные наиболѣе тяжелымъ игомъ, были всегда запуганы. Изнѣженные турки и угнетенные греки, не увѣренные, одни какъ другіе, въ своемъ
положеніи, въ своемъ имуществѣ, въ своей жизни, не могли задумываться надъ
тѣмъ, чтобы сдѣлать болѣе пріятнымъ столь безпокойное и столь недолгое суще-
ствованіе. Поэтому мы у нихъ не встрѣчаемъ никакихъ искусствъ, исключая са-
мыхъ необходимыхъ, и то немногое, что сохранилось въ гаремѣ, свелось къ без-
вкусному механическому ремеслу.

Изобрѣтеніе книгопечатанія не только распространило знанія, заключавшіяся
въ старыхъ книгахъ, но также способствовало широкому ознакомленію съ новыми
искусствами и значительно благопріятствовало ихъ усовершенствованію. Раньше мно-
жество удивительныхъ практическихъ свѣдѣній, переходившихъ по традиціи отъ
одного рабочаго къ другому, не возбуждало любопытства философовъ. Когда же книго-
печатаніе облегчило сообщеніе знаній, начали ихъ описывать въ интересахъ рабо-
чихъ. Благодаря этому ученые узнали тысячи остроумныхъ, но неизвѣстныхъ имъ
дотолѣ пріемовъ, и для нихъ открылся неисчерпаемый источникъ новыхъ понятій,
полныхъ интереса для физики. Передъ ними точно открылся новый міръ, гдѣ все
возбуждало ихъ любознательность. Отсюда рождается склонность къ опытной физикѣ,
гдѣ безъ помощи механическихъ изобрѣтеній и процессовъ никогда нельзя было бы
разсчитывать на большіе успѣхи ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь прерывается Разсужденіе Тюрго. Авторъ больше не возвращался къ
этому наброску и оставилъ его неоконченнымъ. Переводъ сдѣланъ по изданію Гильомена
(Guillaumin), Paris, 1844.

v.

Д'Аламберъ

**Очеркъ происхожденія и
развитія наукъ.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее вступительное разсужденіе къ Энциклопедіи было принято столь благожелательно, что мнѣ остается только выразить свою признательность, не закрывая, однако, глазъ на его недостатки. Я уже указалъ и не прочь повторить, что Дидро является авторомъ Проспекта Энциклопедіи, которымъ заканчивается это разсужденіе и который составляетъ его существенную часть: ему же принадлежитъ наглядная таблица или система человѣческихъ знаній и объясненіе къ этой таблицѣ. Съ его согласія я приложилъ и то и другое къ моей работѣ, такъ какъ они дѣйствительно неразрывно съ ней связаны, а я самъ не могъ бы ихъ столь же хорошо сдѣлать.

Хотя успѣхъ этого произведенія былъ значительно выше его достоинствъ и моихъ ожиданій, я, тѣмъ не менѣе, имѣлъ счастье или, можетъ-быть, несчастье выслушать довольно мало критики. На нѣкоторыя сдѣланныя мнѣ замѣчанія чисто литературнаго характера я не считаю нужнымъ отвѣтить. Въ самомъ дѣлѣ, какое мнѣ дѣло до того, что такъ или иначе оцѣнивается школьная риторика, масса новыхъ писателей-латинистовъ, проза Буало, Руссо, Лафонтена, Корнеля и многихъ другихъ поэтовъ; что вмѣстѣ съ П. Лекуантомъ (Le Coigne) считаютъ нѣкотораго Виргилія (епископа, священника или пономаря) о очень дурнымъ человекомъ за то, что онъ позволилъ себѣ инако мыслить, чѣмъ папа Захарія; что пытаются отрицать фактъ домогательства многихъ богослововъ римской церкви возводить въ догмы нелѣпыя и гибельныя воззрѣнія (какъ непогрѣшимость папы и признаніе его авторитета надъ свѣтской властью королей); что, наконецъ, мнѣ ставятъ въ упрекъ даже похвальные слова, написанныя мною о нѣкоторыхъ великихъ людяхъ нашего вѣка, съ большинствомъ которыхъ я не состою ни въ какой связи, и которыхъ интрига, невѣжество или тупоуміе стараются обезславить или очернить? Когда бы вся заслуга этого вступительнаго разсужденія состояла только въ томъ, что оно воздало должное этимъ знаменитымъ авторамъ, то и такая заслуга будетъ имѣть нѣкоторую цѣнность въ глазахъ потомства, если до него дойдутъ слабыя произведенія моего пера. Оно мнѣ будетъ благодарно за мое мужество быть справедливымъ, вопреки зависти, коварству, маленькимъ талантамъ, ихъ панегиристамъ и меценатамъ.

Мнѣ сдѣлали другіе болѣе тяжкіе упреки; ихъ важность не позволяетъ мнѣ о нихъ умолчать, но ихъ несправедливость избавляетъ меня также отъ обязанности говорить о нихъ тономъ серьезной защиты. Дѣйствительно, что отвѣтить критикѣ, обвиняющей меня, что я искалъ въ образованіи общества скорѣе, чѣмъ въ произ-

вольныхъ гипотезахъ не сущность, а понятія добра и зла; что я не изслѣдовалъ вопроса, какъ человѣкъ, рожденный и оставленный на пустынномъ островѣ, образовалъ бы себѣ идеи добродѣтели и порока, т.-е. какъ романическое существо просвѣтилось бы о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ неизвѣстнымъ существамъ; что я на основаніи опыта, исторіи и разума полагалъ, что понятія порока и добродѣтели предшествовали у язычниковъ познанію истиннаго Бога; что я освободилъ человѣка отъ всѣхъ его обязанностей къ высшему существу, хотя я во многихъ мѣстахъ говорю объ его обязанностяхъ; что я разсматривалъ тѣла, какъ дѣйствующую причину нашихъ ощущеній, хотя я ясно и опредѣленно сказалъ, что они не имѣютъ никакого отношенія съ нашими ощущеніями, что духовность души и существованіе Бога я принималъ за истины, достаточно ясныя, нуждающіяся лишь въ очень краткихъ доказательствахъ; что я недостаточно долго говорилъ о христіанской религіи, о которой я могъ даже совершенно ничего не сказать, такъ какъ она относится къ болѣе высокому порядку, чѣмъ энциклопедическая система человѣческихъ знаній; что я унизилъ естественную религію, заявляя, что знаніе о Богѣ и о нашихъ обязанностяхъ, которое она намъ даетъ, весьма несовершенно; что я въ то же время унизилъ откровеніе, допуская для богослововъ способность разсуждать; что, наконецъ, вмѣстѣ съ Паскалемъ (который долженъ былъ бы, однако, быть большимъ авторитетомъ для моего противника) допустилъ истины, которыя, не будучи противоположными, говорятъ однѣ сердцу, другія разуму? Таковы возраженія, которыя не постыдился сдѣлать мнѣ журналистъ, можетъ-быть, болѣе ортодоксальный, чѣмъ логическій, но, безъ сомнѣнія, болѣе невѣжественный, чѣмъ правовѣрный. Чтобы на нихъ отвѣтить, достаточно ихъ изложить и сказать моею націи то, что сказалъ римскому народу земледѣлецъ, обвиненный въ колдовствѣ: *Beneficia mea, Quirites, haec sunt.*

Нужно признать, что, если въ нашъ вѣкъ тонъ безвѣрія ничего не стоитъ нѣкоторымъ писателямъ, то упрекъ въ безвѣрїи также ничего не стоитъ другимъ. Будьте христіанами,—можно было бы сказать послѣднимъ,—но при условіи, чтобы вы были таковыми достаточно искренно и не обвиняли легкомысленно вашихъ братьевъ въ отпаденіи отъ христіанства.

Мнѣ остается только сказать два слова объ этомъ произведеніи. Нѣкоторые старались распространять, правда, глухо и безъ доказательствъ, что планъ я извлекъ изъ трудовъ канцлера Бэкона. Краткое разъясненіе по поводу этого обвиненія дастъ читателю возможность судить. Это разсужденіе состоитъ изъ двухъ частей: первая имѣетъ предметомъ родословную наукъ, а вторая является философскою исторіей успѣховъ человѣческаго разума, начиная отъ эпохи возрожденія наукъ. Въ этой послѣдней части нѣтъ ни одного слова, которое принадлежало бы великому человѣку, въ копированіи котораго меня обвиняютъ. Изложеніе и подробности генеалогическаго порядка наукъ и искусствъ, составляющія почти цѣликомъ первую часть, не болѣе принадлежатъ Бэкону. Только въ концѣ этой первой части приведены весьма немногочисленные заимствованныя у него идеи объ энциклопедическомъ порядкѣ человѣческихъ знаній, который не нужно смѣшивать, какъ я это доказалъ, съ родословной наукъ; къ этимъ, взятымъ у Бэкона, идеямъ, относительно которыхъ я нисколько не скрывалъ, что обязанъ ими ему, я добавилъ много своихъ

собственныхъ, относящихся къ тому же энциклопедическому дереву. Такимъ образомъ, то немногое, чѣмъ я воспользовался у англійскаго канцлера, хватило на нѣсколько строкъ этого разсужденія, въ чемъ легко убѣдиться, бросивъ взглядъ на энциклопедическое дерево Бэкона ¹⁾, и что не нужно забывать, я не пропуская случая заявлять о томъ немногомъ, чѣмъ я ему обязанъ. Вотъ къ чему сводится мнимый плагиатъ, въ которомъ меня упрекаютъ: но этому разсужденію посчастливилось, оно имѣло успѣхъ; нужно было стараться меня его лишить ²⁾.

ПРОНОХОЖДЕНІЕ НАУКЪ.

ГЛАВА I.

Это дерево канцлера Бэкона напечатано въ концѣ Разсужденія. Я прошу читателя сравнить. Вступительное Разсужденіе къ энциклопедіи не нужно смѣшивать съ Наглядной Системой, которая также приложена въ концѣ и которая была нами опредѣленно признана, какъ извлеченная большей частью изъ произведенія канцлера Бэкона, хотя въ ней имѣются значительныя различія.

²⁾ Настоящее произведеніе Д'Аламбера, озаглавленное нами Очеркъ происхожденія и развитія наукъ, явилось, какъ видно изъ предисловія автора, вступительнымъ разсужденіемъ къ изданной имъ совместно съ Дидро Энциклопедіи. Въ связи съ этимъ своимъ назначеніемъ, Разсужденіе даетъ нѣкоторыя разъясненія и указанія, касающіяся технической стороны Энциклопедіи, на примѣръ: о различіи между энциклопедіей и толковымъ словаремъ, о расположеніи матеріала и способѣ его нахождения, о преимуществахъ французской энциклопедіи надъ англійскою Чемберса, о сотрудникахъ и т. д. и т. д. Всѣ эти мѣста, какъ не имѣющія общаго характера и потерявшія свой интересъ, въ нашемъ переводѣ опущены.

Прим. переводчика.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ НАУКЪ.

Г Л А В А I.

Кто хоть сколько-нибудь размышлялъ о связи, существующей между открытіями, тому легко замѣтить, что науки и искусства оказываютъ другъ другу взаимную помощь и что они слѣдовательно являются звеньями одной цѣпи. Но часто бываетъ трудно представить каждую науку или каждое искусство въ отдѣльности небольшимъ количествомъ правилъ или общихъ понятій; не менѣе затруднительно заключить въ систему, которая отличалась бы единствомъ, всѣ безконечно разнообразныя отрасли человѣческихъ знаній.

Первый шагъ, который намъ предстоитъ сдѣлать въ этомъ изслѣдованіи—это прослѣдить родословную и связь нашихъ знаній, причины, которыя обусловили ихъ зарожденіе, и черты, которыми они отличаются,—однимъ словомъ, намъ нужно восходить до начала и первичнаго развитія нашихъ идей.

Всѣ наши знанія можно раздѣлить на прямыя и разсудочныя. Прямыя—это тѣ, которыя мы получаемъ непосредственно, безъ всякаго вліянія нашей воли, тѣ, которыя, если можно такъ выразиться, находя открытыми всѣ двери нашей души, входятъ туда, не встрѣчая сопротивленія и безъ усилія. Разсудочныя это тѣ, которыя разумъ пріобрѣтаетъ, оперируя надъ прямыми, соединяя и комбинируя послѣднія на всевозможные лады.

Всѣ наши непосредственныя знанія сводятся къ тѣмъ, которыя мы воспринимаемъ чувствами; откуда слѣдуетъ, что всѣми нашими идеями мы обязаны нашимъ ощущеніямъ. Этотъ принципъ первыхъ философовъ долгое время разсматривался схоластиками, какъ аксіома. Впрочемъ, они ему оказали эту честь только потому, что онъ былъ древнимъ, съ такимъ же жаромъ они защищали бы субстанціальныя формы или тайныя качества. Поэтому, при возрожденіи философіи эту истину постигла общая участь всѣхъ нелѣпыхъ воззрѣній, отъ которыхъ ее нужно было бы отдѣлить, и вмѣстѣ съ ними она была отброшена; ибо ничто не является столь опаснымъ для истины и не способствуетъ такъ ея отрицанію, какъ союзъ или содѣйствіе заблужденія. Система врожденныхъ идей, соблазнительная въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и сильнѣе дѣйствовавшая на умы, — быть-можетъ, потому, что она была менѣе извѣстна,—заняла мѣсто аксіомы схоластикъ; и теперь, когда время ея довольно долгаго господства миновало, она находитъ еще нѣкоторыхъ сторонниковъ. Такъ истина, изгнанная предразсудками или софизмомъ, съ трудомъ водворяется на свое мѣсто. Наконецъ, лишь весьма недавно пришли почти къ едино-

гласному мнѣнію, что древніе были правы. И это не единственный вопросъ, относительно котораго мы приближаемся къ ихъ воззрѣніямъ.

Ничто не представляется болѣе безспорнымъ, какъ существованіе нашихъ ощущеній. Такимъ образомъ, для того, чтобы доказать, что они суть начало всѣхъ нашихъ знаній, достаточно показать, что они могутъ быть таковыми; ибо во всякой здоровой философіи всякая дедукція, опирающаяся на факты или признанныя истины, предпочтительна выводу, основанному исключительно на гипотезахъ, хотя бы остроумныхъ. Зачѣмъ предполагать, что чисто интеллектуальныя понятія суть первичныя, когда, для того, чтобы ихъ образовать, намъ приходится только размышлять о нашихъ ощущеніяхъ? Наше дальнѣйшее подробное изложеніе покажетъ, что эти понятія дѣйствительно не имѣютъ другого начала.

Первое, чему научаютъ насъ наши ощущенія и что даже отъ нихъ неотдѣлимо,—это наше существованіе. Отсюда слѣдуетъ, что наши первыя разсудочныя идеи должны относиться къ намъ, т.-е. къ тому мыслящему началу, которое составляетъ нашу природу и которое тождественно съ нашимъ «я».

Второе знаніе, которымъ мы обязаны нашимъ ощущеніямъ,—это существованіе внѣшнихъ предметовъ, между которыми должно разумѣть и наше собственное тѣло, такъ какъ оно является для насъ, такъ сказать, внѣшнимъ, даже прежде, чѣмъ мы уясняемъ себѣ природу мыслящаго въ насъ начала.

Эти неисчислимыя предметы производятъ на насъ дѣйствіе столь сильное, столь непрерывное и въ такой степени соединяющее насъ съ ними, что послѣ перваго мгновенія, когда наши разсудочныя идеи сосредоточены на насъ самихъ, мы, благодаря осаждающимъ насъ со всѣхъ сторонъ ощущеніямъ, вынуждены выйти изъ того состоянія одиночества, въ которомъ мы, при ихъ отсутствіи, остались бы. Многочисленность этихъ ощущеній, согласіе, замѣчаемое нами въ ихъ свидѣтельствѣ, отѣнки, наблюдаемые нами въ послѣднемъ, невольныя переживанія, которыя они заставляютъ насъ испытывать, сопоставленныя съ добровольнымъ рѣшеніемъ, управляющимъ нашими разсудочными идеями и оперирующимъ только надъ нашими ощущеніями,—образуютъ въ насъ непреодолимую склонность удостовѣрять существованіе предметовъ, къ которымъ мы относимъ эти ощущенія и которые намъ кажутся ихъ причиной,—склонность, которую многіе философы разсматривали, какъ произведеніе высшаго существа и какъ наиболѣе убѣдительное доказательство существованія этихъ предметовъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ нѣтъ никакого отношенія между каждымъ ощущеніемъ и предметомъ, который его вызываетъ, или, по меньшей мѣрѣ, къ которому мы его относимъ, то кажется невыслымымъ найти путемъ разсужденія возможный переходъ отъ одного къ другому: только своего рода инстинктъ, болѣе вѣрный, чѣмъ самъ разумъ, могъ бы насъ заставить перепрыгнуть черезъ такое громадное разстояніе; и этотъ инстинктъ столь энергиченъ, что, если предположить его на минуту существующимъ въ то время, какъ внѣшніе предметы были бы уничтожены, то эти самые предметы, вдругъ воспроизведенные, не могли бы увеличить его силу. Примемъ же безъ колебанія, что наши ощущенія дѣйствительно имѣютъ внѣ насъ причину, которую мы для нихъ предполагаемъ, такъ какъ фактъ, могущій явиться результатомъ реальнаго существованія такой причины, никоимъ образомъ не могъ бы отличаться отъ того, который мы испы-

тываемъ; и не будемъ подражать тѣмъ философамъ, о которыхъ говоритъ Монтанъ, и которые на вопросъ о началѣ человѣческихъ дѣйствій отвѣчаютъ сомнѣніемъ въ существованіи людей. Отнюдь не имѣя намѣренія распространяться здѣсь объ истинѣ, признанной безспорной даже скептиками, предоставляемъ просвѣщеннымъ метафизикамъ развить ея основоположенія: имъ предстоитъ, по возможности, опредѣлить, какую постепенность соблюдаетъ наша душа, дѣлая этотъ первый шагъ внѣ своего собственнаго міра, одновременно, такъ сказать, толкаемая и удерживаемая массой представленій, которыя, съ одной стороны, увлекаютъ ее къ внѣшнимъ предметамъ и, съ другой, принадлежа только ей, какъ бы заключаютъ ее въ тѣсныя границы, перейти которыя ей не позволяютъ.

Изъ всѣхъ предметовъ, дѣйствующихъ на насъ своимъ присутствіемъ, наше тѣло производитъ на насъ наиболее сильное впечатлѣніе, такъ какъ оно тѣснѣе связано съ нашимъ «я»: но какъ только мы начинаемъ чувствовать существованіе нашего тѣла, мы замѣчаемъ, какого вниманія оно требуетъ отъ насъ, чтобы устранить окружающія его опасности. Подчиненное множеству потребностей и крайне чувствительное къ вліянію внѣшнихъ тѣлъ, оно было бы скоро разрушено, если бы мы не заботились объ его сохраненіи. Это не значить, что всѣ внѣшнія тѣла заставляютъ насъ испытывать непріятныя ощущенія; нѣкоторыя какъ бы вознаграждаютъ насъ доставляемымъ ими намъ удовольствіемъ. Но таково уже несчастье человѣка, что страданіе онъ чувствуетъ сильнѣе; удовольствіе его меньше трогаетъ и почти всегда недостаточно, чтобы утѣшить горе. Напрасно нѣкоторые философы утверждали, сдерживая крики, готовые вырваться изъ изстрадавшей груди, что страданіе не есть зло; напрасно другіе полагали высшее благо въ удовольствіи, въ которомъ, изъ опасенія его послѣдствій, не позволяли отказывать себѣ: они всѣ оказались бы лучшими знатоками нашей природы, если бы удовлетворились ограничить высшее благо настоящей жизни избавленіемъ отъ страданія и согласились, что намъ, лишеннымъ возможности достигнуть этого высшаго блага, дано только болѣе или менѣе приблизиться къ нему, соразмѣрно нашимъ заботамъ и нашей бдительности. Столь естественныя мысли неминуемо возникнутъ въ умѣ cadaго человѣка, предоставленнаго самому себѣ и свободнаго отъ предрасудковъ воспитанія или обученія: онѣ будутъ слѣдствіемъ перваго впечатлѣнія, которое онъ получитъ отъ вещей; и ихъ можно причислить къ первымъ движеніямъ души, драгоценнымъ для истинныхъ мудрецовъ и достойнымъ, чтобы послѣдніе ихъ изучали, но пренебрегаемымъ или отбрасываемымъ заурядной философіей, принципы которой они почти всегда отвергаютъ.

Необходимость обезпечить наше собственное тѣло отъ страданія и разрушенія заставляетъ насъ различать между внѣшними предметами полезныя или вредныя для насъ, дабы стремиться къ однимъ и избѣгать другихъ. Но какъ только мы начинаемъ обзрѣвать эти предметы, мы тотчасъ открываемъ между ними большое количество существъ, которыя намъ кажутся совершенно намъ подобными, т.-е. у которыхъ такой же внѣшній видъ какъ у насъ, и которыя, повидимому, насколько можно судить съ перваго взгляда, имѣютъ такія же какъ мы понятія; все позволяетъ намъ думать, что они также имѣютъ одинаковыя съ нами потребности и, слѣдовательно, преслѣдуютъ такіе же какъ мы интересы; откуда мы безъ труда заключаемъ, что

намъ будетъ весьма выгодно дѣйствовать съ ними сообща, дабы совмѣстными усиліями узнать, что въ природѣ можетъ служить для нашего сохраненія и что для разрушенія. Сообщеніе идей—начало и связь этого союза и необходимо требуетъ изобрѣтенія знаковъ; таково происхожденіе обществъ, на ряду съ которыми должны были нарождаться также языки.

Эти сношенія, которыя столько могущественныхъ мотивовъ побуждаютъ насъ образоваться съ другими людьми, увеличиваютъ скоро объемъ нашихъ идей, заставляя насъ рождать идеи, чрезвычайно новыя и по всемъ признакамъ весьма отдаленныя отъ тѣхъ, которыя мы имѣли бы безъ этой помощи. Философамъ нужно выяснить, не способствуетъ ли въ сильной степени это взаимное сообщеніе идей, соединенное съ подобіемъ, которое мы замѣчаемъ между нашими ощущеніями и ощущеніями намъ подобныхъ, образованію присущей намъ непреодолимой склонности предполагать существованіе всѣхъ дѣйствующихъ на наши чувства вещей. Чтобы не выходить изъ предѣловъ моей задачи, я замѣчу только, что удовольствіе и выгода, которыя намъ доставляютъ подобныя сношенія, какъ сообщеніемъ нашихъ идей другимъ людямъ, такъ и присоединеніемъ чужихъ къ нашимъ, должны насъ побуждать все тѣснѣе стягивать узы начинающагося общества и дѣлать его, по возможности, наиболѣе для насъ полезнымъ. Но такъ какъ каждый членъ общества старается извлекать изъ него по возможности болѣе выгодъ для себя и въ этомъ стремленіи сталкивается съ каждымъ изъ остальныхъ членовъ, преслѣдующихъ ту же цѣль, то, хотя всѣ имѣютъ одинаковое право, не всѣ, однако, могутъ получать равную долю въ благахъ, доставляемыхъ обществомъ. Столь законное право скоро нарушается варварскимъ правомъ неравенства, называемымъ закономъ болѣе сильнаго, примѣненіе котораго какъ бы смѣшиваетъ насъ съ животными, и не злоупотреблять которымъ, тѣмъ не менѣе, такъ трудно. Такимъ образомъ, сила, данная природой нѣкоторымъ людямъ, безъ сомнѣнія, для поддержанія и защиты слабыхъ, является, напротивъ, началомъ угнетенія послѣднихъ. Но чѣмъ угнетеніе болѣе жестоко, тѣмъ менѣе они съ нимъ мирятся, ибо чувствуютъ, что ничто не должно было бы ихъ поработать. Отсюда понятіе несправедливости и, слѣдовательно, добра и зла, начало которыхъ столько философовъ искали, и которыя крикъ природы, громко раздающійся въ каждомъ человѣкѣ, заставляетъ почувствовать даже среди наиболѣе дикихъ народовъ. Отсюда также обнаруживаемый нами въ нашей душѣ естественный законъ, источникъ первыхъ законовъ, которые люди должны были образовать: даже безъ помощи послѣднихъ онъ иногда достаточно силенъ, чтобы, если не уничтожить угнетеніе, то, по крайней мѣрѣ, сдержать его въ извѣстныхъ границахъ. Итакъ, зло, которое мы терпимъ, благодаря порокамъ намъ подобныхъ, даетъ намъ разсудочное знаніе добродѣтелей, противоположныхъ этимъ порокамъ; драгоценное знаніе, котораго насъ, можетъ быть, лишили бы единеніе и совершенное равенство.

Приобрѣтенная нами идея справедливости и несправедливости и, слѣдовательно, нравственной природы поступковъ естественно приводитъ насъ къ изслѣдованію дѣйствующаго въ насъ начала или, что одно и то же, субстанціи, которая желаетъ и мыслить. Не нужно особенно глубоко изучить природу нашего тѣла, чтобы признать, что оно не могло бы быть этой субстанціей, такъ какъ свойства, которыя мы

наблюдаемъ у матеріи, ничего общаго не имѣютъ со способностью желать и мыслить; отсюда вытекаетъ, что это существо, называемое я, составлено изъ двухъ началъ различной природы, такъ соединенныхъ, что между движеніями одного и переживаніями другого существуетъ взаимодѣйствіе, которое мы не могли бы ни устранить, ни измѣнить и которое держитъ ихъ во взаимномъ подчиненіи. Это рабство, столь независимое отъ насъ, въ связи съ размышленіями о природѣ этихъ двухъ началъ и ихъ несовершенствѣ, которымъ мы вынуждены предаваться, возноситъ насъ къ созерцанію всемогущаго разума, которому мы обязаны своимъ бытіемъ, и который, слѣдовательно, требуетъ нашего почитанія: для признанія его существованія достаточно наше внутреннее чувство, и мы остались бы при этомъ убѣжденіи, если бы даже всеобщее свидѣтельство другихъ людей и всей природы его не подтверждали бы.

Итакъ, ясно, что чисто интеллектуальныя понятія порока и добродѣтели, начало и необходимость законовъ, духовная жизнь души, существованіе Бога и наши обязанности по отношенію къ Нему,—однимъ словомъ истины, которыя намъ нужны прежде всего и безъ которыхъ мы не можемъ обойтись, суть плоды первичныхъ разсудочныхъ идей, обусловливаемыхъ нашими ощущеніями.

Г Л А В А П.

Какъ бы интересны ни были эти первоначальныя истины для наиболѣе благородной части нашего я, тѣло, съ которымъ она связана, скоро привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе, въ силу необходимости удовлетворять его потребности, безпрестанно увеличивающіяся. Забота о сохраненіи его должна выразиться либо въ предупрежденіи угрожающихъ ему золъ, либо въ устраненіи настигшихъ его. Эту задачу мы стараемся выполнять двумя способами, именно,—помощью нашихъ личныхъ изобрѣтеній и посредствомъ открытій другихъ людей, открытій, воспользоваться которыми намъ помогаютъ наши сношенія съ ними. Отсюда должны были зародиться сначала земледѣліе и медицина, наконецъ, всѣ безусловно необходимыя искусства. Всѣ эти пріобрѣтенія были въ то же время и нашими первоначальными знаніями и источникомъ всѣхъ другихъ знаній, даже тѣхъ, которыя, по своей природѣ, кажутся чрезвычайно отъ нихъ удаленными; на этомъ вопросѣ нужно болѣе подробно остановиться.

Первые люди, помогая взаимно другъ другу въ своихъ открытіяхъ, т.-е. въ своихъ изолированныхъ или соединенныхъ усиліяхъ, научились, быть-можетъ, довольно скоро искусству употреблять различные предметы. Жадные къ полезнымъ знаніямъ, они должны были сначала избѣгать всякихъ праздныхъ умозрѣній, быстро разсматривать, одни вслѣдъ за другими, различныя существа, предоставленныя имъ природой, и сочетать ихъ, такъ сказать, матеріально, по ихъ наиболѣе поражающимъ и наиболѣе очевиднымъ свойствамъ. За этимъ первымъ сочетаніемъ должно было послѣдовать другое, болѣе тщательное, но всегда связанное съ ихъ потребностями и заключавшееся въ болѣе глубокомъ изученіи нѣкоторыхъ менѣе замѣтныхъ свойствъ, обнаруживающихся въ измѣненіи и разложеніи тѣлъ, и способовъ ихъ возможнаго употребленія.

Однако, какъ бы великъ ни былъ путь, который первые люди и слѣдовавшія

за ними поколѣнїя, побуждаемые столь интересной цѣлью, какъ сохраненіе своего собственнаго существованія, могли сдѣлать,—опытъ и наблюденіе этой обширной вселенной вскорѣ натолкнули ихъ на препятствія, которыя не могли быть устранены даже при величайшихъ усилїяхъ. Разсудокъ, прїученный къ размышленію и жаждущій извлечь изъ него какіе-нибудь плоды, долженъ былъ тогда находить своего рода помощь въ открытіи свойствъ тѣлъ исключительно изъ любознательности,—открытіи, область котораго безконечна. Въ самомъ дѣлѣ, если бы большое количество прїятныхъ знаній было достаточно, чтобы утѣшить въ утратѣ одной полезной истины, то можно было бы сказать, что изученіе природы, когда она отказывается намъ въ необходимомъ, доставляетъ намъ, по крайней мѣрѣ, въ изобилїи удовольствія; это своего рода излишество, которое замѣняетъ, хотя весьма неполно, недостающее намъ. Сверхъ того, въ кругѣ нашихъ потребностей и предметовъ нашихъ страстей удовольствіе занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, и любознательность является потребностью для мыслящаго человѣка, въ особенности, когда это безпокойное желаніе оживляетъ своего рода недовольство, не позволяющее никогда чувствовать полное удовлетвореніе. Большимъ количествомъ знаній, служащихъ просто для услажденія, мы, такимъ образомъ, обязаны нашему несчастному безсилію прїобрѣтать тѣ, которыя намъ настоятельно необходимы. Другая причина также побуждаетъ насъ заниматься этимъ трудомъ: если полезность не является его цѣлью, то она, по крайней мѣрѣ, можетъ служить для него предлогомъ. Намъ достаточно найти иногда реальную выгоду въ нѣкоторыхъ знанїяхъ, въ которыхъ мы раньше таковой не подозрѣвали, чтобы позволить себѣ разсматривать всѣ изслѣдованія чистой любознательности, какъ могущія когда-нибудь стать для насъ полезными. Вотъ происхожденіе и причина прогресса обширной науки, называемой вообще физикой или ученіемъ о природѣ и обнимающей столько различныхъ отраслей; земледѣліе и медицина, откуда она беретъ свое начало, являются теперь только ея вѣтвями. И, хотя онѣ были наиболѣе существенными и наиболѣе древними, онѣ пользовались большимъ или меньшимъ уваженіемъ, смотря по тому, насколько онѣ заглушались или затемнялись другими.

При этомъ изученїи природы, которое мы предпринимаемъ отчасти по необходимости, отчасти же для развлеченія, мы замѣчаемъ, что тѣла имѣютъ множество свойствъ, но большей частью такъ соединенныхъ въ одномъ и томъ же предметѣ, что для того, чтобы ихъ основательно изслѣдовать, мы вынуждены разсматривать ихъ стдѣльно. Благодаря этой операціи нашего ума, мы вскорѣ открываемъ свойства, которыя какъ будто принадлежатъ всѣмъ тѣламъ, какъ способность двигаться или оставаться въ покоѣ и способность прїобрѣтать движеніе, источникъ главныхъ измѣненій, наблюдаемыхъ нами въ природѣ. Изслѣдованіе этихъ свойствъ и въ особенности послѣдняго, подтверждаемое нашими собственными чувствами, открываетъ намъ вскорѣ другое свойство, отъ котораго эти послѣднія зависятъ; другими словами, мы открываемъ непроницаемость или тотъ родъ силы, благодаря которой каждое тѣло исключаетъ другое изъ занимаемаго имъ мѣста, такъ что два тѣла сдвинутыя вмѣстѣ такъ близко, какъ это только возможно, никогда не могутъ занимать пространство меньшее того, которое они заняли бы будучи разъединенными. Непроницаемость это—главное свойство, благодаря которому мы отличаемъ тѣла отъ частей

безконечнаго пространства, въ которомъ они, какъ мы полагаемъ, помѣщены; по крайней мѣрѣ, такъ подсказываютъ намъ наши чувства и, если они насъ на этотъ счетъ обманываютъ, то это заблужденіе чисто метафизическое, которое не грозитъ нашему существованію и нашему сохраненію никакой опасностью, и къ которому мы, какъ бы помимо нашего желанія, будемъ непрерывно возвращаться въ силу нашего обыкновеннаго образа мышленія. Все склоняетъ насъ разсматривать пространство, какъ мѣсто пребыванія тѣлъ, если не какъ реальное, то, по крайней мѣрѣ, какъ предполагаемое; именно, помощью частей этого пространства, которыя мы считаемъ проницаемыми и неподвижными, намъ удастся образовать себѣ наиболѣе ясное понятіе о движеніи. Мы, такимъ образомъ, какъ бы естественно вынуждены различать, по крайней мѣрѣ, умственно, два вида протяженности, изъ которыхъ одинъ непроницаемъ, а другой составляетъ мѣсто пребыванія тѣлъ. Итакъ, хотя непроницаемость необходимо входитъ въ идею, которую мы себѣ образуемъ о частяхъ матеріи, тѣмъ не менѣе,—такъ какъ это свойство относительное, т.-е. такое, о которомъ мы составляемъ себѣ представленіе только тогда, когда подвергаемъ изслѣдованію два тѣла вмѣстѣ,—мы вскорѣ привыкаемъ разсматривать ее какъ нѣчто отличное отъ протяженности, а послѣднюю воображать отдѣльно отъ нея.

Въ силу этого новаго соображенія, тѣла представляются намъ только, какъ части пространства, имѣющія форму и протяженіе; мы, такимъ образомъ, становимся на наиболѣе общую и наиболѣе отвлеченную точку зрѣнія, съ которой могли бы ихъ разсматривать. Ибо протяженность, въ которой мы не отличали бы частей, имѣющихъ форму, была бы только отдаленной и неясной картиной, гдѣ все ускользало бы отъ нашего вниманія, потому что мы были бы лишены возможности что-либо различать. Цвѣтъ и форма,—свойства, присущія всеѣмъ тѣламъ, хотя разнообразныя для каждаго изъ нихъ,—нѣкоторымъ образомъ помогаютъ намъ отдѣлять ихъ отъ пространства; даже одного изъ этихъ свойствъ достаточно для этой цѣли; поэтому, разсматривая тѣла умственно, мы предпочитаемъ форму цвѣту,—либо потому, что форма, воспринимаемая одновременно зрѣніемъ и осязаніемъ, намъ болѣе знакома, либо потому, что легче разглядѣть въ тѣлѣ форму безъ цвѣта, чѣмъ цвѣтъ безъ формы, либо, наконецъ, потому, что форма способствуетъ болѣе легкому и болѣе ясному опредѣленію частей пространства.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ опредѣленію свойствъ протяженности, просто какъ обладающей формой. Это—предметъ геометріи, которая, для того, чтобы облегчить себѣ изученіе, разсматриваетъ сначала протяженность, ограниченную однимъ измѣреніемъ, затѣмъ двумя и, наконецъ, тремя измѣреніями, составляющими сущность всякаго невещественнаго тѣла, т.-е. части пространства, ограниченной со всѣхъ сторонъ умственными границами.

Итакъ, посредствомъ операцій и послѣдовательныхъ отвлеченій нашего ума мы лишаемъ матерію почти всѣхъ ея чувственныхъ свойствъ, оставляя только, такъ сказать, ея тѣнь; и нужно прежде всего понять, что открытія, къ которымъ приводитъ насъ это изслѣдованіе, будутъ намъ весьма полезны каждый разъ, когда не придется имѣть въ виду непроницаемость тѣлъ; на примѣръ, когда понадобится изучить ихъ движеніе, разсматривая ихъ какъ части пространства, обладающія формой, подвижныя и отдѣленныя другъ отъ друга.

Такъ какъ изслѣдованіе оформленной протяженности даетъ намъ матеріаль для множества сочетаній, то становится необходимымъ изобрѣсти средство, которое облегчило бы намъ эти сочетанія; и такъ какъ они состоятъ главнымъ образомъ въ счетѣ и отношеніи различныхъ частей, изъ которыхъ мы въ нашемъ воображеніи составляемъ геометрическія тѣла, то это изслѣдованіе вскорѣ приводитъ насъ къ ариѳметикѣ или наукѣ о числахъ. Ариѳметика—не что иное какъ искусство находить сокращеннымъ путемъ выраженіе одинаго отношенія, вытекающаго изъ сравненія многихъ другихъ. Различные способы сравненія этихъ отношеній образуютъ различные правила ариѳметики.

Сверхъ того, размышляя объ этихъ правилахъ, чрезвычайно трудно не замѣтить нѣкоторые принципы или общія свойства отношеній, посредствомъ которыхъ мы можемъ, выражая эти отношенія общимъ способомъ, открыть различные сочетанія, которымъ они доступны. Результаты этихъ сочетаній, приведенные къ общему виду, въ дѣйствительности будутъ не болѣе какъ ариѳметическія исчисленія, указанныя и представленныя выраженіемъ наиболѣе простымъ и наиболѣе краткимъ, какое только допускало бы ихъ состояніе общности. Наука или искусство означать такимъ образомъ отношенія называется алгеброй. И такъ, хотя собственно исчисленіе можно производить только надъ числами, а измѣряемой величиной является только протяженность (ибо безъ пространства мы не могли бы точно измѣрять время), мы, постоянно обобщая наши идеи, приходимъ къ этой главной части математики и всѣхъ естественныхъ наукъ, называемой наукой о величинахъ вообще; она служитъ основаніемъ для всѣхъ возможныхъ открытій въ отношеніи количества, т.-е. относительно всего того, что доступно увеличенію или уменьшенію.

Эта наука представляетъ собой крайній предѣлъ, куда насъ могло бы привести разсматриваніе свойствъ матеріи, и мы не могли бы удалиться дальше, не выходя совершенно изъ матеріальнаго міра. Но таковъ ходъ разсудка въ его изслѣдованіяхъ: обобщивъ свои представленія до той степени, когда дальнѣйшее разложеніе невозможно, онъ возвращается затѣмъ по протоптанной имъ дорогѣ, возстановляетъ вновь эти самыя представленія и мало-по-малу, соблюдая постепенность, образуетъ изъ нихъ реальныя существа, являющіяся непосредственнымъ и прямымъ предметомъ нашихъ ощущеній. Эти существа, непосредственно относящіяся къ нашимъ потребностямъ, подлежатъ также наибольшему изученію; математическія отвлеченія облегчаютъ намъ познаніе; но они полезны лишь постольку, поскольку ими не ограничиваются.

Вотъ почему, исчерпавъ, нѣкоторымъ образомъ, геометрическими умозрѣніями свойство оформленной протяженности, мы начинаемъ возвращать ей непроницаемость, составляющую физическія тѣла и являющуюся послѣднимъ чувственнымъ качествомъ, котораго мы ее лишили. Это новое изученіе влечетъ за собой изслѣдованіе воздѣйствія тѣлъ другъ на друга, ибо тѣла дѣйствуютъ лишь постольку, поскольку они непроницаемы; и именно отсюда выводятся законы равновѣсія и движенія, составляющіе предметъ механики. Мы распространяемъ наши изслѣдованія даже на движеніе тѣлъ, толкаемыхъ неизвѣстными движущими силами или причинами, лишь бы только законъ, согласно которому эти причины дѣйствуютъ, былъ бы извѣстенъ или предполагался извѣстнымъ.

Войдя, наконецъ, совершенно въ тѣлесный міръ, мы вскорѣ замѣчаемъ, какое примѣненіе мы можемъ сдѣлать изъ геометріи и механики, чтобы получить чрезвычайно разнообразныя и глубокія знанія о свойствахъ тѣлъ. Почти такимъ путемъ зародились всѣ науки, называемыя физико-математическими. Во главѣ ихъ можно поставить астрономію, изученіе которой, послѣ науки о человѣкѣ, наиболѣе достойно нашего вниманія, благодаря великолѣпному зрѣлищу, которое она намъ представляетъ. Соединяя наблюденіе съ исчисленіемъ и освѣщая ихъ одно посредствомъ другого, эта наука опредѣляетъ съ достойной удивленія точностью разстоянія и наиболѣе сложныя движенія небесныхъ тѣлъ; она вычисляетъ даже силы, которыми эти движенія обуславливаются или измѣняются. Поэтому ее можно по справедливости разсматривать, какъ наивысшее и вѣрнѣйшее примѣненіе геометріи, соединенной съ механикой, а ея прогрессъ—какъ безспорнѣйшій успѣхъ, котораго человѣческій разумъ можетъ достигнуть своими усиліями.

Не менѣе велико примѣненіе математическихъ знаній въ изученіи окружающихъ насъ земныхъ тѣлъ. Всѣ свойства, наблюдаемыя нами у этихъ тѣлъ, находятся между собой въ болѣе или менѣе замѣтныхъ для насъ отношеніяхъ: познаніе или открытіе этихъ отношеній является почти всегда единственной задачей, которую мы могли бы выполнить и, слѣдовательно, единственной, которую мы должны были бы себѣ поставить. Но познать природу мы можемъ надѣяться не посредствомъ смутныхъ и произвольныхъ гипотезъ, а путемъ внимательнаго изученія явленій, сравнивая ихъ между собой и помощью искусства—по возможности сводить большое количество явленій къ одному, который могъ бы разсматриваться какъ принципъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе уменьшаются численно основоположенія науки, тѣмъ болѣе увеличивается ихъ объемъ; ибо, такъ какъ предметъ науки необходимо опредѣленъ, то примѣняемые къ этому предмету принципы будутъ тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ меньше будетъ ихъ число. Это сокращеніе, которое сверхъ того облегчаетъ ихъ пониманіе, составляетъ истинный духъ систематизаціи, — и нужно остерегаться отъ смѣшенія его съ духомъ системы, съ которымъ онъ не всегда совпадаетъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы объ этомъ подробнѣе поговоримъ.

Но, по мѣрѣ того, какъ изслѣдуемый предметъ болѣе или менѣе труденъ или болѣе или менѣе обширенъ, сокращеніе, о которомъ мы говоримъ, болѣе или менѣе затруднительно: поэтому мы также болѣе или менѣе вправѣ требовать его отъ натуралистовъ. Магнитъ, на примѣръ, одно изъ наилучше изученныхъ тѣлъ природы, и о немъ было сдѣлано множество столь поражающихъ открытій: способность притягивать желѣзо, сообщать послѣднему магнитныя свойства, устанавливаться по направленію къ полюсамъ міра, со склоненіемъ, которое само подчинено правиламъ и которое не менѣе удивительно, чѣмъ было бы болѣе точное направленіе; наконецъ, свойство отклоняться, образуя съ горизонтальной линіей большій или меньшій уголъ, въ зависимости отъ мѣста земного шара, на которомъ онъ находится. Всѣ эти отдѣльныя свойства, зависящія отъ природы магнита, вѣроятно, обусловлены нѣкоторымъ общимъ свойствомъ, являющимся ихъ началомъ; оно намъ до настоящаго времени неизвѣстно и, можетъ-быть, еще долго не будетъ открыто. Въ виду отсутствія такого знанія, а также необходимыхъ свѣдѣній о физической причинѣ

свойствъ магнита, свести, если это возможно, всё эти свойства къ одному и показать существующую между ними связь было бы, безъ сомнѣнія, дѣломъ, достойнымъ философа. Но чѣмъ такое открытіе было бы болѣе полезно для прогресса физики, тѣмъ болѣе мы имѣемъ основаній опасаться, что оно было бы недоступно нашимъ усиліямъ. То же самое можно сказать о многихъ другихъ явленіяхъ, которыя въ конечномъ счетѣ, можетъ-быть, связаны съ системой міра.

Единственное средство, которое намъ остается въ столь трудномъ, хотя необходимомъ и даже пріятномъ изслѣдованіи—это, по возможности, болѣе накапливать факты, располагать ихъ въ наиболѣе естественномъ порядкѣ и свести ихъ къ извѣстному числу главныхъ фактовъ, для которыхъ остальные были бы только слѣдствіями. Если мы иногда осмѣливаемся подняться выше, то должны брать въ спутницы мудрую осмотрительность, которая столь необходима въ такомъ рискованномъ предпріятіи при нашемъ слабомъ зрѣніи.

Таковъ планъ, по которому мы должны слѣдовать въ этой обширной части физики, называемой общей и экспериментальной физикой. Она отличается отъ наукъ физико-математическихъ тѣмъ, что она собственно представляетъ собой только систематическое собраніе опытовъ и наблюденій, въ то время какъ послѣднія посредствомъ примѣненія математики къ опыту выводятъ иногда изъ одного наблюденія массу слѣдствій, которыя по своей достовѣрности почти приближаются къ геометрическимъ истинамъ. Такъ, одинъ опытъ отраженія свѣта, даетъ всю катоприку или науку о свойствахъ зеркалъ; одинъ опытъ преломленія свѣта, обуславливаетъ математическое объясненіе радуги, теорію цвѣтовъ и всю діоптрику или науку о свойствахъ выпуклыхъ и вогнутыхъ чечевиць; изъ одного наблюденія надъ давленіемъ жидкостей выводятся всѣ законы равновѣсія и движенія этихъ тѣлъ; наконецъ, единственный опытъ ускоренія падающихъ тѣлъ способствуетъ открытію законовъ ихъ паденія, въ случаѣ движенія по наклонной плоскости, и законовъ колебанія маятника.

Нужно, однако, признать, что геометры иногда злоупотребляютъ этимъ примѣненіемъ алгебры къ физикѣ. Вслѣдствіе отсутствія опытовъ, могущихъ служить основаніемъ для ихъ вычисленій, они позволяютъ себѣ прибѣгать къ гипотезамъ, правда, наиболѣе удобнымъ, но часто чрезвычайно отдаленнымъ отъ того, что дѣйствительно существуетъ въ природѣ. Хотѣли распространить приложеніе математики даже на искусство лѣчить; и человѣческое тѣло, эта столь сложная машина, разсматривалось нашими врачами-алгебраистами, какъ простой или легко разбираемый механизмъ. Любопытно посмотрѣть, какъ эти авторы однимъ росчеркомъ пера разрѣшаютъ проблемы гидравлики и статики,—проблемы, на которыя великіе геометры способны потратить всю свою жизнь. Мы, болѣе мудрые или болѣе скромные, считаемъ большую часть этихъ вычисленій и смутныхъ предположеній продуктами игры ума, которымъ природа не обязана подчиняться, и заключаемъ, что единственный и истинный философскій методъ въ физикѣ состоитъ либо въ примѣненіи математическаго анализа къ опытамъ, либо въ одномъ только наблюденіи, освѣщенномъ духомъ метода, восполняемомъ иногда и догадками, когда онѣ могутъ быть полезны, но безусловно свободномъ отъ всякой произвольной гипотезы.

ГЛАВА III.

Остановимся здѣсь на минуту и бросимъ взглядъ на пройденное нами пространство. Мы замѣчаемъ два предѣла, гдѣ, такъ сказать, сосредоточены всѣ достовѣрныя знанія, согласованныя съ нашими природными свѣдѣнiями. Одинъ изъ этихъ предѣловъ, тотъ, отъ котораго мы отправились,—это идея нашего я, приводящая къ идеѣ всемогущаго существа и нашихъ главныхъ обязанностей. Другой—это та часть математики, которая изучаетъ общія свойства тѣлъ, протяженности и величины. Между этими двумя конечными пунктами—необозримый промежутокъ, гдѣ высшій разумъ точно хотѣлъ потѣшиться надъ человѣческой любознательностью, то заволакивая горизонтъ безчисленными туманами, то посылая нѣкоторые лучи свѣта, которые перебѣгаютъ съ одного мѣста на другое, какъ будто для того, чтобы насъ привлекать. Вселенную можно было бы сравнить съ нѣкоторыми произведенiями чрезвычайно темнаго содержанiя, авторы которыхъ, снисходя иногда до степени пониманiя читателя, стараются убѣдить его, что онъ почти все понимаетъ. Счастливы тотъ, кто, войдя въ этотъ лабиринтъ, не теряетъ истиннаго пути! Иначе проблески свѣта, предназначенные указывать дорогу, часто могутъ еще болѣе запутать.

Сверхъ того, нужно, чтобы небольшое число достовѣрныхъ знанiй, на которыя мы можемъ рассчитывать и которыя, если можно такъ выразиться, размѣщены, какъ мы выше говорили, на двухъ концахъ пространства, было бы достаточно для удовлетворенiя всѣхъ нашихъ потребностей. Природа человѣка, изученiе которой столь необходимо, является непроницаемой тайной для самого человѣка, когда онъ просвѣщенъ только разумомъ; и величайшiе гени, послѣ многихъ размышленiй о столь важномъ предметѣ, въ концѣ концовъ, очень часто знаютъ о немъ еще меньше, чѣмъ обыкновенные смертные. То же самое можно сказать о нашемъ существованiи, настоящемъ и будущемъ, о сущности существа, которому мы этимъ обязаны, и о формѣ почитанiя, какая была бы ему угодна.

Намъ, такимъ образомъ, настоятельно необходима откровенная религiя, которая просвѣтила бы насъ о всѣхъ этихъ различныхъ вещахъ. Имѣя своимъ назначенiемъ служить дополненiемъ къ естественному знанiю, она намъ показываетъ часть того, что было отъ насъ скрыто; но она ограничивается разъясенiемъ только безусловно важныхъ для насъ вещей; остальное находится подъ покровомъ тайны, которая, повидимому, останется для насъ навсегда неразгаданной. Нѣкоторые догматы вѣры, нѣкоторыя правила поведенiя, вотъ къ чему сводится откровенная религiя; тѣмъ не менѣе, благодаря свѣту, который она распространила надъ мiромъ, самъ народъ болѣе твердъ и непоколебимъ относительно множества важныхъ вопросовъ, чѣмъ были всѣ философскiя секты.

Что касается математическихъ наукъ, составляющихъ второй изъ упомянутыхъ нами предѣловъ, то ихъ природа и ихъ количество не должны насъ поражать. Своей достовѣрностью онѣ, главнымъ образомъ, обязаны простотѣ своего предмета. Нужно даже признать, что, такъ какъ не всѣ части математики одинаково просты по своему предмету, достовѣрность, въ собственномъ смыслѣ слова, основанная на

принципахъ, которые сами по себѣ необходимо истинны и очевидны,—не присуща одинаково и не въ одной и той же степени всѣмъ этимъ частямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, опирающіяся на физическіе принципы, т.-е. на истины, выведенныя изъ опыта, или на простыя гипотезы, имѣютъ, такъ сказать, опытную или даже чисто предполагаемую достовѣрность. Строго говоря, только науки, занимающіяся исчисленіями величинъ и общихъ свойствъ протяженности, т.-е. алгебру, геометрію и механику можно было бы считать отмѣченными печатью очевидности. Въ знаніи, которое эти науки доставляютъ нашему уму, наблюдается еще нѣкоторая постепенность и, такъ сказать, оттѣнокъ. Чѣмъ болѣе обширенъ, общъ и отвлеченъ изучаемый ими предметъ, тѣмъ яснѣе ихъ принципы; именно въ силу этого геометрія проще механики и обѣ сложнѣе алгебры. Это не покажется парадоксомъ для тѣхъ, которые философски изучали эти науки; понятія, наиболѣе абстрактныя, которыя обыкновенному человѣку кажутся наиболѣе недоступными, часто являются носителями наибольшаго свѣта; наши идеи затемняются по мѣрѣ того, какъ мы подвергаемъ изслѣдованію большее число чувственныхъ свойствъ даннаго предмета. Непроницаемость, присоединенная къ идеѣ протяженности, какъ-будто еще болѣе увеличиваетъ тайну; природа движенія загадка для философовъ; метафизическій принципъ законовъ соударенія не болѣе для нихъ понятенъ; однимъ словомъ, чѣмъ болѣе они углубляютъ идею, которую они себѣ образуютъ о матеріи и о характеристическихъ ее свойствахъ, тѣмъ менѣе ясной становится эта идея и какъ бы хочеть совсѣмъ отъ нихъ скрыться.

Нельзя, такимъ образомъ, не согласиться, что разумъ не въ одинаковой степени удовлетворяется всѣми математическими науками: пойдѣмъ дальше и изслѣдуемъ безъ предубѣжденія, къ чему эти знанія сводятся. Съ перваго взгляда они кажутся весьма многочисленными и даже въ нѣкоторомъ родѣ неисчерпаемыми; но, если ихъ совокупность подвергнуть философскому перечисленію, то легко замѣтитъ, что они далеко не такъ богаты, какъ это казалось. Я не говорю здѣсь о незначительности примѣненія многихъ изъ этихъ истинъ; это было бы, пожалуй, весьма слабымъ аргументомъ противъ нихъ; я говорю объ этихъ истинахъ, разсматриваемыхъ сами по себѣ. Что такое большинство этихъ аксіомъ, которыми геометрія такъ гордится, какъ не выраженіе одной и той же простой идеи двумя различными знаками или словами? Развѣ тотъ, кто говоритъ, что два и два составляютъ четыре, обладаетъ большимъ знаніемъ того, кто удовлетворился бы считать, что два и два составляютъ два и два. Идеи цѣлаго, части, большаго или меньшаго, развѣ онѣ, собственно говоря, не представляютъ собой одну и ту же простую и индивидуальную идею, ибо нельзя было бы имѣть одну безъ того, чтобы въ то же время не возникли бы всѣ остальные? Мы обязаны многими заблужденіями, какъ это замѣтили нѣкоторые философы, злоупотребленію словами; этому самому злоупотребленію мы, можетъ-быть, обязаны аксіомами. Я, однако, отнюдь не намѣреваюсь безусловно осуждать пользованіе аксіомами: я только хочу указать, къ чему оно сводится; именно,—сдѣлать для насъ, путемъ навыка, простыя идеи болѣе привычными и болѣе доступными различнымъ приложеніямъ, на которыя мы можемъ ихъ употребить. Почти то же самое, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, я скажу о математическихъ теоремахъ. Разсматриваемыя безъ предразсудка, онѣ сво-

дятся къ довольно незначительному числу первичныхъ истинъ. Если изслѣдовать рядъ геометрическихъ предложеній, выведенныхъ другъ изъ друга такъ, что два сосѣднихъ предложенія непосредственно соприкасаются безъ всякаго между собой промежутка, то можно замѣтить, что они всѣ представляютъ изъ себя первое предложеніе, которое было разложено, такъ сказать, [последовательно и мало-по-малу при переходѣ отъ одного слѣдствія къ другому, но которое, однако, реально не умножилось этимъ сдѣланиемъ и получило только различныя формы. Это почти то же самое, какъ если бы хотѣли выразить это предложеніе на языкѣ, который былъ незамѣтно искаженъ, и для этого стали бы последовательно излагать его различными способами, которые представляли бы различныя состоянія, черезъ которыя этотъ языкъ прошелъ. Каждое изъ этихъ состояній вновь узнавалось бы въ томъ, съ которымъ оно оказалось бы въ непосредственной близости; но въ болѣе отдаленномъ состояніи сходство стерлось бы, хотя бы оно всегда зависѣло отъ предшествовавшихъ и имѣло бы назначеніемъ передавать тѣ же идеи. Такимъ образомъ, связь многихъ геометрическихъ истинъ можно разсматривать, какъ болѣе или менѣе различныя и болѣе или менѣе сложные переводы одного и того же предложенія и часто одной и той же гипотезы. Эти переводы, впрочемъ, весьма полезны, такъ какъ даютъ намъ возможность дѣлать различныя примѣненія изъ выражаемой ими теоремы,—примѣненія, болѣе или менѣе цѣнныя въ зависимости отъ ихъ важности и размѣра. Но, признавая реальное достоинство математическаго перевода предложенія, нужно также имѣть въ виду, что это достоинство заключается первоначально въ самомъ предложеніи. Это обстоятельство должно намъ дать понять, насколько мы обязаны геніямъ-изобрѣтателямъ, которые, открывая какую-либо изъ основныхъ истинъ, источникъ и, такъ сказать, подлинникъ для множества другихъ, дѣйствительно обогатили геометрію и расширили ея область.

Такъ же обстоитъ дѣло съ физическими истинами и свойствами тѣлъ, связь которыхъ мы замѣчаемъ. Всѣ эти свойства, достаточно сближенные, даютъ намъ, собственно говоря, только единственное и простое знаніе. Если множество другихъ удалены для насъ и образуютъ различныя истины, то этимъ печальнымъ преимуществомъ мы обязаны скудости нашего просвѣщенія, и можно сказать, что обиліе, которое у насъ наблюдается въ этомъ отношеніи, есть результатъ нашей бѣдности. Электрическія тѣла, въ которыхъ открыли столько удивительныхъ, но какъ-будто не связанныхъ между собою, свойствъ, являются, можетъ-быть, въ одномъ смыслѣ тѣлами наименѣе извѣстными, такъ какъ у нихъ эта связь должна, кажется, быть наиболѣе полной. Свойство притягивать легкіе предметы, которое они приобрѣтаютъ, будучи натираемы и свойство производить сильное сотрясеніе организма животныхъ— для насъ двѣ вещи; мы нашли бы, что онѣ тождественны, если бы могли восходить до ихъ первопричины. Вселенная для того, кто могъ бы ее обнять однимъ взглядомъ, была бы, если можно такъ выразиться, единымъ фактомъ и одной великой истиной.

ГЛАВА IV.

Различныя знанія, какъ полезныя, такъ и пріятныя, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили и происхожденіе которыхъ обусловлено было нашими потребностями, суть не единственныя, которыя нужно было разрабатывать. Есть другія, соотносительныя съ ними, которымъ люди, въ силу этого, научились въ то же время, когда занимались вышеописанными. Поэтому мы говорили бы одновременно обо всѣхъ, если бы не полагали, что болѣе умѣстно и болѣе соответствуетъ философскому порядку этого разсужденія сначала безъ перерыва разсматривать созданное людьми общее ученіе о тѣлахъ, ибо съ этого они начали, хотя къ нему вскорѣ присоединились другія. Вотъ приблизительно въ какомъ порядкѣ послѣднія должны были слѣдовать.

Выгода которую люди находили въ расширеніи круга своихъ идей, либо посредствомъ собственныхъ усилій, либо помощью себѣ подобныхъ, навлекла ихъ на мысль, что было бы полезно превратить въ искусство способъ пріобрѣтенія знаній и взаимной передачи своихъ собственныхъ мыслей; это искусство было найдено и названо логикой. Она учитъ располагать идеи въ наиболѣе естественномъ порядкѣ, связывать ихъ наиболѣе тѣсно, разлагать тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ множество простыхъ, разсматривать ихъ со всѣхъ сторонъ, наконецъ, представлять ихъ другимъ въ наиболѣе доступной пониманію формѣ. Именно въ этомъ заключается эта наука разсужденія, которая не безъ основанія считается ключемъ ко всѣмъ нашимъ знаніямъ. Не нужно, однако, думать, что она занимаетъ первое мѣсто въ порядкѣ изобрѣтенія. Искусство разсуждать—подарокъ, который природа сама дѣлаетъ здравымъ умамъ; и можно сказать, что книги, трактующія объ этомъ предметѣ, полезны только для тѣхъ, которые могутъ безъ нихъ обойтись. Большое количество справедливыхъ разсужденій было образовано задолго до того, когда логика, построенная на принципахъ, научила различать ложныя или иногда даже прикрывать ихъ остроумной и обманчивой формой.

Это столь драгоцѣнное искусство устанавливать между идеями надлежащую связь и, слѣдовательно, облегчать переходъ отъ однѣхъ къ другимъ, представляетъ собой, въ нѣкоторомъ родѣ, средство сближать до извѣстнаго предѣла людей, которые кажутся наиболѣе различными. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ наши знанія первоначально сводятся къ ощущеніямъ, которыя приблизительно одинаковы у всѣхъ людей; и искусство сочетать и сближать непосредственныя идеи добавляетъ къ нимъ, собственно говоря, только болѣе или менѣе точное расположеніе и перечисленіе, которое можетъ ихъ сдѣлать болѣе или менѣе понятными другимъ. Человѣкъ, легко комбинирующій идеи, отличается отъ того, для котораго эта операція затруднительна, не болѣе, чѣмъ составляющій себѣ сужденіе о картинѣ съ одного взгляда отличается отъ того, который можетъ ее оцѣнить лишь при послѣдовательномъ разсмотрѣніи всѣхъ ея частей: оба, при первомъ взглядѣ, получили одинаковыя ощущенія, но послѣднія только, такъ сказать, скользнули по второму; и ему нужно было только гораздо долѣе остановить свое вниманіе и разобраться въ каждомъ, чтобы довести

свое представленіе до той степени, которой первый достигъ сразу. Благодаря этому средству разсудочныя идеи перваго стали бы такимъ же путемъ доступны второму, какъ и идеи непосредственныя. Такимъ образомъ, можно, пожалуй, безъ риска сказать, что нѣтъ почти науки или искусства, которымъ, усидчивостью и помощью здравой логики, не могли бы научиться наиболѣе ограниченныя умы; ибо мало есть такихъ знаній, предложенія или правила которыхъ не могли бы быть сведены къ простымъ понятіямъ и расположены въ столь между собой непосредственнымъ порядкѣ, чтобы цѣпь нигдѣ не прерывалась. Для большей легкости операцій ума эта связь требуется въ большей или меньшей степени и преимущество величайшихъ геніальныхъ умовъ сводится къ тому, что они менѣе другихъ въ ней нуждаются или вѣрнѣе, что они образуютъ ее быстро и почти незамѣтно для себя.

Наука о сообщеніи идей не ограничивается установленіемъ порядка среди самыхъ идей; она должна еще научить выражать каждую идею по возможности наиболѣе ясно и, слѣдовательно, усовершенствовать знаки, долженствующіе ее означать; это люди также мало-по-малу сдѣлали. Языки, зародившіеся одновременно съ обществами, были сначала, безъ сомнѣнія, только довольно страннымъ собраніемъ всякаго рода знаковъ, и естественныя тѣла, дѣйствующія на наши чувства, были, слѣдовательно, первыми вещами, получившими наименованія. Но, поскольку объ этомъ можно судить, языки на этой первой стадіи образованія, будучи предназначены для немедленнаго настоятельнаго употребленія, должны были быть весьма несовершенны, недостаточно богаты и подчинены очень немногимъ точнымъ принципамъ; и безусловно необходимыя науки или искусства могли уже имѣть за собой большіе успѣхи, когда правила дикціи и стили только еще зарождались. Сообщеніе идей не можетъ, однако, мириться съ этимъ отсутствіемъ правилъ и недостаткомъ словъ: или скорѣе, оно мирилось съ этимъ лишь постольку, поскольку это было необходимо, чтобы заставить каждаго человѣка увеличивать свои собственныя знанія упорнымъ трудомъ, не разчитывая слишкомъ на другихъ. Слишкомъ легкое сообщеніе можетъ иногда вызвать оцѣпенѣніе души и вредить усиліямъ, на которыя она была бы способна. Если обратить вниманіе на чудеса слѣпорожденныхъ и глухонѣмыхъ отъ рожденія, то можно замѣтить, что могутъ сдѣлать пружины ума, когда онѣ энергичны и приведены въ дѣйствіе сопротивленіями.

Между гѣмъ, такъ какъ легкость обмѣна идей посредствомъ взаимной торговли имѣетъ также со своей стороны безспорныя преимущества, то неудивительно, что люди старались все болѣе увеличивать эту легкость. Для этого они стали изображать слова знаками, ибо послѣдніе являются, такъ сказать, символами, легче всего оказывающимися подъ руками. Сверхъ того, порядокъ происхожденія словъ слѣдовалъ порядку операцій ума: послѣ индивидуумовъ наименовали чувственныя качества, которыя, не существуя сами по себѣ, существуютъ въ этихъ индивидуумахъ и общи многимъ: мало-по-малу пришли къ этимъ отвлеченнымъ терминамъ, изъ которыхъ одни служатъ для соединенія идей вмѣстѣ, другія для означенія общихъ свойствъ тѣлъ, третьи для выраженія чисто духовныхъ понятій. Всѣ эти термины, которымъ дѣти научаются лишь спустя столь долгое время, потребовали, безъ сомнѣнія, еще больше времени для того, чтобы ихъ найти.

Наконецъ, выработавъ для употребленія словъ правила, образовали грамматику, которую можно разсматривать, какъ одну изъ отраслей логики. Освѣщенная тонкой и остроумной метафизикой, она различаетъ оттѣнки идей, научаетъ означать эти оттѣнки различными знаками, даетъ правила для наиболѣе выгоднаго употребленія этихъ знаковъ, открываетъ часто помощью этого философскаго духа, спускающагося до источника всего, смыслъ кажущагося страннымъ выборомъ, предпочитающаго одинъ знакъ другому, и, наконецъ, оставляетъ національному капризу, называемому привычкою, только то, чего она его безусловно лишить не можетъ.

Люди, обмѣниваясь идеями, стараются сообщать другимъ также свои страсти. Этого они достигаютъ посредствомъ краснорѣчія. Имѣя своимъ назначеніемъ говорить чувству, какъ логика и грамматика говорятъ разуму, оно налагаетъ молчаніе даже на разсудокъ; и чудеса, которыя оно часто производитъ подъ руками одного на цѣлый народъ, являются, можетъ-быть, наиболѣе яркимъ доказательствомъ превосходства одного человѣка надъ другимъ. Но вотъ что странно: считали возможнымъ замѣнять правилами это столь рѣдкое дарованіе. Это почти то же самое, что втиснуть геній въ нормы. Тотъ, кто первымъ предположилъ, что искусство дѣлаетъ ораторовъ, либо самъ не отличался этимъ талантомъ, либо былъ весьма неблагодарнымъ по отношенію къ природѣ. Она только одна можетъ создать краснорѣчиваго человѣка. Люди суть первая книга, которую нужно изучить для того, чтобы имѣть успѣхъ въ этой области; вторая—это великіе образцы; а все то, что эти знаменитые писатели оставили намъ философскаго и глубоко продуманнаго объ ораторскомъ талантѣ доказываетъ только трудность имъ подражать. Слишкомъ просвѣщенные для того, чтобы считать возможнымъ открыть своими наставленіями доступъ къ трибунѣ, они безъ сомнѣнія, хотѣли только указать опасности пути. Что касается педантическихъ ребячествъ, которыя украсились именемъ риторики, или, вѣрнѣе, которыя послужили только для того, чтобы сдѣлать это имя смѣшнымъ, и которыя по отношенію къ ораторскому искусству являются тѣмъ же, чѣмъ была схоластика для истинной философіи, то они способны дать о краснорѣчій только наиболѣе ложное и наиболѣе варварское представленіе. Тѣмъ не менѣе, хотя ихъ вредъ становится почти всеобщимъ признаннымъ, положеніе, которое они издавна заняли, образуя отдѣльную отрасль человѣческаго знанія, не позволяетъ еще ихъ изгнать; ради чести нашего разсудка это время, можетъ-быть, однажды наступитъ.

Намъ мало жить съ нашими современниками и господствовать надъ ними. Побуждаемые любопытствомъ и себялюбіемъ и стремясь въ силу естественной жадности одновременно обнять прошлое, настоящее и будущее, мы хотимъ въ то же время жить съ нашими потомками и сознать, что жили съ нашими предшественниками. Отсюда происхожденіе и разработка исторіи, которая, соединяя насъ съ прошедшими вѣками черезъ зрѣлище ихъ пороковъ и добродѣтелей, ихъ знаній и заблужденій, передаетъ картину нашей дѣятельности будущимъ.

Именно здѣсь научаешься цѣнить людей только по ихъ добрымъ дѣламъ, а отнюдь не по окружающему ихъ великолѣпію: государи, эти довольно несчастные люди, такъ какъ все содѣйствуетъ скрытію отъ нихъ истины, могутъ сами заранѣе судить себя предъ этимъ неподкупнымъ и страшнымъ трибуналомъ; отношеніе

исторіи къ тѣмъ изъ ихъ предшественниковъ, на которыхъ они похожи, подобіе того, что будущія поколѣнія будутъ о нихъ говорить.

Хронологія и географія суть два отпрыска и двѣ подпорки для интересующей насъ въ данный моментъ науки: одна разсматриваетъ людей относительно времени; другая распредѣляетъ ихъ на нашей планетѣ. Обѣ находятъ большую помощь въ исторіи земли и исторіи неба, т.-е. въ историческихъ фактахъ и небесныхъ наблюденіяхъ; и если бы умѣстно было здѣсь выразиться на языкѣ поэтовъ, то можно было бы сказать, что наука о временахъ и наука о мѣстахъ суть дочери астрономіи и исторіи.

Одна изъ главныхъ выгодъ изученія имперій и ихъ революцій—это возможность узнать, какъ люди, раздѣленные, такъ сказать, на множество большихъ семействъ, образовали различныя общества, какъ здѣсь зарождались различныя формы государственнаго устройства; какимъ образомъ эти общества старались отдѣляться другъ отъ друга, какъ посредствомъ различія въ законодательствѣ, такъ и помощью особыхъ знаковъ, которые каждое изобрѣтало для того, чтобы его члены легче общались между собою. Таковъ источникъ этого различія въ языкахъ и законахъ, которое, къ нашему несчастью, стало важнымъ предметомъ изслѣдованія. Таково также происхожденіе политики, того вида морали особаго и высшаго порядка, къ которой принципы обыкновенной морали могутъ иногда лишь съ большою тонкостью приспособляться и которая, проникая въ главныя пружины управленія государства, вскрываетъ то, что можетъ служить для ихъ сохраненія, ослабленія или разрушенія: наука, пожалуй, наиболѣе трудная изъ всѣхъ, такъ какъ для изучающихъ ее необходимы знанія о народахъ и людяхъ и наличность обширныхъ и разнообразныхъ дарованій; въ особенности, когда политикъ не хочетъ забыть, что естественный законъ, родоначальникъ всѣхъ частныхъ договоровъ, является также первымъ закономъ народовъ и что государственннй человѣкъ долженъ остаться также просто человѣкомъ.

Вотъ главныя отрасли этой части человѣческаго знанія, заключающейся либо въ прямыхъ идеяхъ, воспринимаемыхъ нами непосредственно чувствами, либо въ сочетаніи и сравненіи этихъ идей; сочетаніе, которое вообще называется фило-софіей. Эти вѣтви подраздѣляются на безконечное множество другихъ, подробное перечисленіе которыхъ не входитъ въ задачи этого разсужденія.

Г Л А В А V.

Такъ какъ первая операція мысли состоитъ въ сближеніи и соединеніи прямыхъ идей, то мы должны были съ этого начать и прослѣдить вытекающія отсюда различныя науки. Но понятія, образованныя путемъ сочетанія первичныхъ идей, суть не единственныя, которыя были бы доступны нашему уму. Есть другой видъ разсудочныхъ знаній, о которыхъ мы теперь должны говорить. Они заключаются въ идеяхъ, которыя мы себѣ сами образуемъ, воображая и группируя существа, подобныя тѣмъ, которыя являются предметомъ нашихъ прямыхъ идей. То именно, что называется подражаніемъ природѣ, что было столь извѣстно древнимъ и

столь поощрялось ими. Какъ прямыя идеи, дѣйствующія на насъ наиболѣе живо, легче всего нами запоминаются, такъ эти мы стараемся наиболѣе оживить въ нашей памяти посредствомъ имитаціи ихъ предметамъ. Если пріятныя вещи насъ болѣе поражаютъ, будучи реальными, какъ просто представленныя, то—что они, теряютъ въ привлекательности въ этомъ послѣднемъ случаѣ, нѣкоторымъ образомъ возмѣщается тѣмъ, что вытекаетъ изъ удовольствія подражанія. Что касается тѣхъ предметовъ, которые въ реальномъ видѣ вызвали бы только чувства печальныя или тревожныя, то ихъ имитація болѣе пріятна, чѣмъ они сами, такъ какъ она ставитъ насъ на такомъ отъ нихъ разстояніи, гдѣ мы испытываемъ удовольствіе эмоціи, не чувствуя смятенія. Въ этомъ то подражаніи вещамъ, какого бы характера онѣ ни были, способнымъ вызвать у насъ живыя или пріятныя чувства, и заключается вообще имитація прекрасной природѣ, имитація, о которой столько авторовъ писали, но о которой ни одинъ не далъ ясной идеи: либо потому, что прекрасная природа раскрывается только для тонкаго чувства, либо потому, что въ этой области границы, отдѣляющія произволь отъ истины, еще недостаточно точно установлены и оставляютъ нѣкоторое свободное пространство для мнѣнія.

Во главѣ знаній, состоящихъ въ подражаніи, должны быть поставлены живопись и скульптура, такъ какъ здѣсь имитація болѣе чѣмъ во всѣхъ остальныхъ приближаетъ представляемые ею предметы и наиболѣе непосредственно говорить чувствамъ. Къ нимъ можно присоединить искусство, порожденное необходимостью и усовершенствованное роскошью, архитектуру, которая, поднимаясь постепенно отъ хижинъ къ дворцамъ, является въ глазахъ философа, если можно такъ выразиться, только маской, украшающей одну изъ нашихъ важнѣйшихъ потребностей. Подражаніе прекрасной природѣ здѣсь менѣе поразительно и болѣе ограничено, чѣмъ въ первыхъ двухъ; послѣднія выражаютъ безразлично и безъ исключенія всѣ части прекрасной природы и представляютъ ее такъ, какъ она есть—однообразной или разнообразной; архитектура, напротивъ, ограничивается подражаніемъ, посредствомъ соединенія и связи различныхъ употребляемыхъ ею тѣлъ, симметрическому расположенію, которое природа болѣе или менѣе замѣтно соблюдаетъ въ устройствѣ каждаго индивидуума и которое столь противоположно прекрасному разнообразію цѣлаго.

Поэзія, идущая вслѣдъ за живописью и скульптурой и употребляющая для имитаціи только слова, расположенныя въ гармоничномъ порядкѣ, пріятномъ для уха, обращается скорѣе къ воображенію, чѣмъ къ чувствамъ: она представляетъ ему живо и трогательно вещи, составляющія этотъ міръ и, благодаря теплотѣ, движенію и жизни, которыя она умѣетъ имъ сообщать, кажется, что она скорѣе ихъ создаетъ, чѣмъ рисуетъ. Наконецъ, музыка, говорящая одновременно воображенію и чувствамъ, занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду имитаціи: не то, чтобы ея подражанія были менѣе совершенны, но потому, что до сихъ поръ она какъ-будто ограничивается чрезвычайно немногочисленнымъ кругомъ образовъ: обстоятельство, которое нужно менѣе приписывать ея природѣ, чѣмъ слишкомъ незначительной изобрѣтательности и весьма малымъ средствамъ большинства разрабатывающихъ ее. Объ этомъ не бесполезно будетъ высказать нѣкоторыя мысли.

Музыка, которая при своемъ зарожденіи была, быть-можетъ, предназначена только воспроизводить шумъ, стала мало-по-малу видомъ рѣчи или даже языка,

посредствомъ котораго выражаются различныя чувства души или, вѣрнѣе, ея различныя страсти. Но зачѣмъ ограничивать это выраженіе одними только страстями и не распространять его по возможности также и на ощущенія? Хотя представленія, которыя мы получаемъ помощью различныхъ органовъ, различны между собою, какъ и ихъ предметы, можно, тѣмъ не менѣе, сравнивать ихъ съ другой общей имъ всѣмъ точки зрѣнія, т.-е. исходя изъ состоянія наслажденія или тревоги, въ которое они приводятъ нашу душу. Страшный предметъ и ужасный шумъ вызываютъ въ насъ каждый въ отдѣльности эмоцію, которая можетъ служить для сближенія ихъ до извѣстнаго предѣла и которую мы часто въ одномъ и другомъ случаѣ означаемъ либо однимъ и тѣмъ же наименованіемъ, либо названіями однозначущими. Я поэтому не вижу, почему музыкантъ, которому нужно было бы изобразить страшный предметъ, не могъ бы успѣшно найти въ природѣ видъ шума, который производилъ бы въ насъ эмоцію, наиболѣе подобную эмоціи, вызываемой даннымъ предметомъ. То же самое я сказалъ бы о пріятныхъ ощущеніяхъ. Думать иначе значило бы сдвинуть границы искусства и нашихъ удовольствій. Я признаю, что изображеніе, о которомъ идетъ рѣчь, требуетъ тонкаго и глубокаго изученія оттѣнковъ нашихъ ощущеній; но именно поэтому не нужно надѣяться, что эти оттѣнки могли бы быть открыты обыкновеннымъ талантомъ. Улавливаемые гениемъ, чувствуемые человѣкомъ вкуса, замѣчаемые человѣкомъ большаго ума, они утеряны для толпы. Всякая музыка, которая ничего не изображаетъ, не болѣе какъ шумъ; и если бы не привычка, уродующая все, она не доставила бы больше удовольствія, чѣмъ рядъ гармоничныхъ словъ и звуковъ, лишенныхъ порядка и связи. Правда, что музыкантъ, старающійся все изображать, представлялъ бы намъ нерѣдко картины, совершенно недоступныя обыкновеннымъ чувствамъ; но изъ всего этого можно только заключить, что, создавъ искусство научиться музыкѣ, нужно было бы также создать искусство ее слушать.

Мы закончимъ здѣсь перечисленіе нашихъ главныхъ знаній. Если теперь разсмотримъ ихъ всѣ вмѣстѣ и поискать общихъ точекъ зрѣнія, могущихъ служить для ихъ различенія, то окажется, что одни, чисто практическія, имѣютъ цѣлью исполненіе какой-либо вещи; что другія, просто умозрительныя, ограничиваются изслѣдованіемъ своего предмета и созерцаніемъ его свойствъ; и, наконецъ, что третьи изъ спекулятивнаго изученія своего предмета выводятъ его возможное практическое примѣненіе. Умозрѣніе и практика составляютъ главное различіе, отличающее науки отъ искусствъ; и приблизительно согласно этому понятію дано были то или иное названіе каждому изъ нашихъ знаній. Нужно, однако, признать, что наши воззрѣнія въ этой области еще недостаточно устойчивы. Часто встрѣчаются затрудненія при наименованіи большинства нашихъ знаній, гдѣ спекуляція соединяется съ практикой; и въ школахъ, напримѣръ, безпрестанно обсуждается вопросъ, является ли логика искусствомъ или наукой: проблему можно было бы тотчасъ разрѣшить, отвѣчая, что логика одновременно и то и другое. Отъ сколькихъ вопросовъ и трудовъ избавились бы, если бы, наконецъ, стали ясно и точно опредѣлять значеніе словъ!

Искусствомъ можно, вообще, назвать всякую систему знаній, которую можно свести къ положительнымъ правиламъ, неизмѣннымъ и независимымъ отъ каприза или мнѣнія; и въ этомъ смыслѣ было бы позволительно сказать, что мно-

гія наши науки, будучи разсматриваемы съ ихъ практической стороны, являются искусствами. Но подобно тому, какъ существуютъ правила для операцій ума или души, точно такъ же регулируются нормами и дѣйствія тѣлъ, т.-е. тѣ, которыя, ограничиваясь внѣшними тѣлами, нуждаются для своего выполненія только въ рукѣ. Отсюда различіе между искусствами свободными и механическими и предполагаемое превосходство первыхъ надъ послѣдними. Это послѣднее предположеніе, безъ сомнѣнія, несправедливо во многихъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, какъ бы несправедливы ни были предразсудки, между ними нѣтъ ни одного, который не имѣлъ бы своего смысла, или говоря точнѣе, своей причины; философія, часто безсильная устранить злоупотребленія, можетъ, по крайней мѣрѣ, вскрыть ихъ источникъ. Такъ какъ тѣлесная сила была первымъ принципомъ, сдѣлавшимъ бесполезнымъ право, присущее всѣмъ людямъ, быть равными, то слабѣйшіе, число которыхъ всегда наибольшее, объединились съ цѣлью его уничтожить. Такимъ образомъ, они помощью законовъ и различныхъ видовъ государственнаго управленія установили условное неравенство, сила котораго не была уже принципомъ. Но, когда это послѣднее неравенство прочно укрѣпилось, люди, соединяясь вполне резонно для его сохраненія, не переставали тайно противиться ему, въ силу стремленія къ превосходству, стремленія, которое ничто не могло въ нихъ заглушить. Они стали искать своего рода вознагражденія въ менѣе произвольномъ неравенствѣ, и, такъ какъ тѣлесная сила, скованная законами, не могла уже служить средствомъ къ превосходству, то они вынуждены были остановиться на умственномъ различіи, какъ на принципѣ неравенства, столь же естественномъ, но болѣе мирномъ и болѣе полезномъ для общества.

Такъ наиболѣе благородная часть нашего существа, нѣкоторымъ образомъ, отомстила за первоначальныя преимущества, которыя захватила наиболѣе низменная, и духовныя дарованія были общепризнаны какъ превосходящія физическіе таланты. Механическія искусства, зависящія отъ ручнаго труда и подчиненныя своего рода рутинѣ, были предоставлены тѣмъ, которыхъ предразсудки низвели на послѣднюю ступень общественной лѣстницы. Бѣдность, заставлявшая этихъ людей, чаще, чѣмъ геній или вкусъ, приниматься за подобный трудъ, стала впоследствии причиной презрительнаго отношенія къ нимъ; такъ она вредитъ всему, что ей сопутствуетъ. Что касается свободныхъ профессій, то онѣ были удѣломъ тѣхъ, которые считали себя наиболѣе для этого призванными. Между тѣмъ, преимущество свободныхъ искусствъ надъ механическими, обусловленное необходимостью для первыхъ умственной работы и трудностью въ нихъ отличиться, достаточно компенсируется высшей полезностью, которую послѣдніе большей частью намъ доставляютъ. Именно эта полезность заставила сводить ихъ на чисто машинальныя операціи, дабы сдѣлать ихъ доступными массамъ. Но общество, по справедливости, почитая великихъ геніевъ, просвѣщающихъ его, отнюдь не должно унижать руки, служащія ему. Открытіе компаса не менѣе важно для человѣческаго рода, чѣмъ объясненіе свойствъ этой стрѣлки для физики. Наконецъ, разсматривая интересующій насъ въ данный моментъ принципъ различія по существу, сколько существуетъ мнимыхъ ученыхъ, наука которыхъ собственно не болѣе какъ механическое искусство? И какаѧ

реальная разница между головой, наполненной фактами безъ порядка, пользы и связи, и инстинктомъ ремесленника, приуроченнымъ къ машинальному дѣйствию?

Пренебрежительное отношеніе къ механическимъ искусствамъ какъ-будто отразилось въ нѣкоторомъ смыслѣ и на ихъ изобрѣтателяхъ. Имена этихъ благодѣтелей человѣческаго рода почти неизвѣстны, въ то время, какъ исторія его разрушителей, т.-е. завоевателей у всѣхъ на языкѣ. Между тѣмъ, именно, можетъ-быть, у ремесленниковъ нужно искать наиболѣе поразительныхъ доказательствъ проникательности разума, его терпѣнія и его средствъ. Я признаю, что большинство искусствъ было изобрѣтено лишь мало-по-малу и что, напримѣръ, для того, чтобы довести часы до ихъ нынѣшняго совершенства, долженъ былъ пройти довольно длинный рядъ вѣковъ. Но развѣ не то же самое можно сказать о наукахъ? Сколько открытій, обезсмертившихъ своихъ авторовъ, были подготовлены трудами предшествовавшихъ вѣковъ, часто даже оставались ими уже созрѣвшими, такъ что приходилось сдѣлать только одинъ шагъ? И, не выходя изъ области часового мастерства, почему тѣ, которымъ мы обязаны фузеемъ, ходомъ и репетиціей часовъ не столь-же достойны уваженія, какъ тѣ, которые послѣдовательно работали для усовершенствованія алгебры? Сверхъ того, если я знаю нѣкоторыхъ философовъ, которымъ пренебреженіе толпы къ искусствамъ не помѣшало ихъ изучать, то есть машины столь сложныя и всѣ части которыхъ столь связаны другъ съ другомъ, что трудно представить себѣ, чтобы какая-либо изъ нихъ была изобрѣтеніемъ болѣе, чѣмъ одного человѣка. Этотъ рѣдкій геній, имя котораго погружено въ мракъ забвенія, не былъ ли онъ достоинъ занять мѣсто рядомъ съ немногочисленными творческими умами, открывшими намъ новые пути въ наукахъ?

Изъ свободныхъ искусствъ, подчиненныхъ принципамъ, тѣ, которыя занимаются подражаніемъ природѣ, были названы изящными искусствами, такъ какъ ихъ предметомъ, главнымъ образомъ, является развлеченіе. Но это не единственное различіе, существующее между ними и болѣе необходимыми или болѣе полезными свободными искусствами, какъ грамматика, логика и мораль. Послѣднія имѣютъ точно и твердо установленныя правила, которыя каждый человѣкъ можетъ передавать другимъ: практика же изящныхъ искусствъ заключается преимущественно въ изобрѣтеніи, законы котораго даются только геніемъ; выработанныя для этихъ искусствъ нормы являются собственно только механической частью; онѣ оказываютъ приблизительно такія же услуги, какъ телескопъ: онѣ помогаютъ только тѣмъ, которые ими пользуются.

* * *

Изъ всего того, что мы до сихъ поръ говорили, слѣдуетъ, что различныя способности, посредствомъ которыхъ нашъ умъ оперируетъ надъ предметами, и различныя примѣненія, которыя онъ даетъ этимъ предметамъ, суть первое представляющееся намъ средство для общаго отличія нашихъ знаній другъ отъ друга. Все здѣсь относится къ нашимъ потребностямъ либо безусловной необходимости, либо удобства и развлеченія, либо даже привычки и прихоти. Чѣмъ потребности болѣе удалены или болѣе трудно удовлетворимы, тѣмъ медленнѣе появляются соотвѣтствующія

этому назначенію знанія. Какихъ бы успѣховъ не сдѣлала медицина за счетъ чисто умозрительныхъ наукъ, если бы она была столь достовѣрна, какъ геометрія?

Но есть еще другія чрезвычайно характерныя различія въ способѣ воспріятія нашихъ знаній и въ сужденіяхъ нашей души о своихъ идеяхъ. Эти сужденія означены словами: очевидность, достовѣрность, вѣроятность, чувство и вкусъ.

Очевидными являются собственно идеи, связь которыхъ разумъ замѣчаетъ сразу; достовѣрными—идеи, связь которыхъ можетъ быть открыта лишь помощью нѣкоторыхъ посредствующихъ идей или, что одно и то же, предположенія, тождество которыхъ съ принципомъ, самимъ по себѣ очевиднымъ, можетъ быть установлена только путемъ болѣе или менѣе длиннаго обхода; откуда вытекаетъ, что, въ зависимости отъ природы умовъ, то, что очевидно для одного, можетъ иногда быть только достовѣрно для другого. Беря слово очевидность и достовѣрность въ другомъ смыслѣ, можно было бы еще сказать, что первая результатъ чисто умственныхъ операцій и относится къ метафизическимъ и математическимъ построеніямъ, и что вторая болѣе свойственна физическимъ предметамъ, познаніе которыхъ плодъ постояннаго и неизмѣннаго соотношенія нашихъ чувствъ.

Вѣроятность имѣетъ главнымъ образомъ мѣсто въ области историческихъ фактовъ, вообще, относительно всѣхъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ событій, которыя мы приписываемъ своего рода случаю, такъ какъ мы не можемъ узнать ихъ причины. Часть этого знанія, имѣющаго предметомъ настоящее и прошлое, хотя бы оно было основано просто на свидѣтельствѣ, даетъ намъ увѣренность столь же сильную, какъ убѣжденіе, порождаемое аксіомами.

Чувство бываетъ двухъ видовъ. Одинъ, предназначенный для нравственныхъ истинъ, называется совѣстью; это слѣдствіе естественнаго закона и присущей намъ идеи добра и зла; и его можно было бы назвать очевидностью сердца, ибо, какъ онъ ни отличенъ отъ умственной очевидности, приписываемой умозрительнымъ истинамъ, онъ насъ, тѣмъ не менѣе, покоряетъ съ такой же властью. Другой видъ чувства спеціально проявляется въ подражаніи прекрасной природѣ и въ томъ, что называется красотой экспрессіи. Онъ порывисто улавливаетъ величественныя и поразительныя красоты, тонко вскрываетъ скрытыя и отбрасываетъ кажущіяся. Часто даже онъ произноситъ суровые приговоры, не давая себѣ труда разбираться подробно въ мотивахъ, ибо эти мотивы зависятъ отъ массы идей, которыя невозможно тотчасъ развитъ и еще меньше передать другимъ. Именно этому виду чувства мы обязаны вкусомъ и гениемъ, отличающимися другъ отъ друга тѣмъ, что гений—чувство, которое творитъ, а вкусъ—чувство, которое судитъ.

ГЛАВА VI.

Послѣ этого подробнаго описанія различныхъ частей нашихъ знаній и ихъ отличительныхъ чертъ намъ остается только образовать генеалогическое или энциклопедическое дерево, которое объединило бы ихъ подъ однимъ угломъ зрѣнія и пока-

зало бы ихъ происхожденіе и взаимныя связи. Мы въ двухъ словахъ объяснимъ назначеніе этого дерева. Но образованіе его сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями. Хотя изложенная нами выше философская исторія происхожденія нашихъ идей весьма полезна для облегченія подобнаго труда, не нужно, однако, думать, что энциклопедическое дерево должно или даже могло бы быть рабски подчинено этой исторіи. Общая система наукъ и искусствъ это своего рода лабиринтъ, извилистый путь, куда разумъ входитъ, не зная хорошенько, какого направленія держаться. Подъ вліяніемъ своихъ потребностей, а также потребностей соединеннаго съ нимъ тѣла, онъ сначала изучаетъ первые представляющіеся ему предметы. Проникая, по возможности, глубже въ познаніе этихъ предметовъ, онъ вскорѣ наталкивается на препятствія, останавливающія его, и либо въ силу надежды, или даже вѣдствіе отчаянія онъ бросается на новую тропинку. Затѣмъ онъ возвращается по протоптанной имъ дорогѣ, иногда устраняетъ первыя преграды, чтобы далѣе встрѣтить другія. И, переходя отъ одного предмета къ другому, дѣлаетъ надъ каждымъ изъ нихъ, съ различными промежутками и какъ бы скачками, рядъ операцій, перерывъ которыхъ является необходимымъ слѣдствіемъ происхожденія его идей. Но этотъ безпорядокъ, какъ бы философскимъ онъ ни былъ съ точки зрѣнія разума, изуродоваль бы или даже совершенно уничтожилъ бы энциклопедическое дерево, въ которомъ онъ былъ бы представленъ.

Сверхъ того, какъ мы уже это указали, говоря о логикѣ, большинство наукъ, разсматриваемыхъ, какъ заключающія принципы всѣхъ другихъ и долженствующихъ въ силу этого занять первыя мѣста въ энциклопедическомъ деревѣ, не находится въ такомъ же положеніи въ генеалогическомъ порядкѣ идей; ибо онѣ не были изобрѣтены первыми. Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего мы должны были изучать индивидуумы; лишь по ознакомленіи съ ихъ частными и осязательными свойствами мы, посредствомъ отвлеченія нашего ума, могли перейти къ разсмотрѣнію ихъ общихъ свойствъ и образовать метафизику и геометрію. Только послѣ долгаго употребленія изначальныхъ знаковъ мы усовершенствовали искусство этихъ знаковъ настолько, чтобы изъ него сдѣлать науку. И, наконецъ, только послѣ длиннаго ряда операцій надъ предметами нашихъ идей мы путемъ размышленія подчинили сами эти операціи правиламъ.

Наконецъ, система нашихъ знаній слагается изъ различныхъ отраслей, изъ которыхъ многія имѣютъ одну общую точку соединенія; и такъ какъ, отправляясь отъ этой точки невозможно пуститься одновременно по всѣмъ дорогамъ, то выборъ опредѣляется природой различныхъ умовъ. Поэтому очень рѣдко, чтобы одинъ человѣкъ обнималъ заразъ большое количество знаній. Въ изученіи природы люди сначала всѣ, какъ бы по общему уговору, примѣнялись къ удовлетворенію наиболѣе настоятельныхъ потребностей; но, когда они дошли до знаній не столь необходимыхъ, они должны были раздѣлиться и идти впередъ каждый со своей стороны почти равнымъ шагомъ. Такимъ образомъ, многія науки были, такъ сказать, современными; но въ историческомъ порядкѣ прогресса разума ихъ можно разсматривать только послѣдовательно.

Не такъ обстоитъ дѣло съ энциклопедическимъ порядкомъ нашихъ знаній. Послѣдній заключается въ собраніи ихъ на возможно меньшемъ пространствѣ и,

если можно такъ выразиться, въ поднятїи философа надъ этимъ обширнымъ лабиринтомъ на чрезвычайно возвышенную точку зрѣнїя, откуда онъ могъ бы одновременно охватить взоромъ все главныя науки и искусства; видѣть съ одного взгляда предметы своихъ умозрѣнїй и операціи, которыя онъ можетъ производить надъ этими предметами; различать главныя вѣтви человѣческихъ знанїй, точки, раздѣляющія или соединяющія ихъ, и иногда даже предусматривать тайные пути, сближающіе ихъ. Это своего рода карта земныхъ полушарїй, которая должна показать главныя страны, ихъ положеніе и взаимную зависимость и дорогу, раздѣляющую ихъ, въ видѣ прямой линїи; дорогу, часто прерывающуюся тысячью препятствїй, которыя могутъ быть въ каждой странѣ извѣстны только мѣстному населенію или путешественникамъ и которыя могли бы быть указаны только на спеціальныхъ, очень подробныхъ картахъ. Этими спеціальными картами и являются различныя статьи энциклопедїи, а дерево, или наглядная система ¹⁾—плоскошарїемъ.

Но, подобно тому какъ въ общихъ картахъ обитаемой нами планеты предметы оказываются болѣе или менѣе сближенными и представляютъ различную картину въ зависимости отъ точки земного шара, на которой помѣщается географъ, составляющій карту, точно такъ же форма энциклопедическаго дерева будетъ зависѣть отъ точки зрѣнїя, съ которой будетъ разсматриваться научный мїръ. Можно, такимъ образомъ, вообразить столько различныхъ системъ человѣческаго знанїя, сколько можно сдѣлать картъ различной проекціи; и каждая изъ этихъ системъ сможетъ даже имѣть, за исключенїемъ другихъ, нѣкоторое частное преимущество. Совѣмъ нѣтъ такихъ ученыхъ, которые не помѣстили бы охотнѣе въ центрѣ всехъ знанїй разрабатываемую ими науку, почти такъ же, какъ первые люди помѣщали себя въ центрѣ мїра, будучи убѣждены, что вселенная была создана для нихъ. Притязанїя многихъ такихъ ученыхъ, разсматриваясь философски, нашли бы, можетъ-быть, даже помимо самолюбія, достаточно вѣскихъ причинъ для своего оправданїя.

Какъ бы то ни было, но энциклопедическое дерево, которое представило бы наибольшее число связей и отношенїй между науками, безъ сомнѣнїя заслуживало бы предпочтенїя. Но можно ли надѣяться этого достигнуть? Природа, какъ мы уже это указывали, слагается только изъ индивидуумовъ, являющихся первоначально предметомъ нашихъ ощущенїй и нашихъ непосредственныхъ представленїй. Правда, мы замѣчаемъ у этихъ индивидуумовъ свойства общія, служащія для ихъ сравненїя, и несходственныя, способствующія ихъ различенїю; и эти свойства, означенныя отвлеченными наименованїями, дали намъ возможность образовать различныя классы, по которымъ эти предметы были размѣщены. Но часто какой-нибудь предметъ, занимающій, благодаря одному или многимъ своимъ свойствамъ, мѣсто въ такомъ-то классѣ, относится, въ силу остальныхъ своихъ свойствъ, къ другому классу и могъ бы столь же основательно войти также въ послѣдній. Такимъ образомъ, въ общемъ дѣленїи необходимо царить произволъ.

Наиболѣе естественнымъ расположенїемъ было бы то, гдѣ предметы слѣдовали бы другъ за другомъ по незамѣтнымъ оттѣнкамъ, служащимъ одновременно

¹⁾ См. приложенїе. Пер.

для ихъ раздѣленія и соединенія. Но небольшое количество извѣстныхъ намъ существъ не позволяетъ намъ улавливать эти оттѣнки. Вселенная подобна обширному океану, на поверхности котораго мы замѣчаемъ нѣкоторые большіе или меньшіе острова, связь которыхъ съ материкомъ отъ насъ скрыта.

Можно было бы образовать дерево нашихъ знаній, раздѣляя ихъ либо на естественныя и изобрѣтенныя, либо на полезныя и пріятныя, либо на очевидныя, достовѣрныя, вѣроятныя и чувственныя, либо на знанія вещей и знанія знаковъ и т. д. до безконечности. Мы избрали дѣленіе, которое, намъ казалось, по возможности наиболѣе удовлетворяетъ одновременно и энциклопедическому и генеалогическому порядкамъ нашихъ знаній. Этимъ дѣленіемъ мы обязаны знаменитому автору ¹⁾, о которомъ у насъ будетъ рѣчь впереди: мы, однако, сочли нужнымъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія, о которыхъ мы своевременно дадимъ отчетъ. Но мы слишкомъ убѣждены, что въ подобномъ дѣленіи всегда еще останется мѣсто произволу, чтобы считать нашу систему единственной или наилучшей; мы будемъ удовлетворены, если нашъ трудъ не будетъ всецѣло осужденъ здравыми умами. Мы отнюдь не хотимъ уподобиться тѣмъ многочисленнымъ натуралистамъ, которыхъ современный философъ столь справедливо порицалъ и которые, занимаясь безпрестанно дѣленіемъ произведеній природы на роды и виды, потратили на этотъ трудъ время, которое они съ большей пользой могли бы употребить на изученіе этихъ предметовъ. Что сказали бы объ архитекторѣ, который, имѣя возвести громадное зданіе, ухлопалъ бы всю свою жизнь на составленіе плана; или о любителѣ, который, желая осмотрѣть обширный дворецъ, убилъ бы все свое время на обзорніе входа?

Г Л А В А VII.

Предметы, воспринимаемые нашей душой суть либо духовныя либо матеріальныя, и она воспринимаетъ ихъ либо черезъ прямыя, либо черезъ разсудочныя идеи. Система непосредственныхъ знаній можетъ представлять собой только чисто пассивное и какъ бы машинальное собраніе этихъ самыхъ знаній, именно то, что называется мемуаромъ. Размышленіе, какъ мы уже видѣли, бываетъ двоякое: или оно разсуждаетъ о предметахъ прямыхъ идей или оно имъ подражаетъ.

Такимъ образомъ, память, разсудокъ, въ собственномъ смыслѣ слова, и воображеніе суть три различные способа, посредствомъ которыхъ наша душа оперируетъ надъ предметами своихъ мыслей. Подъ воображеніемъ мы здѣсь отнюдь не разумѣемъ способность воспроизводить въ умѣ предметы; такъ какъ эта способность не что иное какъ память объ этихъ ощущаемыхъ предметахъ, память, которая, если бы она не была восполнена изобрѣтеніемъ знаковъ, находилась бы въ безпрерывномъ упражненіи. Воображеніе мы понимаемъ въ болѣе благородномъ и болѣе точномъ смыслѣ, именно какъ талантъ, творящій путемъ подражанія.

Эти три способности образуютъ сначала три общія дѣленія нашей системы и

¹⁾ Бэкону. Пер.

три общіе предмета человѣческихъ знаній: исторію, относящуюся къ памяти; философію, являющуюся плодомъ разсудка; и изящныя искусства, создаваемые воображеніемъ. Помѣщая разсудокъ раньше воображенія, мы такой порядокъ считаемъ хорошо обоснованнымъ и соответствующимъ естественному прогрессу операцій ума: воображеніе способность творческая, а умъ, прежде, чѣмъ намѣреваться творить, начинаетъ съ разсужденія о томъ, что онъ видитъ или что онъ знаетъ. Другая причина, побуждающая помѣщать разсудокъ раньше воображенія, заключается въ томъ, что въ этой послѣдней душевной способности другія двѣ до извѣстной степени участвуютъ и что разсудокъ здѣсь присоединяется къ памяти.

Умъ создаетъ и воображаетъ предметы лишь постольку, поскольку они подобны тѣмъ, которые онъ познаетъ черезъ прямыя идеи или посредствомъ ощущеній: чѣмъ болѣе онъ удаляется отъ этихъ предметовъ, тѣмъ продукты его творчества являются болѣе причудливыми или менѣе пріятными. Итакъ, въ подражаніи природѣ само изобрѣтеніе подчинено нѣкоторымъ правиламъ; и именно эти правила составляютъ, главнымъ образомъ, философскую часть изящныхъ искусствъ, которая еще понынѣ довольно несовершенна, такъ какъ она можетъ быть только дѣломъ рукъ гевія, а гевій любитъ лучше творить, чѣмъ спорить.

Наконецъ, если прослѣдить поступательный ходъ разсудка въ его послѣдовательныхъ операціяхъ, то придется еще разъ убѣдиться, что онъ долженъ предшествовать воображенію въ порядкѣ нашихъ способностей. Дѣло въ томъ, что разсудокъ въ конечномъ счетѣ приводитъ нѣкоторымъ образомъ къ воображенію: ибо его заключительныя операціи надъ предметами сводятся только, такъ сказать, къ созданію общихъ существъ, которыя, будучи отдѣлены отъ своего предмета отвлеченіемъ, не находятся уже болѣе въ непосредственномъ общеніи съ нашими чувствами. Поэтому изъ всѣхъ наукъ, принадлежащихъ разсудку, именно въ метафизикѣ и геометріи, воображеніе имѣетъ наибольшее примѣненіе. Я извиняюсь передъ нашими глубокомысленными поносителями геометріи; они, безъ сомнѣнія, не полагали, что находятся съ ней въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ и что, быть-можетъ, только метафизика ихъ отъ нея отдѣляетъ.

Воображеніе не менѣе дѣйствуетъ въ творествѣ геометра, чѣмъ въ изобрѣтеніи поэта. Правда, они различно оперируютъ надъ предметомъ; первый его разоблачаетъ и анализируетъ, второй его слагаетъ и украшаетъ. Правда также, что эти различные способы дѣйствія присущи только различнымъ видамъ умовъ; и именно поэтому таланты великаго геометра и дарованія великаго поэта никогда, можетъ-быть, не окажутся совмѣстно у одного счастливаго обладателя. Но какъ бы то ни было, исключаютъ или не исключаютъ они другъ друга, они отнюдь не въ правѣ взаимно другъ друга презирать. Изъ всѣхъ великихъ людей древности Архимедъ, можетъ-быть, наиболѣе заслуживаетъ занять мѣсто рядомъ съ Гомеромъ. Я надѣюсь, что мнѣ, какъ геометру, любящему свое искусство, читатель проститъ это отступленіе и не обвинитъ въ преувеличенномъ восхваленіи, и возвращаюсь къ моему предмету.

Общее раздѣленіе существъ на духовныя и матеріальныя допускаетъ подраздѣленіе на три главныя вѣтви. Исторія и философія одинаково занимаются этими двумя видами существъ, а воображеніе работаетъ только по образцамъ матеріаль-

ныхъ предметовъ; это обстоятельство лишній разъ доказываетъ правильность помѣщенія этой способности на послѣднемъ мѣстѣ. Во главѣ духовныхъ существъ стоитъ Богъ, долженствующій занимать первый рядъ въ силу своей природы и вслѣдствіе присущихъ намъ потребностей познать его. Ниже этого высшаго Существа находятся сотворенные духи, о бытіи которыхъ намъ говоритъ ихъ откровеніе. Затѣмъ идетъ человекъ, который, будучи составленъ изъ двухъ началъ, своей душой примыкаетъ къ духамъ, а своимъ тѣломъ къ матеріальному міру; и, наконецъ, эта обширная вселенная, которую мы называемъ тѣлеснымъ міромъ или природой. Мы не знаемъ, почему знаменитый авторъ, служащій намъ путеводителемъ въ этомъ распредѣленіи, помѣстилъ въ своей системѣ природу раньше человека; кажется, что, напротивъ, все говоритъ за то, что человекъ долженъ находиться въ промежуткѣ, отдѣляющемъ Бога и духовъ отъ тѣлъ.

Исторія, поскольку она относится къ Богу, заключаетъ въ себѣ откровеніе или преданіе и съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія дѣлится на священную исторію и на исторію церковную. Исторія человека имѣетъ предметомъ либо его дѣйствія, либо его знанія, и она, слѣдовательно, гражданская или научная, т.-е. она обнимаетъ великія націи и великихъ геніевъ, королей и ученыхъ, завоевателей и философовъ. Наконецъ, исторія природы описываетъ наблюдаемыя безчисленныя произведенія послѣдней и образуетъ огромное количество отраслей, почти равное числу этихъ различныхъ произведеній. Между этими различными отраслями должна быть выдѣлена исторія и искусствъ, разсказывающая, какъ люди употребляли произведенія природы, чтобы удовлетворить свои потребности или свое любопытство.

Таковы главные предметы памяти. Перейдемъ теперь къ способности размышляющей и разсуждающей. Такъ какъ существа, какъ духовныя, такъ и матеріальныя, надъ которыми она оперируетъ, имѣютъ нѣкоторыя общія свойства, какъ бытіе, возможность, продолжительность, то изслѣдованіе этихъ свойствъ образуетъ сначала ту вѣтвь философіи, принципы которой всѣ остальные отчасти заимствуютъ: она называется онтологіей, или наукой о сущемъ, или общей метафизикой. Отсюда мы спускаемся къ различнымъ отдѣльнымъ существамъ, и дѣленія, которыя допускаетъ наука о каждомъ изъ нихъ, образованы по тому же плану, какъ дѣленіе исторіи.

Наука о Богѣ, называемая богословіемъ, имѣетъ двѣ вѣтви: богословіе естественное, гдѣ познаніе Бога только продуктъ разума,—наука не отличающаяся обширностью; откровенное богословіе черпаетъ изъ священной исторіи гораздо болѣе совершенное знаніе объ этомъ Существовѣ. Изъ этой послѣдней вѣтви вытекаетъ наука о сотворенныхъ духахъ. Мы и здѣсь нашли нужнымъ уклониться отъ нашего автора. Намъ кажется, что наука, разсматриваемая какъ принадлежащая разсудку, отнюдь не должна быть раздѣлена, какъ онъ это сдѣлалъ, на богословіе и философію; ибо откровенное богословіе не что иное, какъ разсудокъ, примѣненный къ фактамъ откровенія: можно сказать, что она примыкаетъ къ исторіи своими догматами и къ философіи слѣдствіями, которыя она изъ этихъ догматовъ выводитъ. Такимъ образомъ, отдѣлить богословіе отъ философіи значило бы оторвать отъ ствола отпрыскъ, который сама природа съ нимъ соединила. Кажется также,

что наука о духахъ ближе стоитъ къ откровенному, чѣмъ къ естественному богословію.

Первая часть науки о человѣкѣ—это наука о душѣ; и эта наука имѣетъ цѣлью либо умозрительное познаніе человѣческой души, либо изученіе ея дѣйствій. Умозрительное познаніе души вытекаетъ частью изъ естественнаго, частью изъ откровеннаго богословія и называется пневматологіей или частной метафизикою. Познаніе ея операций подраздѣляется на двѣ отрасли, такъ какъ эти операции могутъ имѣть предметомъ либо открытіе истины, либо практику добродѣтели. Открытіе истины, являющееся цѣлью логики, порождаетъ искусство передавать ее другимъ; такъ, логику мы примѣняемъ отчасти ради нашей собственной выгоды, отчасти въ интересахъ подобныхъ намъ существъ; правила нравственности менѣе относятся къ изолированному человѣку и необходимо предполагаютъ его въ обществѣ съ другими людьми.

Наука о природѣ—не что иное, какъ наука о тѣлахъ. Но такъ какъ тѣла имѣютъ общія обычныя имъ свойства, какъ непроницаемость, подвижность, протяженность, то наука о природѣ должна также начинаться съ изученія этихъ свойствъ: они имѣютъ, такъ сказать, чисто интеллектуальную сторону, благодаря которой они открываютъ необозримое поле для спекуляцій ума и матеріальную и чувственную сторону, позволяющую ихъ измѣрять. Интеллектуальное умозрѣніе принадлежитъ къ общей физикѣ, являющейся, собственно говоря, только метафизикою тѣлъ; измѣреніе—предметъ математики, дѣленія которой распространяются почти до безконечности.

Эти двѣ науки приводятъ къ частной физикѣ, изучающей тѣла сами по себѣ и занимающейся только индивидами. Между тѣлами, свойства которыхъ намъ важно знать, наше тѣло должно быть на первомъ мѣстѣ и непосредственно за нимъ должны слѣдовать тѣ, знаніе которыхъ наиболѣе необходимо для нашего сохраненія; откуда вытекаютъ анатомія, земледѣліе, медицина и ихъ различныя вѣтви. Наконецъ, всѣ естественныя тѣла, будучи подчинены нашему изслѣдованію, даютъ въ результатъ другія безчисленныя части описательной (гаисоппé) физики.

Живопись, скульптура, архитектура, поэзія, музыка и ихъ различныя дѣленія составляютъ третій общій раздѣлъ, создаваемый воображеніемъ и части котораго обнимаются именемъ изящныя искусства. Можно было бы также заключить ихъ подъ общимъ наименованіемъ живопись, ибо всѣ изящныя искусства сводятся къ изображенію и различаются только средствами, которыми они пользуются; наконецъ, можно было бы всѣ относить къ поэзіи, беря это слово въ его естественномъ значеніи, являющемся не чѣмъ инымъ, какъ изобрѣтеніемъ или твореніемъ.

* * *

*

Таковы главныя части нашего энциклопедическаго дерева; болѣе подробно онѣ будутъ описаны въ концѣ этого разсужденія. Мы сдѣлали родъ карты, которую снабдили объясненіемъ болѣе обширнымъ, чѣмъ только что изложенное. Эта карта и объясненіе къ ней были уже напечатаны въ проспектъ энциклопедіи, какъ бы для того, чтобы развѣдать вкусъ публики; мы сдѣлали въ нихъ

нѣкоторыя измѣненія, которыя легко будетъ замѣтить и которыя суть плоды либо нашихъ размышленій, либо совѣтовъ нѣкоторыхъ философовъ, интересующихся нашимъ произведеніемъ. Если просвѣщенная публика одобритъ эти измѣненія, мы будемъ вознаграждены за нашу послушность; въ противномъ случаѣ намъ останется только глубоко убѣдиться въ невозможности образовать энциклопедическое дерево, которое удовлетворило бы всѣхъ.

Общее дѣленіе нашихъ знаній согласно нашимъ тремъ способностямъ имѣеть то преимущество, что оно могло бы также представить тройное раздѣленіе міра литераторовъ на эрудитовъ, философовъ и беллетристовъ: такъ что, сдѣлавъ энциклопедическое дерево наукъ, можно было-бы образовать по тому же плану дерево ученыхъ. Память—талантъ первыхъ; проницательность принадлежитъ вторымъ; послѣднимъ дана въ удѣлъ пріятность. Такимъ образомъ, разсматривая память какъ начало размышленія и добавляя къ ней размышленіе, сочетающее и подражающее, можно было бы вообще сказать, что большее или меньшее число разсудочныхъ идей и природа этихъ идей составляютъ большее или меньшее различіе, существующее между людьми; что размышленіе, взятое въ наиболѣе обширномъ смыслѣ слова, образуетъ характеръ ума и что оно является отличительнымъ признакомъ различныхъ видовъ послѣдняго. Впрочемъ, три вида республикъ, по которымъ мы только что распредѣлили ученыхъ, обыкновенно имѣютъ только ту общую черту, что другъ друга не особенно высоко цѣнятъ. Поэтъ и философъ взаимно считаютъ другъ друга безумцами, питающимися нелѣпостями: оба разсматриваютъ эрудита, какъ своего рода скрягу, думающаго только о накопленіи, который, самъ не наслаждаясь, сваливаетъ въ кучу простые металлы съ наиболѣе драгоцѣнными; и эрудитъ, видящій всюду только слова, гдѣ онъ не читаетъ о фактахъ, презираетъ поэта и философа, какъ людей, считающихъ себя богатыми, потому что живутъ не по средствамъ.

Такъ мстятъ люди за преимущества, которыхъ они сами лишены. Литераторы лучше понимали бы свои интересы, если бы вмѣсто того, чтобы изолироваться, признали бы потребность, которую они взаимно имѣютъ въ своихъ трудахъ, и выгоды, которыя они взаимно изъ нихъ извлекаютъ. Безъ сомнѣнія, общество своими главными развлеченіями обязано художникамъ, а просвѣщеніемъ философамъ; но ни одни ни другіе не чувствуютъ, насколько они въ долгу у памяти: она заключаетъ въ себѣ сырой матеріалъ всѣхъ нашихъ знаній, и труды эрудита часто доставляли философу или поэту разрабатываемые имъ сюжеты. Когда древніе называли музу дочерью памяти, сказалъ одинъ современный авторъ, они, можетъ-быть, чувствовали, насколько эта способность нашей души необходима для всѣхъ другихъ: римляне ей воздвигали храмы, какъ Судьбѣ.

Намъ остается сдѣлать два замѣчанія относительно энциклопедическаго порядка нашихъ знаній. Во-первыхъ, было бы нелѣпо искать непосредственной связи между любыми двумя науками. Такъ, напрасно старались бы найти тайныя узы, которыми коническое сѣченіе могло бы быть сближено съ винительнымъ падежомъ. Энциклопедическій порядокъ отнюдь не предполагаетъ, чтобы всѣ науки прямо касались другъ друга. Онѣ суть вѣтви, исходящія изъ одного и того же ствола, именно изъ человѣческаго ума; эти вѣтви часто не имѣютъ между собой

никакой непосредственной связи и многія соединены только самимъ стволемъ. Такъ, коническое сѣченіе принадлежитъ геометріи; геометрія приводитъ къ частной физикѣ, послѣдняя къ общей физикѣ, общая физика къ метафизикѣ, а метафизика очень близка къ грамматикѣ, которой принадлежитъ слово винительный падежъ; но когда этотъ послѣдній предѣлъ достигнуть только что указаннымъ нами путемъ, онъ оказывается столь удаленнымъ отъ отправного пункта, что послѣдній совсѣмъ теряется изъ виду.

Во-вторыхъ, не нужно приписывать нашему энциклопедическому дереву больше достоинствъ, чѣмъ мы сами за нимъ считаемъ. Употребленіе общихъ дѣленій выражается въ собраніи чрезвычайно большого количества предметовъ: но не слѣдуетъ думать, что оно могло бы замѣнить изученіе этихъ предметовъ. Это своего рода перечисленіе знаній, которыя можно пріобрѣтать; перечисленіе, безцѣльное для того, кто хотѣлъ бы имъ удовлетвориться, и полезное для того, кто хочетъ идти дальше. Одна статья, тракующая объ отдѣльномъ предметѣ науки или искусства, болѣе содержательна, чѣмъ всѣ дѣленія и подраздѣленія, которыя можно образовать изъ общихъ терминовъ; и, примѣняя здѣсь сравненіе, приведенное выше о географическихъ картахъ, тотъ, кто принялъ бы энциклопедическое дерево за все знаніе, не ушелъ бы дальше того, кто, получивъ изъ географическихъ картъ общее представленіе о земномъ шарѣ и его главныхъ частяхъ, возомнилъ бы себя знающимъ различныя народы, населяющіе его, и отдѣльныя государства, его составляющія. Разматривая нашу наглядную систему, нужно въ особенности не забывать, что представляемый ею энциклопедическій порядокъ весьма значительно отличается отъ генеалогическаго порядка операцій ума; что науки, занимающіяся общими существами, полезны лишь постольку, поскольку онѣ приводятъ къ наукамъ, имѣющимъ предметомъ частныя существа; что въ дѣйствительности бываютъ только частныя существа, и что если нашъ умъ создалъ общія, то только для того, чтобы имѣть возможность легче изучить, одно послѣ другого, свойства, которыя по своей природѣ сосуществуютъ одновременно въ одной и той же субстанціи и которыя физически не могутъ быть отдѣлены. Эти размышленія являются плодомъ и результатомъ всего того, что мы до сихъ поръ говорили; и ими мы также заканчиваемъ первую часть этого разсужденія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Развитіе наукъ.

Г Л А В А VIII.

Намъ не бесполезно будетъ теперь посмотрѣть, каково въ настоящее время состояніе наукъ и искусствъ, и показать, черезъ какія ступени онѣ послѣдовательно прошли. Метафизическое изложеніе происхожденія и связи наукъ было намъ весьма полезно для образованія энциклопедическаго дерева, историческое же представленіе порядка, въ которомъ наши знанія постепенно зарождались, будетъ не менѣе полезно, чтобы насъ самихъ просвѣтить, какимъ образомъ мы должны передавать эти знанія читателямъ. Сверхъ того, исторія наукъ естественно связана съ именами тѣхъ немногочисленныхъ великихъ геніевъ, произведенія которыхъ способствовали распространенію просвѣщенія среди людей, а также оказали общее содѣйствіе нашей энциклопедіи; мы считаемъ себя поэтому обязанными воздать имъ здѣсь должное.

Чтобы не восходить слишкомъ далеко, остановимся на возрожденіи наукъ.

Прослѣживая успѣхи разума, начиная съ этой памятной эпохи, мы замѣчаемъ, что прогрессъ совершался именно въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онъ естественно долженъ былъ совершаться. Начали съ эрудиціи, перешли къ изящнымъ искусствамъ и кончили философіей. Этотъ порядокъ, правда, отличается отъ того, который соблюдаетъ человѣкъ, предоставленный своимъ собственнымъ знаніямъ или ограниченный сношеніями со своими современниками, отъ порядка, который мы, главнымъ образомъ, рассматривали въ первой части этого разсужденія: дѣйствительно, мы показали, что изолированный умъ долженъ встрѣчать на своемъ пути философію раньше изящныхъ искусствъ. Но выходя изъ длиннаго промежутка невѣжества, которому предшествовали просвѣщенные вѣка, воскресеніе идей, если можно такъ выразиться, должно было необходимо отличаться отъ ихъ первоначальнаго рожденія. Мы постараемся это объяснить.

Образцовыя произведенія, которыя древніе оставили намъ почти во всѣхъ областяхъ, были забыты въ теченіе двѣнадцати вѣковъ. Принципы наукъ и искусствъ были утеряны, ибо красивое и истинное, которыя, казалось, со всѣхъ сторонъ открывались людямъ, не поражали ихъ, по крайней мѣрѣ, когда они не были заранѣе къ этому подготовлены. Это не значитъ, что эти несчастныя времена были болѣе чѣмъ другія бесплодны относительно рѣдкихъ геніевъ; природа всегда одна и та же; но что могли дѣлать эти великіе люди, разсѣянные, какъ это всегда бы-

васть, вдали другъ отъ друга, занятые различными предметами и предоставленные безъ надлежащаго образованія, единственно только своимъ знаніямъ? Идеи, прибрѣтаемыя изъ чтенія и черезъ общество, являются зародышемъ почти всѣхъ открытій. Это воздухъ, которымъ дышать, не думая объ этомъ, и которому обязаны жизнью; а люди, о которыхъ мы говоримъ, были лишены такого блага. Они канули въ вѣчность, подобно первымъ создателямъ наукъ и искусствъ, которыхъ ихъ знаменитые наслѣдники заставили забыть и которые, если бы послѣдніе имъ предшествовали, точно также изгладили бы память о нихъ. Тотъ, кто первымъ сдѣлалъ колеса и шестерню, изобрѣлъ бы часы въ другомъ вѣкѣ, и Герберъ (Gerbert) во времена Архимеда, пожалуй, сравнился бы съ нимъ.

Между тѣмъ, большинство умныхъ людей этихъ мрачныхъ временъ величали себя поэтами или философами. Что, въ самомъ дѣлѣ, стоило имъ присвоить себѣ два титула, украшеніе которыми сопряжено со столь немногими расходами и носители которыхъ всегда воображаютъ, что они не обязаны позаимствовать у другихъ знанія? Они считали бесполезнымъ искать образцовъ поэзіи въ произведеніяхъ грековъ и римлянъ, языки которыхъ болѣе не употреблялись; за дѣйствительную философію древнихъ они приняли уродовавшій ее варварскій переводъ. Поэзія превратилась у нихъ въ ребяческій механизмъ: глубокое изслѣдованіе природы и великое изученіе человѣка были замѣнены тысячею вздорныхъ вопросовъ объ отвлеченныхъ и метафизическихъ существахъ, — вопросовъ, правильное или ошибочное разрѣшеніе которыхъ часто требовало большой ловкости и, слѣдовательно, злоупотребленія разумомъ. Если къ этому безпорядку добавить состояніе рабства, въ которое почти вся Европа была погружена, опустошенія суетвѣрія, порождаемаго невѣжествомъ и въ свою очередь насаждающаго его, то ясно станетъ, что не было недостатка въ препятствіяхъ, отдалявшихъ возвращеніе разума и вкуса; ибо только свобода дѣйствовать и мыслить способна производить великое и она нуждается только въ указаніяхъ, которыя предохраняли бы ее отъ излишествъ.

Поэтому для того, чтобы человѣчeskій родъ вышелъ изъ варварства, ему нужно было пережить одинъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые точно заставляютъ землю покрыться новой поверхностью: Греческая имперія разрушена, изъ ея развалинъ стекаютъ въ Европу оставшіяся еще въ мірѣ немногочисленные знанія; изобрѣтеніе книгопечатанія, покровительство Медичи и Франциска перваго оживляютъ умы, и лучи свѣта начинаютъ пробиваться со всѣхъ сторонъ.

* * *

Изученіе языковъ и исторіи, по необходимости оставленное въ продолженіе вѣковъ невѣжества, прежде всего привлекло къ себѣ вниманіе. Человѣчeskій разумъ, по выходѣ изъ варварства, какъ бы переживая состояніе дѣтства, жадно накоплялъ идеи, но былъ, однако, неспособенъ прибрѣтать ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, вслѣдствіе своего рода оцѣпенѣнія, въ которомъ способности души такъ долго находились. Изъ всѣхъ этихъ способностей память развивалась ранѣе, такъ какъ ее легче другихъ удовлетворить и потому, что знанія, получаемыя благодаря ея помощи, легче всѣхъ могутъ быть сохранены. Такимъ образомъ, начали не съ изслѣдованія природы, какъ должны были дѣлать первые люди: къ услугамъ человѣка

теперь было средство, котораго его отдаленные предки были лишены, именно: произведенія древнихъ, которыя, благодаря великодушю вельможъ и книгопечатанію, постепенно дѣлались извѣстными: установилось мнѣніе, что, для того, чтобы стать ученымъ, достаточно быть начитаннымъ; а читать гораздо легче, чѣмъ наблюдать. Такъ было проглочено безъ различія все, что древніе оставили въ каждой области; ихъ переводили и комментировали; и, въ силу своего рода признательности, стали ихъ обоготворять, хорошенько не зная, какова была ихъ дѣйствительная цѣнность.

Отсюда эта масса эрудитовъ, глубоко свѣдущихъ въ ученыхъ языкахъ до пренебреженія собственнымъ, которые, какъ выразился одинъ знаменитый писатель, узнали у древнихъ все, кромѣ граціи и тонкости, и которыхъ бесполезный научный балластъ дѣлалъ столь надменными; ибо украшеніями наиболѣе дешевыми обыкновенно любятъ болѣе всего наряжаться. Это были своего рода государи, которые, далеко не похожіе своими реальными заслугами на своихъ великихъ подданныхъ, чрезвычайно гордились сознаніемъ, что послѣдніе имъ принадлежать. Впрочемъ, эта заносчивость была не безъ нѣкоторой причины. Область эрудиціи и фактовъ неисчерпаема; можно, такъ сказать, съ каждымъ днемъ все больше увеличивать свой запасъ приобрѣтеніями, дѣлающимися безъ труда. Напротивъ, область разсудка и открытій довольно ограничена; и здѣсь часто, вмѣсто того, чтобы научиться тому, чего не знаешь, приходится отказываться отъ того, что, кажется, зналъ. И вотъ почему, при весьма неравныхъ достоинствахъ, эрудитъ долженъ быть гораздо болѣе тщеславенъ, чѣмъ философъ, и, пожалуй, болѣе, чѣмъ поэтъ: потому что изобрѣтающій умъ всегда недоволенъ своими успѣхами, такъ какъ онъ стремится все выше; и величайшіе геніи часто имѣютъ даже въ своемъ самолюбіи тайнаго, но строгаго судью, котораго одобреніе другихъ заставляетъ на нѣсколько мгновеній молчать, но котораго никогда не удастся подкупить. Не нужно, такимъ образомъ, удивляться, что ученые, о которыхъ идетъ рѣчь, были столь высокаго мнѣнія о себѣ, занимаясь этой громоздкой, часто вздорной и ипогда варварской наукой.

Правда, нашъ вѣкъ, считающій себя призваннымъ измѣнить законы во всѣхъ областяхъ и осуществить справедливость, не очень чтитъ этихъ, нѣкогда столь знаменитыхъ, людей. Теперь даже въ модѣ ихъ порицать; и очень многіе удовлетворяются исключительно такой ролью. Похоже на то, что презрѣніемъ, которое направляется по адресу этихъ ученыхъ, стараются ихъ наказать за ихъ преувеличенное самопочитаніе или за уваженіе, которое къ нимъ питали ихъ мало просвѣщенные современники, и что, топча ногами этихъ кумировъ, хотѣли бы стереть всякую память объ ихъ именахъ. Но всякое излишество несправедливо. Воспользуемся лучше съ признательностью работою этихъ трудолюбивыхъ людей. Для того, чтобы мы могли извлекать изъ произведеній древнихъ все цѣнное для насъ, нужно было, чтобы они взяли оттуда также и бесполезное; нельзя добывать золото изъ руды безъ того, чтобы въ одно и то же время не вытащить много негодныхъ или менѣе драгоцѣнныхъ продуктовъ; если бы они пришли позже, они, такъ же, какъ и мы, очищали бы этотъ матеріалъ. Эрудиція была, такимъ образомъ, необходима, чтобы привести насъ къ изящной словесности.

Въ самомъ дѣлѣ, не нужно было долго зачитываться древними для того, чтобы убѣдиться, что въ этихъ самыхъ произведеніяхъ, гдѣ искали факты и слова,

можно найти кое-что лучшее. Вскорѣ стали замѣчать красоты, разсыпанныя въ этихъ сочиненіяхъ щедрой рукой ихъ авторовъ; ибо, если люди, какъ мы говорили выше, узнавали истину лишь послѣ предупрежденія, то, обратно, послѣднее было для нихъ вполне достаточно. Восхищеніе древними не могло быть, конечно, болѣе сильнымъ, чѣмъ оно было до этой эпохи, но оно становилось болѣе справедливымъ; оно, однако, еще было далеко не осмысленнымъ. Полагали, что подражать имъ можно, только рабски копируя ихъ, и что хорошо говорить можно только на ихъ языкѣ. Упускалось изъ виду, что изученіе словъ—своего рода временное неудобство, необходимое для того, чтобы облегчить изученіе вещей, но что оно становится дѣйствительнымъ зломъ, когда оно задерживаетъ это изученіе; что, дабы использовать все, что у древнихъ было наилучшаго, нужно было ограничиться близкимъ ознакомленіемъ съ содержаніемъ греческихъ и римскихъ авторовъ и что трудъ, потраченный на то, чтобы писать на ихъ языкѣ, былъ потерянъ для прогресса разума. Не было обращено вниманія также на то, что если у древнихъ есть мнжество красотъ стили, утерянныхъ для насъ, то у нихъ въ силу той же причины должна быть масса скрытыхъ недостатковъ, которые рискуешь скопировать вмѣстѣ съ красотами; что, наконецъ, все то, на что можно было бы надѣяться рабскимъ употребленіемъ языка древнихъ—это выработать себѣ стиль, причудливо подобранный изъ до безконечности различныхъ стилей, стиль, который считается даже нашими новыми писателями чрезвычайно правильнымъ и восхитительнымъ, но который показался бы смѣшнымъ Цицерону или Виргилію, подобно тому, какъ мы смѣялись бы надъ произведеніемъ, написаннымъ на нашемъ языкѣ, авторъ котораго собралъ бы въ немъ фразы изъ Боссюэ, Лафонтена, Лабрюйера и Расина, будучи вполне основательно убѣжденъ, что каждый изъ этихъ писателей въ отдѣльности является превосходнымъ образцомъ.

Этотъ предразсудокъ первыхъ ученыхъ породилъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ массу поэтовъ, ораторовъ и историковъ-латинистовъ, произведенія которыхъ, нужно признать, очень часто отличаются, главнымъ образомъ, только испорченной латынью. Нѣкоторыя изъ нихъ можно сравнить съ рѣчами большинства нашихъ риториковъ, которыя, лишенная содержанія и подобныя тѣламъ безъ души, появились на французской почвѣ только для того, чтобы ихъ никто не читалъ.

Литераторы, наконецъ, мало-по-малу исцѣлились отъ этой своего рода маніи. Повидимому, виновниками этого измѣненія, по крайней мѣрѣ, отчасти, были вельможи, которые охотно становятся учеными, при условіи, чтобы это званіе доставалось имъ безъ труда, и которые хотятъ безъ изученія быть въ состояніи судить о произведеніи ума, приобрѣтая свою компетентность лишь цѣною благодарности, которыя они обѣщаютъ автору, или дружбы, которой они ему, какъ имъ кажется, оказываютъ честь. Начали понимать, что красивое, изображенное на народномъ языкѣ, ничего изъ своихъ достоинствъ не теряетъ, что оно даже приобрѣтаетъ новое преимущество, становясь доступнымъ массамъ людей, и что нѣтъ никакой заслуги говорить шаблонныя или вздорныя вещи на какомъ бы то ни было языкѣ, а тѣмъ болѣе на томъ, которымъ хуже всего владѣешь. Литераторы, такимъ образомъ, задумали усовершенствовать народные языки; сначала они стараются передать на этихъ языкахъ все то, что древніе сказали на своихъ. Между тѣмъ, влѣд-

ствіе предразсудка, освобожденіе отъ котораго стоило столько труда, вмѣсто того, чтобы обогащать французскій языкъ, начали его уродовать. Ронсаръ сдѣлалъ изъ него варварскій жаргонъ, унащенный элинизмами и латынью; но, къ счастью, онъ сдѣлалъ его достаточно неузнаваемымъ, чтобы онъ могъ стать смѣшнымъ. Вскорѣ поняли, что нужно было переносить въ нашъ языкъ красоты, а не слова древнихъ языковъ. Регулируемый и совершенствуемый вкусомъ, онъ довольно быстро пріобрѣтаетъ безконечное число оборотовъ и удачныхъ выраженій. Наконецъ, никого болѣе не удовлетворяетъ копировать римлянъ или грековъ или даже подражать имъ; стараются, насколько это возможно, ихъ превосходить и думать по-своему. Такимъ образомъ, воображеніе новыхъ писателей возродилось мало-по-малу изъ фантазій древнихъ; и почти одновременно появляются всѣ образцовыя произведенія послѣдняго вѣка въ краснорѣчїи, исторїи, поэзїи и въ различныхъ видахъ литературы.

Малербъ, питаясь чтеніемъ превосходныхъ поэтовъ древности и беря, какъ они, природу моделью, первымъ распространяетъ въ нашей поэзїи дотошъ неизвѣстныя гармонїю и красоты. Бальзакъ, теперь слишкомъ презираемый, далъ нашей прозѣ благородство и плавность. Писатели Портъ-Рояля продолжали дѣло, начатое Бальзакомъ, они добавили ту точность, тотъ удачный выборъ выраженій и ту чистоту, благодаря которымъ большинство ихъ произведеній повинѣ носить характеръ новизны и которыя отличаютъ ихъ отъ множества устарѣлыхъ книгъ, написанныхъ одновременно съ ними. Корнель, пожертвовавъ на драматическомъ поприщѣ нѣсколько лѣтъ дурному вкусу, наконецъ, освободился отъ него, открылъ силою своего генія скорѣе, чѣмъ благодаря чтенію, законы театра и изложилъ ихъ въ своихъ дивныхъ разсужденїяхъ о трагедїи, въ размысленїяхъ о каждой изъ своихъ пьесъ, но, главнымъ образомъ, въ самыхъ пьесахъ. Расинъ, пролагая себѣ иной путь, вызвалъ къ театру страсть, подобную которой не знали древніе, и раскрывая пружины челоуѣческаго сердца, соединялъ съ изяществомъ и сплошной истинностью нѣкоторыя черты величія. Буало въ своемъ трактатѣ о поэтическомъ искусствѣ (*Art poétique*), подражая Горацию, сдѣлался равнымъ ему. Мольеръ тонкимъ изображеніемъ смѣшныхъ сторонъ и нравовъ своего времени оставилъ далеко за собою комедїю древнихъ. Лафонтенъ почти заставилъ забыть Эзопа и Федра, а Боссюэ сталъ рядомъ съ Демосееномъ.

Изящныя искусства такъ связаны съ изящной словесностью, что тотъ же вкусъ, который культивируетъ одни, склоняетъ также къ совершенствованїю другой. Въ то же время, когда наша литература обогащалась столькими прекрасными произведенїями, Пуссенъ писалъ свои картины и Пуже дѣлалъ свои статуи; Лесюёръ изобразилъ Шартрскїй монастырь, а Лебрюнъ (*Le Brune*) войны Александра; наконецъ, Киноль, создатель новаго жанра, обезпечилъ себѣ безсмертіе лирическими поэмами, а Люлли далъ нашей рождающейся музыкѣ ея первыя черты.

Нужно, однако, признать, что возрожденіе живописи и скульптуры совершалось гораздо быстрѣе, чѣмъ прогрессъ поэзїи и музыки, и причину этого не трудно замѣтить. Лишь только стали изучать во всѣхъ областяхъ произведенія древнихъ, образцовыя работы послѣднихъ, въ довольно большомъ количествѣ уцѣлѣвшія отъ суевѣрїя и варварства, вскорѣ приковали къ себѣ вниманіе просвѣщенныхъ художниковъ; можно было подражать Праксителю и Фидїю, только дѣлая точно какъ

они; и таланту нужно было только хорошо видѣть; поэтому не много времени понадобилось, чтобы Рафаэль и Микель-Анджело довели свое искусство до предѣла, который понинѣ еще не перейденъ. Вообще, такъ какъ живопись и скульптура больше зависятъ отъ чувствъ, то они не могли не предшествовать поэзіи и скульптурѣ, потому что чувства должны были гораздо скорѣе реагировать на чувственные и явныя прелести классическихъ статуй, чѣмъ воображеніе могло замѣтить интеллектуальныя и неуловимыя красоты древнихъ писателей. Сверхъ того, когда оно начало ихъ открывать, подражаніе этимъ красотамъ, несовершенное въ силу своего раболѣпства и вслѣдствіе употребленія иностраннаго языка, не могло не вредить успѣхамъ самой имитаціи. Если на минуту предположить, что наши художники и скульпторы лишены своего преимущества пользоваться тѣмъ же матеріаломъ, что и древніе: если бы они, какъ наши литераторы, потратили много времени на исканіе и плохое подражаніе этому матеріалу, вмѣсто того, чтобы додуматься употребить другой для подражанія самимъ произведеніямъ, приводившимъ ихъ въ восторгъ,—то они безъ сомнѣнія, двигались бы не столь быстро и находились бы еще въ пути, ища мрамора.

Что касается музыки, то она должна была гораздо позже достигнуть нѣкоторой степени совершенства, ибо это искусство новые народы вынуждены были создать. Время уничтожило всѣ образцы, которые древніе могли намъ оставить въ этой области, и ихъ писатели, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые до насъ дошли, дали намъ объ этомъ предметѣ лишь чрезвычайно смутныя знанія или исторіи, болѣе способныя насъ удивлять, чѣмъ просвѣщать. Поэтому многіе изъ нашихъ ученыхъ, побуждаемые, быть-можетъ, своего рода любовью къ собственности, утверждали, что мы двинули это искусство гораздо дальше, чѣмъ оно остановилось у грековъ; притязаніе, которое, благодаря отсутствію памятниковъ, столь же трудно доказать, какъ и опровергнуть, и которое можетъ только довольно слабо оспариваться истинными или воображаемыми чудесами древней музыки. Было бы, пожалуй, позволительно предположить съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, что эта музыка была совершенно отлична отъ нашей; и если древняя была выше по мелодіи, то гармонія является преимуществомъ новой.

Мы были бы несправедливы, если бы не воспользовались настоящимъ случаемъ, чтобы выразить нашу признательность Италіи за все то, чѣмъ мы ей обязаны; изъ ея рукъ мы получили науки, которыя въ послѣдствіи столь обильно оплодотворили почву всей Европы; преимущественно ей мы обязаны изящными искусствами и хорошимъ вкусомъ, множество неподражаемыхъ образцовъ которыхъ она намъ дала.

Г Л А В А IX.

Этотъ расцвѣтъ искусства и изящной словесности, казалось, долженъ былъ бы сопровождаться такими же успѣхами философіи, по крайней мѣрѣ, въ нѣдрахъ каждой націи, взятой въ совокупности; между тѣмъ, она воскресла лишь гораздо позже. Это не значитъ, что въ области изящнаго вообще легче отличаться, чѣмъ въ философіи; превосходства одинаково трудно достигнуть въ любой области.

Но чтеніе древнихъ должно было быстрѣе способствовать прогрессу беллетристики и хорошаго вкуса, чѣмъ развитію естественныхъ наукъ. Для того, чтобы почувствовать литературныя красоты, не нужно на нихъ долго останавливаться; и такъ какъ люди чувствуютъ раньше, чѣмъ думаютъ, то они въ силу той же причины должны судить о томъ, что они чувствуютъ, прежде, чѣмъ о томъ, что они мыслятъ. Сверхъ того, древніе, какъ философы, были далеко не столь совершенны, какъ въ качествѣ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, хотя въ порядкѣ нашихъ идей первыя операціи разсудка предшествуютъ первымъ усиліямъ воображенія, тѣмъ не менѣе, послѣднее, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, идетъ затѣмъ быстрѣе другого; оно имѣетъ преимущество работать надъ предметами, которые оно само порождаетъ; между тѣмъ какъ разсудокъ, вынужденный ограничиваться представляющимися ему вещами и каждое мгновеніе останавливаться, исчерпываетъ себя очень часто только въ безплодныхъ исканіяхъ. Вселенная и размышленія суть первая книга истинныхъ философовъ, и древніе, конечно, ее изучали. Было, такимъ образомъ, необходимо поступать такъ же, какъ они: нельзя было ее замѣнить сочиненіями древнихъ, большая часть которыхъ погибла и изъ которыхъ немногія оставшіяся, искаженные временемъ, могли дать намъ о столь обширномъ вопросѣ лишь весьма невѣрныя и чрезвычайно извращенныя понятія.

Схоластика, составлявшая всю мнимую науку эпохи невѣжества, также вредила успѣхамъ истинной философіи въ первый вѣкъ просвѣщенія. Были убѣждены, такъ сказать, съ незапамятнаго времени, что обладаютъ ученіемъ Аристотеля во всей его чистотѣ, ученіемъ, подвергшимся толкованію арабовъ и искаженнымъ тысячею нелѣпыхъ или ребяческихъ добавленій; и даже не считали нужнымъ удостовѣриться, принадлежитъ ли дѣйствительно эта варварская философія великому человѣку, которому ее приписывали, — до того сильно было обаяніе древнихъ. Такъ, масса народовъ, рожденныхъ и укрѣпленныхъ въ своихъ заблужденіяхъ воспитаніемъ, считаютъ себя тѣмъ болѣе искренно на истинномъ пути, чѣмъ менѣе они допускаютъ малѣйшее сомнѣніе въ этомъ. Поэтому въ то самое время, когда многочисленные писатели, соперники греческихъ ораторовъ и поэтовъ, шли въ ногу съ ихъ образцами, или, пожалуй, даже превосходили послѣдніе, греческая философія, хотя весьма несовершенная, не была еще даже хорошо извѣстна.

Множество предрасудковъ, поддерживаемыхъ слѣпымъ восхищеніемъ древностью, казалось, еще болѣе упрочилось, благодаря злоупотребленію покорностью народовъ, на которое осмѣлились нѣкоторые богословы. Поэтамъ позволялось воспѣвать въ своихъ произведеніяхъ языческія божества, такъ какъ, не безъ основанія, полагали, что имена этихъ боговъ могли быть только игрой, которой нѣсколько не приходилось бояться. Если съ одной стороны религія древнихъ, оживлявшая все, открывала обширное поле воображенію художниковъ, то, съ другой, ея принципы были слишкомъ нелѣпы для того, чтобы могло существовать опасеніе, что какая-нибудь секта новаторовъ воскреситъ Юпитера и Плутона. Но боялись, или показывали видъ, что боятся, ударовъ, которые непросвѣщенный разумъ могъ наносить христіанству; какъ могли эти мнимые защитники вѣры не видѣть, что нечего страшиться такого слабого нападешя? Столь справедливое почитаніе, которое народы издревле воздаютъ христіанству, ниспосланному людямъ съ неба, всегда было обезпечено обѣщаніями самого Бога. Сверхъ того,

какъ-бы пелѣна ни была религія (упрекъ, который одна только нечестивость можетъ дѣлать нашей), никогда философы ее не разрушаютъ: когда они даже учатъ истинѣ, они удовлетворяются тѣмъ, что ее показываютъ, никого не заставляя ее познать; такая власть принадлежитъ только всемогущему Существу: только вдохновенные люди просвѣтляютъ народы, а энтузіасты ведутъ ихъ по ложнымъ путямъ. Узда, которой обязаны умѣрять своеволие фанатиковъ, отнюдь не должна вредить свободѣ, столь необходимой для истинной философіи и могущей быть столь полезной для религіи. Если христіанство освѣщаетъ нѣкоторыя темныя мѣста философіи, если невѣрующихъ можетъ покорить только благодать, то именно философія призвана заставить ихъ молчать, и, чтобы обезпечить торжество вѣры богословамъ, о которыхъ мы говоримъ, нужно было только воспользоваться оружіемъ, которое выдвигалось противъ нихъ.

Но нѣкоторые изъ этихъ людей видѣли гораздо большую выгоду въ противодѣйствіи поступательному движенію философіи. Ложно убѣжденные, что народная вѣра тѣмъ болѣе прочна, чѣмъ больше различныхъ предметовъ она обнимаетъ, они не удовлетворялись требованіемъ признанія нашихъ таинствъ, признанія, которое они заслуживаютъ, но старались возводить въ догмы свои личныя мнѣнія; и именно эти мнѣнія, а не вѣроученія они хотѣли обезопасить. Они этимъ нанесли бы самый ужасный ударъ религіи, если бы она была произведеніемъ людей; ибо существовала опасность, что народъ, плохо разбирающійся въ этомъ вопросѣ, убѣдившись однажды въ ложности этихъ мнѣній, будетъ отрицать также и истины, съ которыми хотѣли смѣшать послѣднія.

Другіе болѣе добросовѣстные богословы, но также опасные, присоединились къ первымъ изъ другихъ соображеній. Хотя религія единственно предназначена руководить нашими нравами и вѣрой, они полагали, что она создана также для того, чтобы просвѣтить насъ о міровой системѣ, т.-е. о вещахъ, которыя Всемогущій рѣшительно предоставилъ нашему обсужденію. Они не подумали о томъ, что священныя книги и произведенія отцовъ церкви, имѣющія цѣлью показать народу и философамъ, что нужно дѣлать христіанину и во что вѣрить, не должны были о безразличныхъ вопросахъ высказывать иныя чѣмъ народныя воззрѣнія.

Между тѣмъ, богословскій произволъ или предразсудокъ началъ свирѣпствовать. Трибуналь 1), который сталъ могущественнымъ на югѣ Европы, въ Индіи и въ Новомъ Свѣтѣ, но которому совѣтъ отнюдь не повелѣваетъ вѣрить, ни любовь подчиняться или, скорѣе, который отвергается религіей, хотя онъ составленъ изъ ея служителей, и имя котораго Франція не пріучилась еще произносить безъ ужаса,—этотъ трибуналь осудилъ знаменитаго астронома 2) за признаніе движенія земли и объявилъ его еретикомъ; почти какъ папа Захарія нѣсколько вѣковъ раньше осудилъ епископа за то, что онъ думалъ объ антиподахъ иначе, чѣмъ св. Августинъ, и догадался объ ихъ существованіи за шестьсотъ лѣтъ до открытія ихъ Христофоромъ Колумбомъ. Такъ, злоупотребленіе духовнаго авторитета, поддерживаемаго свѣтской властью принуждало разумъ къ молчанію; и немного недоставало до запрещенія человѣческому роду мыслить.

1) Инквизиція. Пер. 2) Джордано Бруно. Пер.

Г Л А В А X.

Между тѣмъ, какъ малопросвѣщенные или недобросовѣстные противники философіи открыто объявили ей войну, она, такъ сказать, укрывалась въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ великихъ людей, которые, не увлекаясь честолюбіемъ на опасный путь сорвать повязку съ глазъ своихъ современниковъ, исподволь, въ тѣни и молчаніи подготавливали свѣтъ, которымъ міръ долженъ былъ мало-по-малу, съ нечувствительной постепенностью освѣтиться.

Б Э К О Н Ъ.

Во главѣ этихъ выдающихся личностей долженъ быть поставленъ безсмертный канцлеръ Англій, Фрэнсисъ Бэконъ, произведенія котораго, столь справедливо превозносимыя и, однако, болѣе уважаемыя, чѣмъ извѣстныя, заслуживаютъ еще нашего чтенія болѣе, чѣмъ нашего восхваленія. Разсматривая ясные и обширные взгляды этого великаго человѣка, множество предметовъ, надъ которыми работалъ его всеобъемлющій умъ, смѣлость его стили, соединяющаго всюду наиболѣе величественные образы съ наиболѣе строгой точностью, невольно хочется признать его величайшимъ, универсальнѣйшимъ и краснорѣчивѣйшимъ изъ философовъ.

Бэконъ, рожденный въ нѣдрахъ глубокаго мрака ночи, понималъ, что философіи еще не было, хотя многіе, конечно, воображали себя выдающимися философами; ибо чѣмъ невѣжественнѣе вѣкъ, тѣмъ просвѣщеннѣе онъ считаетъ себя относительно всего того, что онъ можетъ знать. Онъ, такимъ образомъ, началъ съ обзорѣванія общимъ взглядомъ различныхъ предметовъ всѣхъ естественныхъ наукъ; онъ раздѣлилъ эти науки на различныя отрасли и сдѣлалъ для нихъ, насколько это было для него возможно, наиболѣе точное перечисленіе; онъ изслѣдовалъ то, что было уже извѣстно о каждомъ изъ этихъ предметовъ, и составилъ огромный каталогъ того, что еще осталось открыть. Это и есть цѣль его удивительнаго произведенія «О достоинствѣ и увеличеніи человѣческихъ знаній». Въ своемъ «Новомъ органонѣ наукъ» онъ совершенствуетъ взгляды, высказанные имъ въ первомъ трудѣ; онъ развиваетъ ихъ дальше и даетъ понять необходимость экспериментальной физики, о которой до него никто еще не думалъ. Врагъ системъ, онъ разсматриваетъ философію только какъ часть нашихъ знаній, долженствующую способствовать нашему нравственному улучшенію или счастью: онъ какъ-будто ограничиваетъ ее областью полезныхъ вещей и всюду рекомендуетъ изученіе природы. Другія его сочиненія написаны по тому же плану; въ нихъ все, до ихъ заглавій включительно, говоритъ о геніальномъ человѣкѣ, объ умѣ съ всеохватывающимъ кругозоромъ. Онъ здѣсь собираетъ факты, сравниваетъ опыты, указываетъ большое число предстоящихъ опытовъ; онъ зоветъ ученыхъ изучать и совершенствовать искусства, которыя онъ считаетъ наиболѣе возвышенной и наиболѣе существенной частью человѣческой науки; съ благородной простотой онъ излагаетъ свои догадки и мысли о различныхъ предметахъ, достойныхъ интеле-

ресовать людей, и онъ могъ сказать, какъ этотъ старикъ у Теренція ¹⁾, что ничто человѣческое ему не было чуждо. Естествознаніе, мораль, политика, экономика, все казалось было доступно этому свѣтлому и глубокому уму; и не знаешь, чему больше удивляться: сокровищамъ ли, которыми онъ обогащаетъ всѣ трактуемые имъ вопросы, или достоинству, съ которымъ онъ о нихъ говоритъ. Его произведенія лучше всего могутъ быть сравниваемы съ трудами Гиппократъ о медицинѣ и они встрѣтили бы не меньшее восхищеніе и не менѣ читались бы, если бы развитіе ума было столь же дорого людямъ, какъ сохраненіе здоровья; но произвести нѣкоторый шумъ могутъ только сочиненія главарей любой секты. Бэконъ не принадлежалъ къ послѣднимъ, и форма его философіи этому препятствовала: она была слишкомъ мудра, чтобы кого-нибудь удивить. Схоластика, господствовавшая въ его время, могла быть низвергнута только смѣлыми и новыми воззрѣніями, и, вѣроятно, ни одинъ философъ, который удовлетворился бы говорить людямъ: «вотъ то немногое, чему вы научились, а вотъ то, что осталось вамъ еще изучить», не поразилъ бы болѣе своихъ современниковъ.

Мы осмѣлились бы даже сдѣлать нѣкоторый упрекъ канцлеру Бэкону, что онъ, можетъ-быть, былъ слишкомъ робокъ, если бы мы не знали, съ какой осторожностью и, такъ сказать, съ какой педантической точностью должно судить такой возвышенный геній. Хотя онъ признаетъ, что схоластики обезсилили науки своими мелочными вопросами и что разумъ долженъ поступиться изученіемъ общихъ существъ ради изслѣдованія частныхъ предметовъ, тѣмъ не менѣ, въ виду частаго употребленія имъ школьныхъ терминовъ, иногда даже схоластическихъ принциповъ, и пользованія дѣленіями и подраздѣленіями, которыя тогда были сильно въ модѣ, кажется, что онъ обнаружилъ немного излишнюю уступчивость или снисходительность по отношенію къ господствующему вкусу своего времени. Этотъ великій человѣкъ, разорвавъ столько желѣзныхъ путъ, былъ еще скованъ нѣкоторыми цѣпями, которыя онъ не могъ или не смѣлъ разбить.

Мы заявляемъ здѣсь, что главнымъ образомъ мы обязаны канцлеру Бэкону энциклопедическимъ деревомъ, о которомъ шла рѣчь выше и которое приложено въ концѣ этого разсужденія. Такое же признаніе мы сдѣлали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Проспекта Энциклопедіи; мы къ нему еще вернемся и не пропустимъ случая его повторить. Однако, мы не считали для себя обязательнымъ слѣдовать точка въ точку за великимъ человѣкомъ, котораго мы открыто называемъ здѣсь своимъ учителемъ. Если мы не помѣстили, какъ это сдѣлалъ онъ, разсудокъ послѣ воображенія, то это потому, что въ энциклопедической системѣ мы держались метафизическаго порядка операцій ума скорѣе, чѣмъ историческаго хода его успѣховъ, начиная отъ возрожденія наукъ,—порядка, который знаменитый англійскій канцлеръ, можетъ-быть, имѣлъ въ виду, когда онъ, согласно его собственному выраженію, сдѣлалъ перепись и перечисленіе человѣческихъ знаній. Сверхъ того, такъ какъ планъ Бэкона отличается отъ нашего и такъ какъ науки съ тѣхъ поръ сдѣлали большой прогрессъ, то не должно удивляться, что наши пути иногда не совпадаютъ.

Такъ, кромѣ измѣненій, которыя внесены нами въ порядокъ общаго распр-

¹⁾ Древне-римскій писатель. *Пер.*

дѣленія и соображенія которыхъ уже выше были изложены, мы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, двинули дѣленія нѣсколько дальше, въ особенности, въ части, обнимающей математику и частную физику. Съ другой стороны, мы воздерживались распространить до такого же, какъ у него, предѣла дѣленіе нѣкоторыхъ наукъ, гдѣ онъ добирается до послѣднихъ вѣтвей. Эти вѣтви, долженствующія собственно входить въ составъ нашей энциклопедіи, оказались бы только, какъ мы полагаемъ, довольно бесполезнымъ балластомъ для общей системы. Ниже мы помѣщаемъ энциклопедическое дерево этого англійскаго философа; сопоставленное съ нашимъ, оно дастъ возможность легко и скоро отличить, что принадлежитъ намъ и что мы изъ него позаимствовали.

ДЕКАРТЪ.

Канцлеру Бэкону наслѣдовалъ славный Декартъ. Этотъ рѣдкій человѣкъ судьба котораго была столь разнообразна, имѣлъ все то, что нужно было для коренного преобразованія философіи: сильное воображеніе, чрезвычайно послѣдовательный умъ, знанія, почерпнутыя изъ себя болѣе, чѣмъ изъ книгъ, много мужества для нападенія на наиболѣе общепризнанные предразсудки и ни тѣни зависимости, которая заставила бы его ихъ щадить. Поэтому онъ даже при жизни испыталъ все то, что обыкновенно случается со всякимъ человѣкомъ, который слишкомъ замѣтно возвышается надъ другими. Онъ сдѣлалъ нѣсколько энтузіастовъ и имѣлъ много враговъ. Быть-можетъ, онъ зналъ свой народъ или просто ему не довѣрялъ, только онъ удалился въ совершенно свободную страну, чтобы тамъ спокойно размышлять. Хотя онъ гораздо менѣе думалъ привлекать учениковъ, чѣмъ ихъ заслужить, преслѣдованіе добралось до его убѣжища; и скрытая жизнь, которую онъ тамъ велъ, не могла его спасти. Не взирая на всю проницательность, которую онъ употребилъ для доказательства существованія Бога, онъ былъ обвиненъ духовенствомъ, — которое само, пожалуй, въ это не вѣрило, — въ томъ, что онъ Его отрицаетъ. Терзаемый и поносимый на чужбинѣ и довольно плохо принятый своими соотечественниками, онъ умеръ въ Швеціи, безъ сомнѣнія, весьма далекой отъ надежды, что его возрѣніи впослѣдствіи будутъ имѣть такой блестящій успѣхъ.

Декарта можно разсматривать либо какъ геометра, либо какъ философа. Математика, которую онъ, кажется, не очень высоко цѣнилъ, составляетъ теперь, тѣмъ не менѣе, наиболѣе прочную и наименѣе спорную часть его славы. Алгебра, созданная, нѣкоторымъ образомъ, итальянцами, чудовищно увеличенная нашимъ знаменитымъ Виетомъ, получила подъ руками Декарта новыя приращенія. Наиболѣе значительнымъ является его методъ неопредѣленностей, искусство чрезвычайно остроумное и чрезвычайно тонкое, которое впослѣдствіи сумѣли примѣнить къ множеству изслѣдованій. Но что въ особенности обезсмертило имя этого великаго человѣка — это сдѣланное имъ приложеніе алгебры къ геометріи, — идея, наиболѣе обширная и наиболѣе счастливая изъ всѣхъ, которыя человѣческой разумъ когда-либо имѣлъ, идея, которая всегда будетъ ключемъ къ наиболѣе глубокимъ изслѣдованіямъ не только въ геометріи, но во всѣхъ физико-математическихъ наукахъ.

Какъ философъ онъ, можетъ-быть, былъ столь же великъ, но не былъ

столь же счастливъ. Геометрія, которая, въ силу природы своего предмета, должна всегда пріобрѣтать, ничего не теряя, не могла, будучи руководима такимъ выдающимся гениемъ, не сдѣлать очень скоро весьма чувствительныхъ и видимыхъ всѣмъ успѣховъ. Состояніе философіи было иное; здѣсь все нужно было начать съ азовъ; а какъ дорого обходятся первые шаги въ любой области? Заслуга сдѣлать ихъ разрѣшаетъ первоуточнику не шагать широко. Если Декартъ, открывшій намъ дорогу, не ушелъ такъ далеко, какъ полагали его послѣдователи, то нельзя также согласиться, что науки ему такъ мало обязаны, какъ думаютъ его противники. Одинъ только его методъ былъ бы достаточенъ, чтобы его обезсмертить; его діоптрика—величайшее и красивѣйшее изъ сдѣланныхъ примѣненій геометріи къ физикѣ; наконецъ, всѣ его произведенія, даже наименѣе читаемыя теперь, освѣщены всюду яркимъ огнемъ генія изобрѣтателя. Если безпристрастно судить его вихри, ставшіе нынѣ почти смѣшными, то, смѣю думать, придется признать, что тогда нельзя было ничего лучшаго вообразить: астрономическія наблюденія, позволившія ихъ отвергнуть, были тогда еще несовершенны или мало установлены; ничто не было болѣе естественно, какъ предположить флюидъ, переносящій планеты; только длинный рядъ явленій, разсужденій и вычисленій, а, слѣдовательно, и длинный рядъ лѣтъ, могъ заставить отказаться отъ столь соблазнительной теоріи. Она, сверхъ того, имѣла единственное преимущество, объясняя тяготѣніе тѣлъ центробѣжной силой самого вихря, и я не боюсь впасть въ преувеличеніе—что такое объясненіе вѣса является одной изъ красивѣйшихъ и остроумнѣйшихъ гипотезъ, которыя философія когда-либо придумывала. Поэтому, для того, чтобы ее отбросить, нужно было, чтобы физики точно вопреки себѣ были увлечены теоріей центральныхъ силъ и опытами, сдѣланными долгое время спустя. Признаемъ же, что Декартъ, вынужденный создать совершенно новую физику, не могъ сдѣлать ее лучше, что ему нужно было пройти, такъ сказать, черезъ вихри, чтобы придти къ истинной системѣ міра, и что, если онъ заблуждался относительно законовъ движенія, то онъ, по крайней мѣрѣ, первымъ предсказалъ, что они должны существовать.

Его метафизика, столь же остроумная и столь же новая, какъ его физика, имѣла почти такую же судьбу; и ее можно оправдать приблизительно такими же соображеніями, ибо такова теперь судьба этого великаго челоука, имѣвшаго нѣкогда безчисленное множество сторонниковъ: нынѣ онъ можетъ разсчитывать почти только на оправдателей.

Онъ, безъ сомнѣнія, заблуждался, допуская врожденныя идеи: но если онъ удержалъ отъ перипатетиковъ единственную истину, которой они учили о происхожденіи идей изъ чувствъ, то, можетъ-быть, заблужденія, оскверняющія истину своимъ сосѣдствомъ, было наиболѣе трудно искоренить. Декартъ, по крайней мѣрѣ, дерзнулъ показать здравымъ умамъ путь къ освобожденію отъ ига схоластики, отъ мнѣнія, авторитета, однимъ словомъ, отъ предрасудковъ и варварства; и этимъ возстаніемъ, плоды котораго мы теперь собираемъ, онъ оказалъ философіи, можетъ-быть, болѣе существенную услугу, чѣмъ все то, что сдѣлали для нея всѣ его знаменитые послѣдователи.

Его можно разсматривать какъ вожака заговорщиковъ, у котораго хватило мужества подняться первымъ противъ деспотической и произвольной державы, и

который, готовя страшную революцію, положилъ основанія болѣе справедливаго и болѣе счастливаго государственнаго устройства, установленіе котораго ему не суждено было видѣть. Если онъ кончилъ убѣжденіемъ, что все объяснилъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, началъ съ сомнѣнія во всемъ; и оружіе, которымъ мы его разбиваемъ, не менѣе принадлежитъ ему, ибо мы обращаемъ его же оружіе противъ него. Сверхъ того, когда нелѣпыя воззрѣнія пускаютъ глубокіе корни, иногда бываетъ необходимо, дабы вывести человѣческій родъ на надлежащій путь, замѣнять ихъ другими заблужденіями, если ничего лучшаго нельзя сдѣлать. Сомнѣніе и тщеславіе ума таковы, что онъ всегда нуждается въ миѣни, къ которому онъ привязывается: это дитя, которому нужно подарить игрушку, чтобы отнять у него опасный предметъ; оно само броситъ эту игрушку, когда наступитъ время разсудка. Такимъ образомъ, обмѣнивая философамъ или тѣмъ, которые себя таковыми считали, старыя заблужденія на новыя, онъ ихъ, по крайней мѣрѣ, училъ не довѣрять своимъ знаніямъ, и это расположеніе первый шагъ къ истинѣ. Поэтому Декартъ преслѣдовался при жизни, какъ если бы онъ провозгласилъ ее людямъ.

Н Ъ Ю Т О Н Ъ.

Ньютонъ, путь которому былъ подготовленъ Гюйгенсомъ, наконецъ появился и далъ философіи видъ, который она, кажется, должна сохранить. Этотъ великій геній видѣлъ, что наступила пора изгнать изъ физики смутныя догадки и гипотезы или, по меньшей мѣрѣ, указать имъ ихъ настоящее мѣсто, и что эта наука должна быть подчинена исключительно опытамъ и геометріи. Быть-можетъ, именно въ силу этого соображенія онъ началъ съ изобрѣтенія исчисленія безконечнаго и метода слѣдствій, имѣющихъ столь обширное примѣненіе въ самой геометріи и приложимыхъ еще въ большей мѣрѣ для объясненія сложныхъ явленій наблюдаемыхъ въ природѣ, гдѣ все, кажется, совершается согласно своего рода безконечнымъ прогрессіямъ. Опыты вѣса тѣлъ и наблюденія Кеплера открыли англійскому философу силу, удерживающую планеты въ ихъ орбитахъ. Онъ училъ одновременно всему—и различать причины ихъ движенія и вычислять ихъ съ точностью, которую можно было бы требовать только отъ труда многихъ вѣковъ.

Творецъ совершенно новой оптики, онъ, разлагая свѣтъ, далъ возможность людямъ познать его. То, что мы могли бы добавить къ восхваленію этого великаго философа, было бы слишкомъ блѣдно въ сравненіи съ всеобщимъ признаніемъ, которымъ теперь пользуются его почти безчисленныя открытія и его геній, одновременно обширный, справедливый и глубокій. Обогативъ философію огромнымъ количествомъ реальныхъ благъ, онъ, безъ сомнѣнія, заслужилъ всю ея признательность; но онъ, можетъ-быть, сдѣлалъ для нея нѣчто большее, уча ее быть мудрой и держаться въ справедливыхъ границахъ этой своего рода смѣлости, которую обстоятельства заставили Декарта ей сообщить. Его Теорія міра (ибо я не хочу сказать Система) до того нынѣ всеобще принята, что начинаютъ оспаривать у автора честь изобрѣтенія; такъ, великіе люди сначала обвиняются въ заблужденіи, а въ концѣ концовъ, когда ихъ воззрѣнія становятся безспорными, ихъ подозреваютъ въ плагиатѣ. Я предоставляю тѣмъ, которые все находятъ у древнихъ,

открывать въ ихъ произведеніяхъ тяготѣніе планетъ, хотя бы его тамъ не было; но, допуская даже, что грекамъ была извѣстна эта идея, имѣвшая у нихъ характеръ легкомысленной и романической системы и ставшая подъ руками Ньютона доказательствомъ, это доказательство, принадлежащее ему, составляетъ дѣйствительную заслугу его открытія; и притяженіе безъ такой опоры было бы гипотезой, какъ много другихъ. Если бы какой-либо извѣстный писатель догадался предсказать теперь безъ всякаго доказательства, что люди однажды научатся дѣлать золото, развѣ наши потомки подъ этимъ предлогомъ имѣли бы право лишить славы химика, который открылъ бы философскій камень? И изобрѣтеніе зрительныхъ стеколъ принадлежитъ ли менѣе его авторамъ, хотя бы даже нѣкоторые древніе не считали невозможнымъ, что мы однажды расширимъ поле нашего зрѣнія?

Другіе ученые хотѣли бы сдѣлать Ньютону болѣе основательный упрекъ, обвиняя его, что онъ ввелъ въ физику скрытыя качества схоластиковъ и древнихъ философовъ. Но развѣ эти ученые не знаютъ, что эти два слова, лишенные смысла у схоластиковъ и обозначавшія у нихъ существо, идею котораго они себѣ воображали, были у древнихъ философовъ не чѣмъ инымъ, какъ скромнымъ выраженіемъ ихъ невѣжества? Ньютонъ, изучавшій природу, не думалъ, что знаетъ больше древнихъ о первопричинѣ, производящей явленія; но онъ не говоритъ ихъ языкомъ, чтобы не волновать современниковъ, которые не замедлили бы связать съ этимъ идею, отличную отъ той, которую онъ себѣ образовалъ. Онъ удовлетворился доказательствомъ, что вихри Декарта не могутъ объяснить движенія планетъ; что явленія и законы механики одинаково опровергаютъ ихъ; что есть сила, благодаря которой планеты стремятся одиѣ къ другимъ и начало которой намъ совершенно неизвѣстно. Онъ не отрицалъ вліянія удара; онъ ограничивался требованіемъ, чтобы имъ пользовались болѣе удачно, чѣмъ это дѣлали до сихъ поръ для объясненія движеній планетъ: его желанія не выполнены еще и, пожалуй, еще долго останутся неосуществленными. За всѣмъ тѣмъ, какое зло сдѣлалъ бы онъ философіи, позволяя думать, что матерія можетъ имѣть свойства, которыхъ мы не подозреваемъ, и показывая ложность нашей вздорной самонадѣянности, что мы ихъ всѣ знаемъ!

Что касается метафизики, то, кажется, Ньютонъ не совсѣмъ ею пренебрегалъ. Онъ былъ слишкомъ великимъ философомъ, чтобы не понимать, что она является основой нашихъ знаній и что только въ ней нужно искать ясныхъ и точныхъ понятій обо всемъ: произведенія этого глубокаго геометра позволяютъ даже полагать, что онъ образовалъ себѣ такія понятія о главныхъ предметахъ, занимавшихъ его. Однако, либо онъ былъ самъ не совсѣмъ доволенъ успѣхами, достигнутыми имъ въ метафизикѣ, либо онъ считалъ трудно выполнимымъ дать человѣческому роду достаточно удовлетворительныя или достаточно обширныя свѣдѣнія о наукѣ, весьма часто сомнительной и спорной, либо, наконецъ, онъ боялся, чтобы въ тѣни его авторитета не злоупотребляли его метафизикой, какъ это случилось съ метафизикой Декарта, для поддержки опасныхъ или ложныхъ воззрѣній,—онъ почти совершенно воздержался говорить о ней въ своихъ наиболѣе извѣстныхъ сочиненіяхъ; и то, что онъ думалъ о различныхъ предметахъ этой науки, можно узнать только изъ произведеній его учениковъ. Такимъ образомъ, такъ какъ въ этой области онъ не вызвалъ никакого переворота, мы пройдемъ молчаніемъ эту сторону его дѣятельности.

ЛОККЪ.

То, что Ньютонъ не дерзнулъ или, можетъ-быть, не могъ бы сдѣлать, Локкъ предпринялъ и успѣшно выполнилъ. Можно сказать, что онъ создалъ метафизику, почти какъ Ньютонъ физику. Онъ полагалъ, что абстракціи и вздорные вопросы, которые до тѣхъ поръ обсуждались и которые выставлялись какъ сущность философіи, составляли ту ея часть, которую въ особенности нужно было осудить. Въ этихъ отвлеченностяхъ и злоупотребленіи знаками онъ искалъ главныя причины нашихъ заблужденій, и тамъ онъ ихъ нашелъ. Чтобы познать нашу душу, ея идеи и ея движенія, онъ не изучалъ ихъ по книгамъ, такъ какъ послѣднія его плохо просвѣтили бы: онъ удовлетворился глубокимъ самонаблюденіемъ; и послѣ того, какъ онъ себя, такъ сказать, долго созерцалъ, онъ въ своемъ трактатѣ о человѣческомъ разумѣ представилъ людямъ только зеркало, въ которомъ онъ себя видѣлъ. Однимъ словомъ, онъ свелъ метафизику къ тому, чѣмъ она дѣйствительно должна быть, къ экспериментальной физикѣ души: видъ физики, чрезвычайно отличный отъ физики тѣлъ не только по своему предмету, но и по способу наблюденія. Въ послѣдней можно открывать и часто открываютъ неизвѣстныя явленія; въ первой факты, столь же древніе какъ міръ, одинаково существуютъ во всѣхъ людяхъ, и тѣмъ хуже для того, кто надѣется увидѣть новые. Описательная (*raisonnée*) метафизика можетъ заключаться, подобно экспериментальной физикѣ, только въ заботливомъ собираніи всѣхъ этихъ фактовъ, въ превращеніи ихъ въ одно тѣло, въ объясненіи однихъ посредствомъ другихъ, отличая тѣ, которые должны занимать первый рядъ и служить основаніемъ. Однимъ словомъ, принципы метафизики столь же простые, какъ аксіомы, одинаковы какъ для философовъ, такъ и для народа. Но незначительный прогрессъ, который эта наука сдѣлала за долгій періодъ времени, показываетъ, насколько рѣдко удается примѣнить эти принципы, либо вслѣдствіе трудности, съ которой сопряжено подобное предпріятіе, либо, можетъ-быть, также благодаря естественному нетерпѣнію, мѣшающему ею ограничиться. Между тѣмъ, титулъ метафизика или даже великаго метафизика еще довольно обыченъ въ нашъ вѣкъ; ибо мы любимъ имъ надѣлять всякаго; но какъ мало такихъ, которые дѣйствительно были бы достойны этого имени! Сколько есть такихъ, которые заслуживаютъ его только благодаря несчастному таланту затемнять съ большой ловкостью ясныя идеи и которые въ своихъ понятіяхъ предпочитаютъ необыкновенное истинному, отличающемуся всегда простотой? Не приходится послѣ этого удивляться, что большинство такъ называемыхъ метафизиковъ столь низко цѣнятъ другъ друга. Я нисколько не сомнѣваюсь, что это званіе скоро будетъ оскорбительнымъ для здравыхъ умовъ, какъ прозвище софиста (которое, однако, значить мудрый), униженное его носителями въ Греціи и отброшенное истинными философами.

* *

Изъ всей этой исторіи можемъ заключить, что Англія намъ обязана рожденіемъ той философіи, которую мы изъ ея рукъ получили. Отъ субстанціальныхъ формъ, пожалуй, до вихрей гораздо дальше, чѣмъ отъ вихрей до всемірнаго тяго-

тѣнія; подобно тому, какъ между чистой алгеброй и идеей приложенія ея къ геометріи, можетъ-быть, большій промежутокъ, чѣмъ между маленькимъ треугольникомъ Баррова и дифференціальнымъ исчисленіемъ.

Таковы главные геніи, которыхъ человѣческой разумъ долженъ разсматривать какъ своихъ учителей и которымъ Греція воздвигла бы статуи, если бы даже для того, чтобы сдѣлать имъ мѣсто, она вынуждена была разбить памятники нѣкоторыхъ завоевателей.

Границы этого разсужденія не позволяютъ намъ говорить о многихъ знаменитыхъ философахъ, которые, не задаваясь столь же грандіозными задачами какъ тѣ, о которыхъ мы только что бесѣдовали, сильно способствовали своими трудами прогрессу наукъ и, такъ сказать, приподняли одинъ уголъ завѣсы, скрывающей отъ насъ истину. Къ ихъ числу принадлежатъ Галилей, которому географія столько обязана за его астрономическія открытія, а механика за теорію ускоренія; Гарвей, котораго обезсмертило открытіе циркуляціи крови; Гюйгенсъ, о которомъ мы уже выше упомянули и который своими полными силы и огня произведеніями оказалъ столько драгоцѣнныхъ услугъ геометріи и физикѣ; Паскаль, авторъ трактата о циклоидѣ, трактата, который долженъ разсматриваться, какъ чудо проницательности и проникновенія, и труда о равновѣсіи жидкостей и вѣсѣ воздуха, открывшаго намъ новую науку: универсальный и возвышенный геній, талантами котораго философія могла бы весьма выгодно воспользоваться, если бы религія не предупредила ее; Мальбраншъ, который столь глубоко вскрылъ заблужденія чувствъ и который зналъ ошибки воображенія, точно онъ самъ часто не увлекался бы съ пути истины своимъ собственнымъ; Бейль, отецъ экспериментальной физики; наконецъ, многіе другіе, между которыми выдѣляются Весаль, Сидеигамъ, Бургавъ и множество знаменитыхъ анатомовъ и физиковъ.

ЛЕЙБНИЦЪ.

Среди этихъ великихъ людей есть одинъ, философія котораго теперь горячо принимается и рѣзко отвергается въ Сѣверной Европѣ (обстоятельство, обязывающее насъ не обходить ее молчаніемъ)—это знаменитый Лейбницъ. Если бы за нимъ числилась только слава или даже только подозрѣніе, что онъ раздѣлялъ съ Ньютономъ изобрѣтеніе дифференціального исчисленія, то уже въ силу этого онъ заслуживалъ бы достойнаго воспоминанія. Но мы хотимъ его, главнымъ образомъ, разсматривать какъ метафизика. Подобно Декарту онъ точно признаетъ недостаточность всѣхъ, данныхъ до него, рѣшеній наиболѣе возвышенныхъ вопросовъ о соединеніи тѣла съ душой, о Провидѣніи, о природѣ матеріи; онъ какъ-будто даже умѣлъ представлять съ большей силой, чѣмъ кто-либо до него, затрудненія, которыя могутъ встрѣтиться въ этихъ вопросахъ; но, менѣе мудрый, чѣмъ Локкъ и Ньютонъ, онъ не удовлетворялся созданіемъ сомнѣній, онъ старался ихъ разсѣять и съ этой стороны онъ, пожалуй, былъ не болѣе счастливъ, чѣмъ Декартъ. Его принципъ достаточнаго основанія, очень красивый и вполнѣ истинный самъ по себѣ, не могъ казаться весьма полезнымъ существамъ, столь мало, какъ мы,

просвѣщеннымъ о первопричинахъ всѣхъ вещей; его монады, по большей мѣрѣ, доказываютъ, что онъ лучше, чѣмъ кто-либо, видѣлъ невозможность образовать себѣ ясную идею о матеріи, но онъ не кажется предназначеннымъ ее дать. Его предустановленная гармонія какъ-будто добавляетъ только еще одно лишнее затрудненіе къ воззрѣніямъ Декарта о соединеніи души и тѣла; наконецъ, его система оптимизма, пожалуй, опасна въ силу ея мнимаго преимущества все объяснять. Похоже на то, что этотъ великій человѣкъ внесъ въ метафизику болѣе пронизательности, чѣмъ свѣта; но какъ бы ни думать объ этомъ предметѣ, нельзя ему отказать въ восхищеніи, котораго заслуживаютъ величіе его взглядовъ во всѣхъ областяхъ, чудовищный объемъ его знаній, и, въ особенности, философскій умъ, благодаря которому онъ сумѣлъ ихъ освѣтить.

Г Л А В А XI.

Мы закончимъ замѣчаніемъ, которое не покажется неожиданнымъ философамъ. Великіе люди, о которыхъ мы говоримъ, совершили переворотъ въ наукахъ не при своей жизни. Мы уже видѣли, почему Бэконъ не былъ главаремъ секты; къ указанной нами выше причинѣ можно добавить еще два соображенія. Этотъ выдающійся философъ многія изъ своихъ произведеній написалъ въ уединеніи, къ которому его вынудили враги, и зло, причиненное ему, какъ государственному человѣку, не замедлило повредить ему, какъ автору. Сверхъ того, занятый исключительно мыслью быть полезнымъ, онъ, можетъ-быть, охватывалъ слишкомъ много вопросовъ, для того, чтобы его современники могли просвѣтиться одновременно о такомъ громадномъ количествѣ предметовъ. Люди не позволяютъ великимъ гениямъ столько знать; они предпочитаютъ научиться у нихъ кое-чему въ одной какой-либо ограниченной области, но не хотятъ быть обязанными преобразовать все свое міросозерцаніе согласно ихъ идеямъ. Отчасти въ силу этого обстоятельства произведенія Декарта подверглись во Франціи послѣ его смерти большому преслѣдованію, чѣмъ ихъ авторъ терпѣлъ въ Голландіи при жизни; лишь съ большимъ трудомъ школы, наконецъ, осмѣлились принять физику, которую они считали несогласной съ ученіемъ Моисея.

Правда, Ньютонъ встрѣтилъ меньше противорѣчій со стороны своихъ современниковъ, либо потому, что геометрическія открытія, которыми онъ заявилъ о себѣ и которыхъ ни собственность, ни реальность нельзя было у него оспаривать, пріучили восторгаться имъ и воздавать ему то благоговѣніе, которое не было ни слишкомъ удивительнымъ, ни слишкомъ преувеличеннымъ; либо потому, что его превосходство сковывало уста зависти, либо, наконецъ, потому—соображеніе, кажущееся менѣе достойнымъ вниманія—что онъ имѣлъ дѣло съ націей, болѣе справедливой, чѣмъ другія. Ему суждено было видѣть при жизни свою философію всеобще принятой въ Англіи и имѣть своихъ соотечественниковъ сторонниками и восторженными поклонниками. Казалось бы, что вся остальная Европа должна была тогда оказать такой же пріемъ его трудамъ. Между тѣмъ, они не только не были извѣстны во Франціи, но схоластическая философія господствовала тамъ, когда Ньютонъ уже низвергнулъ картезіанскую физику и вихри были отброшены раньше, чѣмъ мы додумались ихъ допустить. Мы столь же долгое время были склонны ихъ поддержи-

вать, какъ раньше собирались ихъ принять. Нужно только открыть наши книги, чтобы съ удивленіемъ увидѣть, что нѣтъ еще тридцати лѣтъ, какъ во Франціи начали отказываться отъ картезіанства. Первый, дерзнувшій между нами открыто объявить себя ньютонистомъ, это—авторъ разсужденія о фигурѣ звѣздъ, обладавшій чрезвычайно обширными геометрическими знаніями въ счастливомъ сочетаніи съ философскимъ умомъ, съ которымъ они не всегда встрѣчаются вмѣстѣ, и съ писательскимъ талантомъ, которому ихъ сосѣдство отнюдь не повредило, что приходится признать, прочитавъ его произведенія. Мопертюи полагалъ, что можно быть хорошимъ гражданиномъ и не принимать слѣпо физику своей страны; и у него хватило мужества нападать на эту физику, за что мы должны быть ему очень благодарны. Въ самомъ дѣлѣ, наша нація, необыкновенно падкая къ новостямъ во всѣхъ областяхъ вкуса, чрезвычайно привязана въ отношеніи науки къ старымъ воззрѣніямъ. Двѣ такія, повидимому, противоположныя наклонности обусловлены многими причинами и въ особенности страстнымъ желаніемъ наслаждаться,—желаніемъ, которое, кажется, составляетъ основную черту нашего характера. Все то, что возбуждаетъ чувство, не должно быть долго отыскиваемо и перестаетъ быть пріятнымъ, если оно не представляется съ перваго взгляда; но, съ другой стороны, жаръ, съ которымъ мы, на этотъ предметъ набрасываемся, скоро спадаетъ, и наша душа, испытывая отвращеніе тотчасъ по удовлетвореніи, переносится на другой, который она точно также быстро оставитъ. Напротивъ, разумъ достигаетъ того, чего онъ ищетъ только силой размысленія; вслѣдствіе этого онъ хочетъ такъ же долго наслаждаться, какъ ему пришлось искать, въ особенности, когда рѣчь идетъ только о гипотетической и гадательной философіи, гораздо болѣе интересной, чѣмъ точныя вычисленія и сочетанія. Физики, привязывающіеся къ своимъ теоріямъ съ той же ревностью и въ силу тѣхъ же мотивовъ, что ремесленники къ своимъ профессіямъ, имѣютъ въ этомъ отношеніи значительно большее сходство съ народомъ, чѣмъ они это думаютъ.

Будемъ всегда уважать Декарта; но оставимъ безъ сожалѣнія воззрѣнія, которыя онъ самъ отвергъ бы вѣкомъ позже. Въ особенности, не будемъ смѣшивать его права съ притязаніями его сторонниковъ. Геній, который онъ проявилъ, ища въ наиболѣе темную ночь новый, хотя ложный путь, былъ данъ только ему; тѣ, которые осмѣлились первыми слѣдовать за нимъ во мракѣ, обнаружили, по крайней мѣрѣ, мужество; но не много чести заслуживаютъ тѣ, которые путаются еще по его слѣдамъ, когда день уже наступилъ. Среди немногихъ ученыхъ, защищающихъ еще его доктрину, онъ бы самъ отказался отъ тѣхъ, которые придерживаются ея только въ силу рабской привязанности къ тому, что они заучили въ дѣтствѣ или вслѣдствіе страннаго національнаго (предразсудка, ради поддержанія чести философіи. Исходя изъ такихъ соображеній, можно быть крайнимъ его приверженцемъ, но нельзя заслужить этимъ званіе перваго его ученика; или, вѣрнѣе, можно оказаться его противникомъ, когда быть таковымъ препятствуетъ только сознаніе несправедливости. Чтобы имѣть право восхищаться заблужденіями великаго человѣка, нужно умѣть признать ихъ, когда время сдѣлало ихъ очевидными. Поэтому молодые люди, которыхъ обыкновенно считаютъ довольно плохими судьями, являются, можетъ-быть, наилучшими въ вопросахъ философскихъ и многихъ другихъ, если они не лишены образованія; ибо, такъ какъ все для нихъ одинаково ново, они заинтересованы только въ хорошемъ выборѣ.

Дѣйствительно, именно молодые геометры управляли судьбой этихъ двухъ философій какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ. Старая до того осуждена, что ея наиболѣе ревностные послѣдователи не смѣютъ даже упоминать эти вихри, которыми они нѣкогда заполняли свои произведенія. Если бы ньютонизмъ, по какой бы то ни было причинѣ, былъ отвергнутъ въ наше время, то многочисленныя сторонники, которыхъ онъ имѣетъ теперь, сыграли бы тогда, безъ сомнѣнія, ту же роль, которую они заставили играть другихъ. Такова природа умовъ; таковы слѣдствія самолюбія, руководящаго философами,—по крайней мѣрѣ, постольку же, поскольку и другими людьми,—и противорѣчія, черезъ которое должны пройти всѣ открытія или даже то, что только на нихъ похоже.

Съ Локкомъ произошло приблизительно то же, что съ Бэкономъ, Декартомъ и Ньютономъ. Забытый долгое время ради Рю (Rohault) и Режи и еще довольно мало извѣстный толпѣ, онъ начинаетъ, наконецъ, находить между нами читателей и сторонниковъ. Такъ свѣтлыя личности, стоящія часто на слишкомъ недосягаемой для своего вѣка высотѣ, почти всегда работаютъ непроизводительно для своей эпохи; только слѣдующія поколѣнія призваны собирать плоды ихъ знаній. Поэтому обновители наукъ почти никогда не пользуются всею славой, которой они заслуживаютъ; умы, значительно уступающіе имъ, вырываютъ ее у нихъ, потому что великіе люди отдаются своему гению, а посредственности руководствуются духомъ націи. Правда, собственное сознаніе своего превосходства можетъ вознаграждать гениальность за непризнаніе толпы: она питается собственной сущностью, и извѣстность, которой такъ добиваются, служитъ часто только утѣшеніемъ для посредственности, видящей съ завистью преимущества, которыя истинный талантъ имѣетъ надъ ней. Можно сказать, что знаменитость, которой всѣ зачитываются, рассказываетъ большей частью то, что видитъ и что поэты, надѣлившіе ее сотней ртовъ, должны были также не отказать ей въ повязкѣ.

* * *

Философія, образующая господствующій вкусъ нашего вѣка, точно хочетъ успѣхами, которые она дѣлаетъ среди насъ, возстановить потерянное время и отомстить за своего рода презрѣніе, которое ей выказывали наши отцы. Это презрѣніе нынѣ направляется по адресу эрудиціи, и перемѣна предмета не дѣлаетъ его болѣе справедливымъ. Принято думать, что мы уже извлекли изъ произведеній древнихъ все, что намъ важно было знать, и на этомъ основаніи находятъ бесполезнымъ трудъ тѣхъ, которые хотятъ еще ихъ изучать. Древность разсматривается точно оракулъ, который все сказалъ и котораго безцѣльно вопрошать; и возстановленіе какого-нибудь перехода цѣнится не болѣе, чѣмъ открытіе маленькой венозной вѣточки въ человѣческомъ тѣлѣ. Но какъ было бы смѣшно полагать, что въ анатоміи уже больше нечего открывать, потому что анатомы иногда занимаются ненужными на видъ изслѣдованіями, часто полезными по своимъ слѣдствіямъ, точно такъ же было бы не менѣе нелѣпо желаніе осудить эрудицію подъ предлогомъ, что наши ученые посвящаютъ себя маловажнымъ изысканіямъ. Думать, что въ какой бы то ни было области можно видѣть все и что мы не можемъ болѣе извлекать никакой выгоды изъ чтенія и изученія древнихъ, значитъ быть невѣжественнымъ или самонадѣяннымъ.

Установившійся теперь обычай все писать на народномъ языкѣ безъ сомнѣнія способствовалъ упроченію этого предразсудка и можетъ быть болѣе гибеленъ, чѣмъ самъ предразсудокъ. Такъ какъ нашъ языкъ распространился по всей Европѣ, мы думали, что наступило время замѣнить имъ латинскій языкъ, который съ эпохи возрожденія наукъ былъ единственнымъ языкомъ нашихъ ученыхъ. Я признаю, что философу болѣе простительно писать по-французски, чѣмъ французу слагать латинскіе стихи; я готовъ даже согласиться, что этотъ обычай способствовалъ болѣе широкому распространенію просвѣщенія, хотя, тѣмъ не менѣе, реально расширять умъ народа значитъ расширять его поверхность. Однако, отсюда вытекаетъ неудобство, которое мы должны были бы предвидѣть. Ученые другихъ націй не безъ основанія полагали, что они писали бы еще лучше на своихъ родныхъ языкахъ, чѣмъ на нашемъ. Англія пошла по нашимъ стопамъ; Германія, гдѣ, казалось, латынь укрылась, незамѣтно начинаетъ ее забывать; я не сомнѣваюсь, что вскорѣ она будетъ изгнана изъ Швеціи, Даніи и Россіи. Такимъ образомъ, наканунѣ девятнадцатаго вѣка философъ, который захочетъ основательно ознакомиться съ открытіями своихъ предшественниковъ, вынужденъ будетъ обременять свою память семью или восемью различными языками и, потративъ самое драгоцѣнное время своей жизни на ихъ изученіе, умретъ прежде, чѣмъ приступитъ къ выполненію своей задачи.²¹

Употребленіе латинскаго языка, безмысленность котораго въ произведеніяхъ вкуса мы выше показали, могло бы [быть чрезвычайно полезно въ философскихъ трудахъ, все достоинство которыхъ должно заключаться въ ясности и точности и которые нуждаются только во всеобщемъ и условномъ языкѣ. Было бы, такимъ образомъ, желательно возстановить это употребленіе, но нѣтъ основанія на это надѣяться. Обычай, который мы позволяемъ себѣ считать вреднымъ, слишкомъ благоприятенъ для тщеславія и лѣни, для того, чтобы можно было расчитывать когда-либо его искоренить. Философы, подобно другимъ писателямъ, хотятъ, чтобы ихъ читали, и, въ особенности, на родинѣ. Если бы они пользовались менѣе доступнымъ языкомъ, они были бы менѣе извѣстны, слышали бы меньше восхваленій, и тщеславіе ихъ не было бы достаточно удовлетворено. Правда, среди небольшого числа почитателей они встрѣтили бы лучшихъ судей, но эта выгода ихъ мало трогаетъ, ибо извѣстность зависитъ болѣе отъ количества, чѣмъ отъ достоинства тѣхъ, которые ее создаютъ.

Обратно, ибо ничего не слѣдуетъ переувеличивать, наши научныя книги какъ-будто приобрѣли то преимущество, которое, казалось бы, должно быть присуще произведеніямъ изящной словесности. Одинъ уважаемый писатель, который давно уже украшаетъ нашъ вѣкъ и различныя сочиненія котораго я бы здѣсь похвалилъ, если бы не ограничивался разсмотрѣніемъ его какъ философа, побуждалъ ученыхъ сбросить съ себя иго педантизма. Превосходно владѣя искусствомъ дѣлать очевидными наиболѣе отвлеченныя идеи, онъ сумѣлъ, благодаря болышой систематичности, точности и ясности, приблизить ихъ къ пониманію умовъ, которые, казалось, были менѣе всего способны ихъ уловить. Онъ даже дерзнулъ одолжить философіи украшенія, которыя какъ-будто были наиболѣе чужды ей и которыя она должна была бы, кажется, строжайше запретить; и эта смѣлость оправдала себя наиболѣе общимъ и наиболѣе лестнымъ успѣхомъ. Но, подобно всѣмъ ори-

гинальнымъ писателямъ, онъ оставилъ далеко позади себя всѣхъ тѣхъ, которые считали возможнымъ ему подражать.

Авторъ естественной исторіи пошелъ по совершенно иной дорогѣ. Соперникъ Платона и Лукреція, онъ сообщилъ своему труду, извѣстность котораго съ каждымъ днемъ растетъ, то благородство и ту возвышенность стили, которыя столь присущи философскимъ темамъ и которыя должны быть въ сочиненіяхъ мудреца живописью его души.

Между тѣмъ, философія, стараясь нравиться, кажется, не забыла, что она, главнымъ образомъ, призвана поучать; именно въ силу этого вкусъ системъ, болѣе способный льстить воображенію, чѣмъ просвѣщать разумъ, въ настоящее время почти совершенно изгнанъ изъ хорошихъ произведеній. Одинъ изъ нашихъ лучшихъ философовъ, аббатъ Кондильякъ, какъ-будто нанесъ ему послѣдніе удары. Духъ гипотезы и догадки могъ быть раньше чрезвычайно полезенъ и былъ даже необходимъ для возрожденія философіи, потому что тогда рѣчь шла еще не столько о томъ, чтобы правильно мыслить, какъ о томъ, чтобы научиться мыслить вообще. Но времена измѣнились, и писатель, который сталъ бы теперь восхвалять системы, слишкомъ запоздалъ бы. Выгоды, которыя это направленіе можетъ въ настоящее время доставить, слишкомъ немногочисленны, чтобы уравновѣсить вытекающія изъ него неудобства; и если пытаются доказать полезность системъ весьма немногими открытіями, нѣкогда ими обусловленными, то, исходя изъ такого же соображенія, можно было бы совѣтовать нашимъ геометрамъ заняться квадратурой круга, такъ какъ усилія многихъ математиковъ, потраченные на то, чтобы ее найти, привели къ нѣсколькимъ теоремамъ. Духъ системы является для физики тѣмъ же, что метафизика для геометріи. Если онъ иногда необходимъ, чтобы поставить насъ на путь истины, онъ самъ почти всегда неспособенъ служить путеводителемъ. Просвѣщенный наблюденіемъ природы, онъ можетъ приблизительно видѣть причины явленій; но только вычисленіе призвано, такъ сказать, удостовѣрить существованіе этихъ причинъ, точно опредѣляя слѣдствія, которыя онѣ могутъ производить, сравнивая таковыя съ тѣми, которыя открываетъ намъ опытъ. Всякая гипотеза, лишенная такой помощи, рѣдко пріобрѣтаетъ ту степень достовѣрности, которая всегда необходима въ естественныхъ наукахъ и которая, тѣмъ не менѣе, такъ мало встрѣчается въ этихъ легкомысленныхъ догадкахъ, украшаемыхъ именемъ системъ. Если бы другого пути изслѣдованія не существовало, то главной заслугой физики было бы, собственно говоря, обладать духомъ системы и никогда имъ не пользоваться. Что касается употребленія его въ другихъ наукахъ, то тысячи опытовъ доказываютъ, насколько онъ опасенъ.

Итакъ, физика должна ограничиваться исключительно наблюденіями и вычисленіями; медицина—исторіей человѣческаго тѣла, исторіей его болѣзней и ихъ лѣкарствъ; естественная исторія—подробнымъ описаніемъ растений, животныхъ и минераловъ; химія—опытнымъ соединеніемъ и разложеніемъ тѣлъ; однимъ словомъ, всѣ науки, по возможности заключенныя въ фактахъ и слѣдствіяхъ, которыя можно изъ нихъ выводить, соглашаются съ мнѣніемъ лишь тогда, когда онѣ къ этому вынуждаются. Я не говорю уже о геометріи, астрономіи, механикѣ, предназначенныхъ, въ силу своей природы, всегда шествовать впередъ, все болѣе и болѣе совершенствуясь.

Лучшими вещами зачастую злоупотребляютъ. Этотъ, столь принятый теперь, философскій духъ, желающій все видѣть и ничего не предполагать, распространился и на изящную словесность; думаютъ даже, что онъ вредитъ ея успѣхамъ и что трудно его избѣгать. Нашъ вѣкъ, вѣкъ сочетанія и анализа, точно хочетъ ввести холодныя и дидактическія разсужденія въ произведенія, обращающіяся къ чувству. Не то, чтобы страсти и вкусъ не имѣли своей логики; но принципы этой логики совершенно отличны отъ принциповъ обыкновенной: эти принципы нужно выяснить, что, приходится признать, не подъ силу обычной философіи. Всецѣло посвященная изслѣдованію спокойныхъ представленій души, она гораздо легче замѣчаетъ отгѣнки послѣднихъ, чѣмъ нюансы нашихъ страстей, или, вообще, поражающихъ насъ живыхъ впечатлѣній. И какъ могъ бы этотъ видъ переживаній легко поддаваться точному анализу? Если съ одной стороны, для того, чтобы ихъ познать, нужно ихъ испытать, то, съ другой, когда душа находится подъ ихъ вліяніемъ, она въ этотъ моментъ менѣе всего способна ихъ изучать. Нужно, однако, согласиться, что этотъ духъ разсужденія способствовалъ освобожденію нашей литературы отъ слѣпого восхищенія древними, онъ научилъ насъ цѣнить въ ихъ произведеніяхъ только тѣ красоты, которыя мы были бы вынуждены признать въ сочиненіяхъ новыхъ писателей. Но онъ, можетъ-быть, является также источникомъ, которому мы обязаны нерѣсть какой метафизикой, овладѣвшей нашими театрами; если не нужно было бы ее совершенно оттуда изгнать, то еще менѣе слѣдовало бы ее тамъ оставить господствовать. Эта анатомія души проникла и въ наши бесѣды: теперь не говорятъ, а разсуждаютъ; и наши общества лишились своихъ главныхъ развлеченій, теплоты и веселости.

Не будемъ же поэтому удивляться, что наши произведенія духа вообще уступаютъ произведеніямъ прошлаго вѣка. Можно даже найти доказательство этому въ усиліяхъ, которыя мы дѣлаемъ, чтобы превзойти нашихъ предшественниковъ. Вкусъ и искусство писать дѣлаютъ въ короткое время быстрые успѣхи, коль скоро истинная дорога однажды открыта: едва только великій геній мелькомъ увидѣлъ красивое, онъ уже охватываетъ его во всемъ объемѣ; и подражаніе прекрасному въ природѣ кажется ограниченнымъ извѣстными границами, которыхъ одно или самое большее два поколѣнія вскорѣ достигаютъ; слѣдующему поколѣнію остается только подражать предыдущимъ, но оно не удовлетворяется своимъ удѣломъ; богатства, которыя оно приобрѣло, внушаютъ ему желаніе ихъ увеличивать; оно хочетъ добавить кое-что къ полученному наслѣдству и, стремясь перешагнуть черезъ положенный предѣлъ, не можетъ даже подойти къ нему. Мы, такимъ образомъ, имѣемъ одновременно больше принциповъ правильнаго сужденія, гораздо большій запасъ знаній, больше хорошихъ судей и меньше хорошихъ произведеній; теперь не говорятъ о книгѣ, что она хороша, но что она принадлежитъ перу даровитаго чело-вѣка. Такъ, вѣкъ Деметріуса Фалера непосредственно слѣдовалъ за вѣкомъ Демосоена, вѣкъ Лукана и Сенеки за вѣкомъ Цицерона и Вергилія, а нашъ за вѣкомъ Людовика XIV.

Я говорю здѣсь только о вѣкѣ вообще, такъ какъ я чрезвычайно далекъ отъ мысли высмѣивать нѣкоторыхъ людей рѣдкаго достоинства, живущихъ среди насъ. Физическая организація литературнаго міра, какъ и устройство матеріальнаго міра,

влечетъ за собой насильственные перевороты, жаловаться на которые было бы такъ же несправедливо, какъ роптать на измѣненіе временъ года. Сверхъ того, какъ въку Плинія мы обязаны поразительными произведеніями Квинтиліана и Тацита, которыя предшествовавшее поколѣніе, быть-можетъ, не въ состояніи было бы произвести, такъ нашъ вѣкъ оставить потомству памятники, которыми онъ имѣетъ право гордиться. Поэтъ, извѣстный своими талантами и своими злоключеніями, затмилъ Малерба въ своихъ одахъ, а Маро въ своихъ эпиграммахъ и посланіяхъ. Мы присутствовали при появленіи на свѣтъ единственной эпической поэмы ¹⁾, которую Франція могла бы противопоставить подобнымъ произведеніямъ грековъ, римлянъ, итальянцевъ, англичанъ и испанцевъ.

Два выдающихся человѣка, между которыми наша нація какъ-будто раздѣлилась и которыхъ потомство сумѣетъ поставить cadaго на свое мѣсто, оспариваютъ другъ у друга первенство; ихъ трагедіи, идущія по вызываемому ими интересу непосредственно за пьесами Корнеля и Расина, смотрятся еще съ крайнимъ удовольствіемъ. Одинъ изъ нихъ тотъ самый, которому мы обязаны Генріадой и которому, несомнѣнно, принадлежитъ наиболѣе почетное мѣсто среди чрезвычайно небольшого числа великихъ поэтовъ, обладаетъ въ то же время въ наиболѣе высокой степени талантомъ, котораго ни одинъ поэтъ не имѣлъ даже въ ограниченномъ объемѣ—это талантъ писать прозой. Никто лучше его не владѣлъ этимъ столь рѣдкимъ искусствомъ представлять безъ всякаго усилія идею, посредствомъ соотвѣтствующаго ей выраженія, украшать все, не впадая въ шаблонность красокъ, наконецъ (что болѣе всего характеризуетъ великихъ писателей), никогда не быть ни выше, ни ниже своего сюжета. Его «Опытъ о вѣкѣ Людовика XIV»—отрывокъ тѣмъ болѣе драгоценный, что авторъ не имѣлъ въ этой области никакого образца ни среди древнихъ, ни среди насъ; его «Исторія Карла XII» выпуклостью и благородствомъ стили достойна героя, котораго она изображаетъ; его легкія пьесы превосходятъ все тѣ, которыя мы наиболѣе цѣнимъ, и, благодаря своему количеству и достоинствамъ, были бы достаточны, чтобы обезсмертить многихъ писателей. Какъ могу я, пробѣгая здѣсь его многочисленныя и поразительныя произведенія, не заплатить этому рѣдкому генію дани восхваленій, которыхъ онъ вполне заслуживаетъ, которыя онъ столько разъ получалъ отъ своихъ соотечественниковъ, иностранцевъ и своихъ враговъ и которыя потомство дополнить, когда онъ уже не сможетъ ихъ услышать!

Это не единственные наши богатства. Одинъ здравомыслящій писатель ²⁾, столь же хорошій гражданинъ, какъ великій философъ, далъ намъ о началахъ законовъ произведеніе, обезславленное нѣкоторыми французами, одобренное націей и восторженно встрѣченное всей Европой; произведеніе, которое остается безсмертнымъ памятникомъ генія и добродѣтели его автора и прогресса разума въ вѣкъ, середина котораго будетъ незабвенной эпохой въ исторіи философіи. Превосходные авторы написали древнюю и новую исторіи; разсудительные и просвѣщенные умы углубили эту науку. Комедія приобрѣла новый жанръ, который было бы несправедливо

1) «Генріада» Вольтера. Пер. — 2) Монтескье. Пер.

оставить, такъ какъ отсюда вытекаетъ новое удовольствіе и потому, что, сверхъ того, этотъ самый жанръ отнюдь не былъ такъ чуждъ древнимъ, какъ въ этомъ хотѣли бы насъ убѣдить. Наконецъ, мы имѣемъ много романовъ, позволяющихъ намъ не сожалѣть о подобныхъ произведеніяхъ послѣдняго вѣка.

Изящныя искусства пользуются у насъ не меньшимъ вниманіемъ. Если считать просвѣщенныхъ любителей, то наша школа живописи первая въ Европѣ, и многія работы нашихъ скульпторовъ не были бы осуждены древними. Изъ всѣхъ этихъ искусствъ музыка, пожалуй, сдѣлала у насъ за послѣдніе пятнадцать лѣтъ наибольшіе успѣхи. Благодаря трудамъ одного мужественнаго, смѣлаго и плодовитаго генія, иностранцы, которые не переносили нашихъ симфоній, начинаютъ ихъ одобрять, и французы, наконецъ, какъ-будто убѣждаются, что въ этой области Люлли не сказалъ послѣдняго слова. Рамо, двинувъ практику своего искусства до такой высокой степени совершенства, сталъ одновременно образцомъ и предметомъ зависти многихъ музыкантовъ, которые безславятъ его, стараясь въ то же время ему подражать; но что его въ особенности выдвигаетъ—это его весьма успѣшныя размышленія о теоріи самаго искусства и тонкость ума, которую онъ проявилъ въ нахожденіи принципа гармоніи и мелодіи и въ приведеніи, благодаря этому, къ болѣе точнымъ и болѣе простымъ законамъ науки, регулировавшейся до него правилами произвольными или продиктованными слѣпымъ опытомъ. Я охотно пользуюсь случаемъ прославить этого артиста-философа въ настоящемъ разсужденіи, предназначенномъ, главнымъ образомъ, для восхваленія великихъ людей. Его заслуга, признать которую онъ заставилъ нашъ вѣкъ, будетъ надлежащимъ образомъ оцѣнена, лишь когда время призоветъ зависть къ молчанію; и его имя, дорогое для наиболѣе просвѣщенной части нашей націи, не можетъ здѣсь никого оскорбить; но если оно должно прогнѣвить нѣкоторыхъ мнимыхъ меценатовъ, то было бы очень жаль такого философа, которому даже относительно наукъ и вкуса нельзя было говорить правду.

Вотъ блага, которыми мы обладаемъ. Какое представленіе о нашихъ литературныхъ сокровищахъ можно было бы себѣ составить, если бы къ произведеніямъ столькихъ великихъ людей прибавить труды всѣхъ ученыхъ обществъ, призванныхъ поддерживать вкусъ наукъ и литературы и которымъ мы обязаны столькими превосходными книгами! Подобныя общества не могутъ не доставить государству большихъ выгодъ, когда они, умножаясь чрезмѣрно, не облегчаютъ доступъ слишкомъ большому числу посредственныхъ людей; когда изъ нихъ изгоняется всякое неравенство, способное удалить или оттолкнуть людей, созданныхъ, чтобы просвѣщать другихъ; когда въ этихъ учрежденіяхъ признается только превосходство генія; когда уваженіе является тамъ вознагражденіемъ труда; наконецъ, когда награды отыскиваютъ таланты и не похищаются у нихъ интригой. Ибо не нужно обманываться: прогрессу разума приносится болѣшій вредъ плохой раздачей премій, чѣмъ совершеннымъ ихъ уничтоженіемъ. Къ чести наукъ признаемъ даже, что ученые во всегда нуждаются въ поощреніяхъ для того, чтобы умножаться. Доказательствомъ служитъ Англія, которой науки такъ много обязаны, между тѣмъ какъ правительство ничего для нихъ не сдѣлало. Правда, англійская нація ихъ уважаетъ и даже почитаетъ; и этотъ видъ награды выше всѣхъ другихъ и, безъ сомнѣнія,

представляетъ собой наиболѣе вѣрное средство способствовать процвѣтанію наукъ и искусствъ; ибо правительство раздаетъ мѣста, а публика распредѣляетъ уваженіе. Любовь къ литературѣ, являющаяся достоинствомъ у нашихъ сосѣдей, у насъ, по правдѣ сказать, еще только мода, и, можетъ-быть, никогда ничѣмъ инымъ не будетъ; но какъ бы опасна ни была эта мода, которая на одного просвѣщеннаго мещаната порождаетъ сотню невѣжественныхъ и надменныхъ любителей, ей, можетъ-быть, мы обязаны тѣмъ, что еще не погрузились въ варварство, куда увлекаетъ насъ масса обстоятельствъ.

Однимъ изъ главныхъ можно считать любовь мнимаго цѣнителя, любовь, которая покровительствуетъ невѣжеству, украшается имъ и рано или поздно распространить его вездѣ и повсюду. Невѣжество будетъ плодомъ и выраженіемъ дурного вкуса; я добавлю, оно будетъ также лекарствомъ отъ него. Ибо все имѣетъ свои регулярные перевероты, и мракъ разсѣется при наступленіи новаго просвѣщеннаго вѣка. Проведя нѣкоторое время въ ночной темнотѣ, мы потомъ будемъ болѣе поражены яркимъ свѣтомъ дня. Эти революціи будутъ вродѣ анархіи, чрезвычайно гибельной самой по себѣ, но иногда полезной по своимъ слѣдствіямъ. Остережемся, однако, призывать столь страшное время, варварство длится вѣками и кажется нашей составной частью; разумъ и хорошій вкусъ переходящи.

Здѣсь, пожалуй, было бы умѣстно отвѣтить на упреки, брошенные недавно однимъ краснорѣчивымъ писателемъ и философомъ ¹⁾ наукамъ и искусствамъ, обвиняя ихъ въ развращеніи нравовъ. Намъ мало подобало бы подписаться подъ его мнѣніемъ во вступительномъ разсужденіи къ такому труду, какъ Энциклопедія; сверхъ того, этотъ достойный человѣкъ, о которомъ мы говоримъ, какъ будто выразилъ свое одобреніе нашему предпріятію своимъ ревностнымъ и успешнымъ содѣйствіемъ. Мы ему отнюдь не поставимъ въ вину, что онъ смѣшалъ просвѣщеніе разума съ возможными злоупотребленіями имъ; онъ намъ, безъ сомнѣнія, отвѣтитъ, что эти злоупотребленія неизбѣжны въ культурномъ состояніи; но мы его просили бы изслѣдовать, не является ли большинство золъ, которыя онъ приписываетъ наукамъ и искусствамъ, слѣдствіями совершенно различныхъ причинъ, перечисленіе которыхъ здѣсь было бы столь же долго, какъ и щекотливо. Науки безспорно оказываютъ облагораживающее вліяніе на общество; было бы трудно доказать, что люди стали лучшими и добродѣтель болѣе общей; но это такое преимущество, которое можно оспаривать у самой морали. И, чтобы полнѣе выразиться, нужно ли осудить законы, потому что подъ ихъ защитой совершаются нѣкоторыя преступленія, авторы которыхъ были бы наказаны въ республикѣ дикихъ? Наконецъ, когда бы мы даже признали здѣсь вредъ человѣческихъ знаній, отъ чего мы весьма далеки, то мы еще менѣе склонны полагать, что уничтоженіе ихъ было бы выгодно: пороки намъ остались бы и, сверхъ того, мы впали бы въ невѣжество.

Закончимъ эту исторію наукъ, замѣчая, что различныя формы правленія, столь вліяющія на умы и разработку наукъ, опредѣляютъ также виды знаній, ко-

¹⁾ Ж. Ж. Руссо изъ Женевы, авторъ музыкальнаго отдѣла Энциклопедіи, составилъ чрезвычайно краснорѣчивое разсужденіе для доказательства, что возстановленіе наукъ и искусствъ развратило нравы.

торыя должны преимущественно расцвѣсти въ той или иной странѣ и изъ которыхъ каждый имѣетъ свое особое достоинство. Вообще, въ республикѣ преобладаютъ ораторы, историки и философы, а въ монархіи поэты, богословы и геометры. Это правило допускаетъ, однако, исключенія, въ силу вліянія безчисленнаго множества причинъ.

ПОДРОБНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ СИСТЕМЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Физическія существа дѣйствуютъ на чувства. Впечатлѣнія отъ этихъ существъ вызываютъ представленія въ умѣ. Умъ занимается этими представленіями только тремя способами, сообразно своимъ тремъ главнымъ способностямъ, каковы: память, разсудокъ, воображеніе. Или умъ дѣлаетъ чистую и простую перепись этихъ представленій посредствомъ памяти, или онъ ихъ изслѣдуетъ, сравниваетъ и разсматриваетъ помощью разсудка, или находитъ удовольствіе въ подражаніи имъ и поддѣлываніи ихъ посредствомъ воображенія. Откуда вытекаетъ общее раздѣленіе человѣческаго знанія,—раздѣленіе, которое, кажется, довольно хорошо обосновано,—на исторію, относящуюся къ памяти, на философію, пристекающую изъ разсудка, и на поэзію, рождающуюся изъ воображенія.

ПАМЯТЬ, ОТКУДА ИСТОРІЯ.

Исторія говоритъ о фактахъ; факты бываютъ о Богѣ, или о человѣкѣ, или о природѣ. Факты о Богѣ относятся къ священной исторіи. Факты о человѣкѣ принадлежатъ гражданской исторіи и факты о природѣ относятся къ естественной исторіи.

ИСТОРИЯ.

I. Священная. II. Гражданская. III. Естественная.

I. Священная исторія дѣлится на священную и церковную; исторія пророчествъ, гдѣ разсказъ предшествовалъ событію, является отраслью священной исторіи.

II. Гражданская исторія, эта вѣтвь всеобщей исторіи, *cu jus fidei exempla majorum, vicissitudines rerum, fundamenta prudentiae civilis, hominum denique] nomen et fama comissa sunt,* раздѣляется согласно этимъ предметамъ на гражданскую исторію въ собственномъ смыслѣ слова и на научную исторію.

Науки суть продуктъ размышленія и естественнаго знанія людей. Канцлеръ Бэконъ, такимъ образомъ, справедливо говоритъ въ своемъ удивительномъ произведеніи *De dignitate et augmento scientiarum* (О достоинствахъ и увеличеніи наукъ), что исторія міра безъ исторіи ученыхъ—это статуя Полиема, у которой вырвали глазъ.

Гражданская исторія, въ собственномъ смыслѣ, можетъ подраздѣляться на мемуары, древности, и полную исторію. Если правда, что исторія является изображеніемъ прошлыхъ временъ, то древности почти всегда можно разсматривать какъ испорченные рисунки, полную исторію какъ картину, этюдами которой служатъ мемуары.

III. Раздѣленіе естественной исторіи указывается различіемъ фактовъ природы, а различіе фактовъ природы опредѣляется различіемъ состояній природы. Либо природа однообразна и идетъ правильнымъ путемъ, какъ это вообще замѣчается относительно небесныхъ тѣлъ, животныхъ, растеній и т. д.; либо она кажется насильственно выведенной изъ своего обыкновеннаго курса, какъ въ уродахъ; либо она вынуждается и пріучается къ различнымъ примѣненіямъ, какъ въ искусствахъ. Природа дѣлаетъ все либо на своемъ обыкновенномъ и правильномъ пути, либо въ своихъ уклоненіяхъ, либо въ своемъ примѣненіи. Однообразіе природы—первая часть естественной исторіи. Заблужденія или уклоненія природы—вторая часть и примѣненія природы—третья часть.

Безполезно распространяться о преимуществахъ исторіи однообразной природы. Но если насъ спросятъ, для чего можетъ служить исторія уродливой природы, мы отвѣтимъ: для того, чтобы переходить отъ чудесъ ея уклоненій къ чудесамъ искусства, чтобы ее еще болѣе запутать или вновь поставить на ея путь; и, въ особенности, чтобы исправить шаткость общихъ предложеній, *ut axiomatum corrigatur iniquitas*.

Что касается исторіи природы вынужденной къ различнымъ примѣненіямъ, то изъ нея можно было бы сдѣлать вѣтвь гражданской исторіи; ибо искусство вообще является промышленностью человѣка, приложенной въ силу его потребностей или роскоши къ произведеніямъ природы. Какъ бы тамъ ни было, это приложеніе дѣлается только двумя способами—или сближая или разъединяя естественныя тѣла. Человѣкъ можетъ нѣчто дѣлать или ничего не можетъ, смотря по тому, возможно или невозможно сближеніе или разъединеніе естественныхъ тѣлъ.

Исторія однообразной природы раздѣляется сообразно своимъ главнымъ предметамъ: на небесную исторію или исторію звѣздъ, ихъ движеній, чувственныхъ примѣтъ и т. д., не объясняя причины посредствомъ системъ гипотезъ и т. д.; рѣчь идетъ здѣсь только о чистыхъ явленіяхъ; на исторію метеоровъ, какъ вѣтры, дожди, бури, громъ, сѣверныя сіянія и т. д.; на исторію земли и моря, или горъ, рѣкъ, потоковъ, теченій, прилива и отлива, песковъ, земель, лѣсовъ, острововъ, полуострововъ, материковъ и т. д.; на исторію минераловъ, на исторію растеній, на исторію животныхъ, откуда вытекаетъ исторія элементовъ, видимой природы, чувственныхъ явленій, движеній и т. д.; огня, воздуха, земли и воды.

Дѣленіе исторіи уродливой природы должно быть такое же. Природа можетъ производить чудеса на небесахъ, въ воздушныхъ пространствахъ, на поверхности земли, въ своихъ нѣдрахъ, на днѣ морскомъ и т. д., вездѣ и всюду.

Исторія примѣненной природы такъ же обширна, какъ многочисленны различныя употребленія, которыя люди дѣлаютъ изъ ея произведеній въ

искусствахъ, ремеслахъ и мануфактурахъ. Нѣтъ ни одного дѣйствія человѣческой промышленности, которое не могло бы напомнить нѣкоторое производство природы. Обработка и употребленіе золота и серебра напоминаютъ искусство монетчика—золотобиты, золото-прядильщика, золото-волоочильщика, полировальщика и т. д.; обработка и употребленіе драгоценныхъ камней напоминаютъ искусство гранильщика, алмазчика, ювелира, рѣзчика тонкихъ камней и т. д.; обработка и употребленіе желѣза—кузнечные горны, ремесло слесарное, кузнечное, оружейное, ружейное, ножевое и т. д.; обработка и употребленіе стекла,—стеклодѣланье, изготовленіе зеркальныхъ стеколъ, искусство зеркальщика, стекольщика и т. д.; выдѣлка и употребленіе шкуръ,—искусство замшеника, дубильщика, сыромятника, и т. д.; выдѣлка и употребленіе шерсти и шелка—волооченіе, сученіе шелка, искусства суконщиковъ, позументчиковъ, галунчиковъ, пуговичниковъ, рабочихъ по изготовленію бархата, атласа, камки, затканыхъ матерій, люстрина и т. д.; обработка и пользованіе земель—горшечное ремесло, выдѣлку фаянсовой и фарфоровой посуды и т. д.; обработка и употребленіе камня—механическую часть архитектора, скульптора, штукатура и т. д.; обработка и употребленіе дерева—ремесло столярное, плотничество, наборную работу, токарное ремесло;—и т. д. о всѣхъ другихъ матеріалахъ и всѣхъ другихъ искусствахъ, существующихъ въ количествѣ болѣе двухсотъ пятидесяти. Изъ нашего разсужденія читатель уяснилъ себѣ, какъ мы намѣрены разсматривать каждое въ Энциклопедіи.

Вотъ вся историческая часть человѣческаго знанія, которое нужно относить къ памяти и которое должно служить сырымъ матеріаломъ для философа.

РАЗСУДОКЪ, ОТКУДА ФИЛОСОФІЯ.

Философія или часть человѣческаго знанія, которую нужно относить къ разсудку, чрезвычайно обширна. Нѣтъ почти ни одного предмета, воспринятаго чувствами, изъ котораго размышленіе не сдѣлало бы науки. Но среди множества этихъ предметовъ есть нѣкоторые, которые благодаря своей важности заставляютъ обратить на себя вниманіе, *quibus absconditur infinitum* и къ которымъ можно относить всѣ науки; эти главные предметы суть Богъ, къ познанію котораго человѣкъ возвысился путемъ размышленія объ исторіи естественной и священной; человѣкъ, увѣренный въ своемъ существованіи благодаря сознанію или внутреннему чувству; природа, исторію которой человѣкъ изучилъ посредствомъ вѣшнихъ чувствъ. Такимъ образомъ Богъ, человѣкъ, природа доставятъ намъ общее раздѣленіе философіи или науки (ибо эти слова однозначущи); и философія, или наука будетъ наукой о Богѣ, наукой о человѣкѣ, наукой о природѣ.

ФИЛОСОФІЯ, ИЛИ НАУКА.

I. Наука о Богѣ. II. Наука о человѣкѣ. III. Наука о природѣ.

I. Наука о Богѣ. Естественный прогрессъ человѣческаго разсудка состоитъ въ его переходѣ отъ индивидуумовъ къ видамъ, отъ видовъ къ родамъ, отъ родовъ близкихъ къ

родамъ удаленнымъ и въ образованіи имъ на каждомъ шагу науки; или, по крайней мѣрѣ, въ добавленіи имъ новой отрасли къ нѣкоторой уже образованной наукѣ: такъ, понятіе несотвореннаго, безконечнаго и т. п. разума, который мы встрѣчаемъ въ природѣ и о которомъ возвѣщаетъ намъ священная исторія, и понятіе сотвореннаго, конечнаго и соединеннаго съ тѣломъ разума, который мы замѣчаемъ въ человѣкѣ и который мы предполагаемъ въ неорганизованной матеріи, привели насъ къ понятію сотвореннаго, конечнаго разума, отдѣленнаго отъ тѣла, и отсюда къ общему понятію о духѣ. Сверхъ того, такъ какъ общія свойства существъ, какъ духовныхъ, такъ и тѣлесныхъ, суть бытіе, возможность, продолжительность, сущность, принадлежность и т. д., то эти свойства были изслѣдованы, и результаты составили науку онтологіи или науку о сущемъ вообще. Такимъ образомъ, въ обратномъ порядкѣ, мы имѣли бы сначала онтологію, затѣмъ науку о духѣ или пневматологію, или то, что обыкновенно называется частной метафизикой; и эта наука раздѣляется: на науку о Богѣ, или естественное богословіе, исправляемое и освящаемое Богомъ черезъ откровеніе, откуда религія и богословіе въ собственномъ смыслѣ; откуда, вслѣдствіе злоупотребленія—суевѣріе; на ученіе о злыхъ и добрыхъ духахъ или объ ангелахъ и дьяволахъ; откуда волшебство и нечисть черной магіи; на науку о душѣ, которая подраздѣляется на науку о разсуждающей (мыслящей) душѣ и на науку о чувствующей, (ограничивающейся ощущеніями) душѣ.

II. Наука о человѣкѣ. Раздѣленіе науки о человѣкѣ указывается намъ раздѣленіемъ его способностей. Главныя способности человѣка суть умъ и воля; умъ, который нужно направить къ истинѣ; воля, которую нужно подчинить добродѣтели: одна—цѣль логики, другая—цѣль морали.

Логика можетъ раздѣляться на искусство мыслить, на искусство задерживать свои мысли и на искусство ихъ сообщать.

Искусство мыслить имѣетъ столько вѣтвей, сколько умъ главныхъ операцій. Различаются четыре главныя операціи ума: заключеніе, сужденіе, разсужденіе и методъ. Къ заключенію можно относить ученіе объ идеяхъ или представленіяхъ; къ сужденію—ученіе о предложеніяхъ; къ разсужденію и методу—ученіе о наведеніи (индукціи) и доказательствѣ. Въ доказательствѣ либо восходятъ отъ доказываемой вещи къ первичнымъ началамъ, либо снисходятъ отъ первичныхъ началъ до доказываемой вещи, откуда рождаются анализъ и синтезъ.

Искусство задерживать мысли имѣетъ двѣ вѣтви: науку о самой памяти и науку о добавленіяхъ къ памяти. Память,—которую мы раньше разсматривали, какъ чисто пассивную способность и которую мы разсматриваемъ здѣсь какъ активную силу, которую разсудокъ можетъ совершенствовать,—бываетъ или естественная или искусственная. Естественная память—это органическое переживаніе, искусственная заключается въ предварительномъ понятіи (prenotion) и въ символѣ; предварительное понятіе, безъ котораго ничто въ отдѣльности не является присутствующимъ для разсудка, символъ, посредствомъ котораго воображеніе приходитъ на помощь памяти.

Искусственныя воспроизведенія суть добавленіе къ памяти; но для писанія пользуются или общепринятыми буквами или частными буквами. Собраніе первыхъ называется алфавитомъ; другія называются шифромъ: откуда рождаются искусства читать, писать, шифровать и наука орфографія.

Искусство передавать мысли раздѣляется на науку объ орудіи рѣчи и на науку о качествахъ рѣчи. Наука объ орудіи рѣчи называется грамматикой. Наука о качествахъ рѣчи—риторикой.

Грамматика раздѣляется на науки о знакахъ, о произношеніи, о построеніи и на синтаксисъ. Знаки суть выговариваемые звуки; произношеніе или просодія—искусство ихъ явственно произносить; синтаксисъ—искусство примѣнять ихъ сообразно различнымъ намѣреніямъ разсудка; и построеніе—знаніе порядка, въ которомъ они должны быть расположены въ рѣчи и который основанъ на привычкѣ и размышленіи. Но есть другіе знаки мысли, кромѣ произносимыхъ звуковъ, именно, жестъ и буквы. Буквы бываютъ идеографическія, іероглифическія и геральдическія. Идеографическія,—какъ буквы индусовъ, изъ которыхъ каждая отмѣчаетъ идею, и которыя, слѣдовательно, нужно настолько умножить, сколько имѣется реальныхъ существъ. Іероглифическія составляютъ письменность въ младенческомъ состояніи человѣчества. Геральдическія образуютъ то, что мы называемъ наукой о гербахъ.

Къ искусству передавать мысли нужно также отнести критику, педагогику и филологію. Критика исправляетъ у авторовъ испорченныя мѣста, даетъ указанія и т. д. Педагогія трактуетъ о выборѣ ученія и о способѣ обучать. Филологія занимается изученіемъ всеобщей литературы.

Стихосложеніе или технику поэзіи нужно отнести къ искусству украшать рѣчь. Мы опустимъ дѣленіе риторики на ея различныя части, ибо ихъ нельзя назвать ни науками, ни искусствами, развѣ только пантомимой тѣлодвиженія и пантомимой жеста и голоса, т.-е. декламаціей.

Мораль, образующая въ нашей системѣ вторую часть науки о человѣкѣ, бываетъ или общая или частная. Послѣдняя дѣлится на естественную юриспруденцію, экономику и политику. Естественная юриспруденція—наука объ обязанностяхъ отдѣльнаго человѣка, экономика—наука объ обязанностяхъ человѣка въ семьѣ, политика—объ обязанностяхъ человѣка въ обществѣ. Но наука о нравственности была бы неполна, если бы этимъ руководствамъ не предшествовали трактаты о реальности моральнаго добра и зла, о необходимости выполнять свои обязанности, быть добрымъ справедливымъ, добродѣтельнымъ и т. д.; это предметъ общей морали.

Если принять во вниманіе, что общества, не менѣе, чѣмъ отдѣльныя лица, должны быть добродѣтельны, то отсюда рождаются обязанности обществъ, которыя можно было бы назвать естественной юриспруденціей общества, экономической общества; торговлей внутренней и внѣшней, сухопутной и морской и политикой общества.

III. Наука о природѣ. Мы раздѣлимъ естествознаніе на физику и мате-

материку. Это дѣленіе намъ также указывается размышленіемъ, нашей склонностью къ обобщенію. Чувства дали намъ знаніе реальныхъ индивидуумовъ: солнца, луны, Сириуса и т. д. (звѣздъ); воздуха, огня, земли, воды и т. д. (элементовъ); дождя, снѣга, града, грома и т. д. (метеоровъ);—и т. д. объ остальной естественной исторіи. Въ то же время мы получили знаніе отвлеченностей, цвѣта, звука, вкуса, запаха, плотности, рѣдкости, теплоты, холода, мягкости, жесткости, жидкости, твердости, тугости, упругости, тяжести, легкости и т. д.; формы, разстоянія, движенія, покоя, продолжительности, протяженности, количества, непроницаемости.

Мы видѣли, благодаря размышленію, что изъ этихъ отвлеченностей одни, какъ протяженность, движеніе, непроницаемость и т. д., присущи всѣмъ тѣлеснымъ индивидуумамъ. Мы ихъ сдѣлали предметомъ общей физики или метафизики тѣлъ; и эти самыя свойства, разсматриваемыя въ каждомъ индивидуумѣ въ отдѣльности, въ связи съ различающими ихъ измѣненіями, какъ продолжительность, упругость, жидкость и т. д., образуютъ предметъ частной физики.

Другое болѣе общее свойство тѣлъ, которое предполагаютъ всѣ другія, именно величина, образовало предметъ математики. Величиной или количествомъ называется все, что можетъ быть увеличено или уменьшено.

Величина, предметъ математическихъ наукъ, могла быть разсматриваема или отдѣльно и независимо отъ реальныхъ и отвлеченныхъ индивидуумовъ, или въ ихъ дѣйствіяхъ, изслѣдованныхъ согласно дѣйствительнымъ или предполагаемымъ причинамъ; и этотъ второй видъ размышленія раздѣлилъ математику на чистую и смѣшанную или физико-математику.

Отвлеченная величина, предметъ чистой математики, бываетъ или численная или пространственная. Отвлеченная численная величина стала предметомъ ариметики, а отвлеченная пространственная величина—геометріи.

Ариметика дѣлится на численную, или цифровую ариметику и на алгебру, или всеобщую буквенную ариметику; послѣдняя не что иное, какъ исчисленіе величинъ вообще, и ея дѣйствія являются собственно только ариметическими дѣйствіями, указанными сокращеннымъ способомъ; ибо, говоря точно, существуетъ только исчисленіе чиселъ.

Алгебра бываетъ элементарная или исчисленіемъ бесконечно малыхъ, высшая алгебра, въ зависимости отъ величинъ, къ которымъ она примѣняется. Исчисленіе бесконечно малыхъ двоякое: дифференціальное и интегральное; дифференціальное, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы отъ выраженія конечной величины, или разсматриваемой какъ таковое, спускаться къ выраженію его мгновеннаго приращенія или уменьшенія; интегральное, когда нужно восходить отъ послѣдняго выраженія къ конечной величинѣ.

Геометрія либо имѣетъ первоначальнымъ предметомъ свойства круга и прямой линіи, либо обнимаетъ въ своихъ умозрѣніяхъ всѣ виды кривыхъ, вслѣдствіе чего она раздѣляется на элементарную и трансцендентную.

Смѣшанная математика имѣетъ столько дѣленій и подраздѣленій, сколько бываетъ реальныхъ существъ, доступныхъ измѣренію. Величина, разсматриваемая въ тѣлахъ, находящихся въ движеніи или стремящихся къ движенію,

является предметомъ механики. Механика имѣетъ двѣ вѣтви: статику и динамику. Статика имѣетъ предметомъ величину, разсматриваемую въ тѣлахъ, находящихся въ равновѣсїи и стремящихся только двигаться. Динамика занимается величиной, разсматриваемой въ тѣлахъ, находящихся въ движеніи. Статика и динамика имѣютъ каждая по двѣ части. Статика раздѣляется на статику въ собственномъ смыслѣ, имѣющую предметомъ величину, разсматриваемую въ твердыхъ тѣлахъ, пребывающихъ въ равновѣсїи и стремящихся только двигаться, и на гидростатику, имѣющую предметомъ величину, разсматриваемую въ жидкихъ тѣлахъ, пребывающихъ въ равновѣсїи и стремящихся только двигаться. Динамика раздѣляется на динамику въ собственномъ смыслѣ, занимающуюся величиной, разсматриваемой въ твердыхъ тѣлахъ, находящихся въ движеніи, и на гидродинамику, имѣющую предметомъ величину, разсматриваемую въ жидкихъ тѣлахъ, находящихся въ движеніи. Но если разсматривать величину въ жидкостяхъ, находящихся въ движеніи, гидродинамика принимаетъ тогда названіе гидравлики. Можно было бы отнести мореплаваніе къ гидродинамикѣ и баллистику, или метаніе ядеръ къ механикѣ.

Величина, разсматриваемая въ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ, даетъ геометрическую астрономію; откуда космографія или описаніе вселенной, раздѣляющаяся: на уранографію, или описаніе неба; на гидрографію, или описаніе водъ и на географію, или описаніе земли, откуда еще хронологія и гномоника, или искусство строить циферблатъ.

Величина, разсматриваемая въ свѣтѣ, даетъ оптику, а величина, разсматриваемая въ движеніи свѣта,—различныя отрасли оптики. Свѣтъ, идущій по прямой линіи, образуетъ оптику въ собственномъ смыслѣ; свѣтъ, отраженный въ одной и той же срединѣ,—катоптику; свѣтъ преломленный, проходя изъ одной среды въ другую—діоптику. Къ оптикѣ нужно отнести перспективу.

Величина, разсматриваемая въ звукѣ и въ его силѣ, движеніи, степеняхъ, отраженіи и скорости даетъ акустику.

Величина, разсматриваемая въ воздухѣ, въ его вѣсѣ, движеніи, плотности, разжиженности и т. д., даетъ пневматику.

Величина, разсматриваемая въ возможности событій, даетъ искусство угадывать; откуда рождается анализъ случайностей.

Такъ какъ предметъ математическихъ наукъ является чисто интеллектуальнымъ, то не нужно удивляться точности ихъ дѣленій.

Частная физика должна слѣдовать такому же раздѣленію, какъ и естественная исторія. Отъ полученной посредствомъ чувствъ исторіи звѣздъ, ихъ движеній, чувственныхъ примѣтъ и т. д. размысленіе перешло къ изслѣдованію ихъ происхожденія, причинъ ихъ явленій и т. д. и произвело науку, называемую физической астрономіей, къ которой нужно отнести науку объ ихъ вліяніяхъ, называемую астрологіей, и недѣльную астрологію судебъ. Отъ полученной черезъ чувства исторіи вѣтровъ, дождя, града, грома

и т. д. размышленіе перешло къ изученію ихъ происхожденія, причинъ, слѣдствій и т. д. и образовало науку, называемую метеорологіей.

Отъ полученной черезъ чувства исторіи моря, земли, рѣкъ, потоковъ, горъ, прилива и отлива и т. д. размышленіе перешло къ изслѣдованію ихъ причинъ, происхожденія и т. д. и породило космологію или науку о вселенной, раздѣляющуюся на уранологію, или науку о небѣ, на аэрологію, или науку о воздухѣ, на геологію, или науку о материкахъ и на гидрологію, или науку о водахъ. Отъ полученной черезъ чувства исторіи рудниковъ размышленіе перешло къ изученію ихъ образованія, разработки и создало науку, называемую минералогіей. Отъ полученной помощью чувствъ исторіи растеній размышленіе перешло къ изслѣдованію ихъ устройства, размноженія, разведенія, произрастанія и т. д. и породило ботанику, вѣтвями которой являются земледѣліе и садоводство.

Отъ полученной посредствомъ чувствъ исторіи животныхъ размышленіе перешло къ изученію ихъ сохраненія, размноженія, употребленія, организаци и образовало науку, называемую зоологіей, откуда произошли медицина, ветеринарія и выѣздка лошадей (манежъ); охота, рыболовство и соколиная охота; простая и сравнительная анатомія. Медицина (согласно дѣленію Бургава) или занимается устройствомъ чловѣческаго тѣла и изучаетъ его анатомію, откуда рождается фізіологія; или занимается способомъ предохраненія его отъ болѣзней и называется гігіеной; или изучаетъ болное тѣло и разсматриваетъ причины, различія и симптомы болѣзней и называется патологіей; или имѣетъ предметомъ признаки жизни, здоровья и болѣзней, ихъ распознаваніе (діагнозъ) и предсказаніе (прогнозъ) и называется тогда семеіотикою; или обучаетъ искусству лѣчить и подраздѣляется на діету, фармацію и хирургию, три отрасли терапіи.

Гигіена можетъ разсматриваться относительно здоровья тѣла, его красоты, его силъ и подраздѣляется на гігіену въ собственномъ смыслѣ, косметику и атлетику. Косметика даетъ ортопедію, или искусство сообщать членамъ красивое устройство, а атлетика даетъ гимнастику, или искусство ихъ упражнять.

Отъ опытнаго знанія или отъ полученной черезъ посредство чувствъ исторіи внѣшнихъ, чувственныхъ, видимыхъ и т. д. качествъ естественныхъ тѣлъ размышленіе привело насъ къ искусственному изученію внутреннихъ и скрытыхъ свойствъ; и это искусство называется химіей. Химія подражательница и соперница природы; ея область столь же обширна, какъ сама природа: или она разлагаетъ существа, или она ихъ оживляетъ, или она ихъ преобразовываетъ и т. д. Химія породила алхимію и естественную магію. Металлургія, или искусство разсматривать металлы въ большихъ массахъ, составляетъ важную отрасль химіи. Можно еще сюда отнести красильное искусство.

Природа имѣетъ свои уклоненія и разсудокъ свои злоупотребленія. Уродливости мы отнесли къ уклоненіямъ природы; и къ злоупотребленіямъ разсудка

нужно отнести всё науки и искусства, которыя обнаруживаютъ только жадность, злобу и суевѣріе человѣка и которыя его позорятъ.

Вотъ вся философская часть человѣческаго знанія, которую нужно отнести къ разсудку.

ВООБРАЖЕНІЕ, ОТКУДА ПОЭЗІЯ.

Исторія имѣетъ предметомъ индивидуумы, реально существующіе или существовавшіе, а поэзія—индивидуумы, воображаемые посредствомъ подражанія историческимъ существамъ. Было бы, такимъ образомъ, неудивительно, если бы поэзія раздѣлялась согласно одному изъ дѣлений исторіи. Но различные виды поэзіи и различіе ея сюжетовъ даютъ намъ для нея два весьма естественныхъ дѣленія. Сюжетъ поэмы либо религіозный, либо мірской; или поэтъ рассказываетъ о минувшихъ вещахъ или, приводя ихъ въ дѣйствіе, дѣлаетъ ихъ настоящими; или, наконецъ, онъ облакаетъ въ плоть отвлеченныя и интеллектуальныя существа. Поэзія перваго изъ этихъ видовъ будетъ повѣствовательной; втораго—драматической и третьяго—параболической. Къ повѣствовательной поэзіи обыкновенно относятся эпическая поэма, мадригалъ, эпиграмма и т. д. Къ драматической—трагедія, комедія, опера, эклога и т. д. Къ параболической—аллегоріи.

П О Э З І Я.

I. Повѣствовательная. II. Драматическая. III. Параболическая.

Подъ поэзіей мы понимаемъ здѣсь только то, что является вымысломъ. Такъ какъ стихосложеніе можетъ существовать безъ поэзіи и поэзія безъ стихосложенія, то мы сочли необходимымъ разсматривать стихосложеніе какъ качество стилия и присоединить его къ ораторскому искусству. Обратное, мы отнесемъ архитектуру, музыку, живопись, скульптуру, гравированіе къ поэзіи; ибо не менѣе правильно сказать о художникѣ, что онъ поэтъ, чѣмъ о поэтѣ, что онъ художникъ, и о скульпторѣ или граверѣ, что онъ живописецъ выпуклости или углубленія, чѣмъ о музыкантѣ, что онъ живописуетъ звуками. Поэтъ, музыкантъ, живописецъ, скульпторъ, граверъ и т. д. подражаютъ или поддѣлываютъ природу; но одинъ пользуется рѣчью, другой красками, третій мраморомъ, мѣдью и т. д., а послѣдній инструментомъ или голосомъ.

Музыка бываетъ теоретическая и практическая, инструментальная и вокальная.

Что касается архитектора, то онъ только несовершенно подражаетъ природѣ симметрией своихъ произведеній. Объ этомъ было сказано выше въ самомъ разсужденіи

Поэзія имѣетъ свои уродливости, какъ природа; сюда можно причислить всё произведенія беспорядочнаго воображенія, которыя встрѣчаются во всѣхъ видахъ поэзіи.

Вотъ поэтическая часть человѣческаго знанія, которую можно отнести къ воображенію. Этимъ заканчивается наше генеалогическое раздѣленіе (или,

если угодно, общая карта) наукъ и искусствъ. Мы, пожалуй, опасались бы, что слишкомъ подробно описали ихъ, если бы насъ не успокаивала мысль о чрезвычайной важности хорошо познать самимъ и ясно изложить другимъ предметъ энциклопедіи.

ЗАМѢЧАНІЯ О РАЗДѢЛЕНІИ НАУКЪ

КАНЦЛЕРА БЭКОНА.

I. Во многихъ мѣстахъ «Проспекта Энциклопедіи» мы признали, что нашимъ энциклопедическимъ деревомъ мы, главнымъ образомъ, обязаны канцлеру Бэкону. Похвальное слово объ этомъ великомъ человѣкѣ, высказанное нами въ «Проспектѣ», какъ-будто способствовало популяризаціи произведеній англійскаго философа. Такимъ образомъ, столь формальное признаніе должно избавить насъ отъ обвиненій въ плагіатѣ, а также отъ подозрѣній въ таковомъ.

II. Тѣмъ не менѣе, это признаніе нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы много вещей, въ особенности, въ философской вѣтви не были позаимствованы и принадлежали исключительно намъ: читателю легко будетъ объ этомъ судить. Но, чтобы замѣтить отношеніе и различіе двухъ системъ, нужно не только изслѣдовать, говорятъ ли въ нихъ объ однихъ и тѣхъ же вещахъ, но также посмотришь, одинаково ли расположеніе. Всѣ энциклопедическія деревья сходственны по матеріалу; только порядокъ и распредѣленіе вѣтвей могутъ ихъ различать. Почти одни и тѣ же названія наукъ встрѣчаются въ деревѣ Чемберса 1) и въ нашемъ. Между тѣмъ, онѣ не имѣютъ ничего общаго.

III. Здѣсь рѣчь не идетъ о соображеніяхъ, въ силу которыхъ мы избрали другой порядокъ, чѣмъ Бэконъ. Нѣкоторыя мы привели выше; было бы слишкомъ долго останавливаться подробно на другихъ, въ особенности, въ такомъ вопросѣ, откуда произволъ не могъ бы быть совершенно исключенъ. Какъ бы то ни было, судить насъ въ этомъ отношеніи предстоитъ философамъ, т.-е. весьма немногочисленному кругу лицъ.

IV. Нѣкоторыя дѣленія, какъ раздѣленіе математики на чистую и смѣшанную, одинаковыя у насъ и у Бэкона, встрѣчаются всюду и, слѣдовательно, общеприняты. Наше дѣленіе медицины заимствовано у Бургава; это было оговорено въ «Проспектѣ».

V. Наконецъ, такъ какъ мы нѣсколько измѣнили дерево, представленное въ «Проспектѣ», то при сравненіи послѣдняго съ деревомъ Бэкона, нужно обратить вниманіе на эти измѣненія.

VI. Вотъ принципы, отъ которыхъ нужно отправляться, чтобы провести параллель между двумя деревьями съ нѣкоторой справедливостью и философскимъ тактомъ.

1) Эфраимъ Чемберсъ, авторъ англійской энциклопедіи, послужившей между прочимъ, матеріаломъ для «Энциклопедіи» Д'Аламбера и Дидро.

ОБЩАЯ СИСТЕМА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ЗНАНІЯ

по Бэкону.

Общее дѣленіе человѣческой науки на исторію, поэзію и философію сообразно тремъ способностямъ ума—памяти, воображенію, разсудку. Бэконъ замѣчаетъ, что это дѣленіе можетъ также примѣняться къ богословію. Въ одномъ мѣстѣ «Проспекта» была проведена эта идея; но затѣмъ она была оставлена, такъ какъ она оказалась болѣе остроумной, чѣмъ устойчивой.

I. Дѣленіе исторіи на естественную и гражданскую.

Естественная исторія раздѣляется на исторію произведеній природы, исторію уклоненій природы, исторію примѣненій природы или исторію искусствъ.

Второе дѣленіе естественной исторіи, основанное на ея дѣли и употребленіи, на исторію въ собственномъ смыслѣ и на пояснительную (гайзоппé) исторію.

Дѣленіе произведеній природы на исторію небесныхъ вещей, метеоровъ, воздуха, земли и моря, элементовъ и отдѣльных видовъ индивидуумовъ.

Дѣленіе гражданской исторіи на церковную, научную и гражданскую въ собственномъ смыслѣ.

Первое дѣленіе гражданской исторіи въ собственномъ смыслѣ на мемуары, древности и полныя исторіи.

Дѣленіе полной исторіи на хроники, жизнеописанія и сообщенія.

Дѣленіе повременной исторіи на общую и частную.

Другое дѣленіе повременной исторіи на лѣтописи и журналы.

Второе дѣленіе гражданской исторіи на чистую и смѣшанную.

Дѣленіе церковной исторіи на частную церковную исторію, исторію пророчествъ, содержащую пророчества и исполненіе и исторію того, что Бэконъ называетъ Немезидой или Провидѣніемъ, т.-е. замѣчаемаго иногда согласія между возвѣщенной откровеніемъ волей Бога и его тайной волей.

Дѣленіе части исторіи, обнимающей знаменитыя изреченія людей на письма и апофегмы (остроумныя изреченія).

II. Дѣленіе поэзіи на повѣствовательную, драматическую и параболическую.

III. Общее дѣленіе науки на священное богословіе и философію.

Дѣленіе философіи на науку о Богѣ, науку о природѣ и науку о человѣкѣ.

Первая философія или наука объ аксіомахъ, распространяющаяся на всѣ отрасли философіи. Другая вѣтвь этой первой философіи, разсматривающей трансцедентныя качества существъ: мало, много; подобно, различно; бытіе, небытіе.

Наука объ ангелахъ и духахъ, слѣдствіе науки о Богѣ, или естественное богословіе.

Дѣленіе естествознанія или естественной философіи на умозрительную и практическую науки.

Дѣленіе умозрительной науки о природѣ на частную фізику и метафізику; при чемъ первая имѣетъ предметомъ дѣйствующую причину и способъ; а метафізика—конечную причину и форму.

Дѣленіе фізики на науку о началахъ вещей, на науку объ образованіи вещей, или міра и на науку о разнообразіи вещей.

Дѣленіе науки о разнообразіи вещей на науку о конкретностяхъ и на науку объ отвлеченностяхъ.

Дѣленіе науки о конкретностяхъ на такія же вѣтви, какъ естественная исторія.

Дѣленіе науки объ отвлеченностяхъ на науку о частныхъ свойствахъ различныхъ тѣлъ, какъ плотность, легкость, тяжесть, упругость, мягкость и т. д. и на науку о движеніяхъ, перечень которыхъ у канцлера Бэкона очень длинный сообразно идеямъ схоластиковъ.

Отрасли умозрительной философіи, заключающіяся въ естественныхъ проблемахъ и мнѣніяхъ древнихъ философовъ.

Дѣленіе метафізики на науку о формахъ и на науку о конечныхъ причинахъ.

Дѣленіе пракческаго естествознанія на механику и естественную магію.

Отрасли пракческаго естествознанія, заключающіяся въ перечисленіи человѣческихъ богатствъ, естественныхъ или искусственныхъ, которыми люди пользуются или пользовались, и переписи тѣхъ, которыя могутъ быть открыты (Polychresta).

Важная вѣтвь естественной философіи, какъ умозрительной, такъ и практической, называемая математикой. Дѣленіе математики на чистую и смѣшанную. Дѣленіе чистой математики на геометрію и ариѳметику. Дѣленіе смѣшанной математики на перспективу, музыку, астрономію, космографію, архитектуру, науку о машинахъ, и на нѣкоторыя другія.

Дѣленіе науки о человѣкѣ на науку о человѣкѣ въ собственномъ смыслѣ и на гражданскую науку.

Дѣленіе науки о человѣкѣ на науку о человѣческомъ тѣлѣ и на науку о человѣческой душѣ.

Дѣленіе науки о человѣческомъ тѣлѣ на медицину, косметику, атлетику и на науку о чувственныхъ удовольствіяхъ.

Дѣленіе медицины на три части: на искусство сохранять здоровье, на искусство лѣчить болѣзни, на искусство удлиннить жизнь, на живопись, музыку и т. д. Отрасль науки объ удовольствіяхъ.

Дѣленіе науки о душѣ на науку о божественномъ движеніи, откуда произошла разсуждающая душа, и на науку объ ирраціональной душѣ, присущей одинаково какъ неорганизованной матеріи, такъ и произведенной изъ праха земного.

Другое дѣленіе науки о душѣ на науку о сущности души, на науку объ ея способностяхъ и на науку объ употребленіи и предметѣ ея способностей; изъ этой послѣдней вытекаютъ естественное и искусственное волшебства и т. д.

Дѣленіе способностей чувствующей души на движеніе и ощущение.

Дѣленіе науки объ употребленіи и предметѣ способностей души на логику и мораль.

Дѣленіе логики на искусство изобрѣтать, судить, задерживать и сообщать.

Дѣленіе искусства изобрѣтать на изобрѣтеніе наукъ или искусствъ и изобрѣтеніе аргументовъ.

Дѣленіе искусства судить на сужденіе путемъ индукціи и на сужденіе посредствомъ силлогизма.

Дѣленіе искусства силлогизма на анализъ и принципы, помогающіе легко отличить истину отъ лжи.

Наука объ аналогіи, вѣтвь искусства судить.

Дѣленіе искусства задерживать на науку о томъ, что можетъ помогать памяти и на науку о самой памяти.

Дѣленіе науки о памяти на предварительное понятіе (prenotion) и символъ.

Дѣленіе науки сообщать на науку объ орудіи рѣчи, на науку о способѣ рѣчи и на науку объ украшеніяхъ рѣчи или риторику.

Дѣленіе науки объ орудіи рѣчи на общую науку о знакахъ и на грамматику, раздѣляющуюся на науку объ устной и письменной рѣчи.

Дѣленіе науки о знакахъ на іероглифы и жесты и на реальныя буквы.

Второе дѣленіе грамматики на литературную и философскую.

Искусство стихосложенія и просодія, вѣтви науки объ устной рѣчи.

Искусство дешифрировать, отрасль искусства писать.

Критика и педагогика, вѣтви искусства сообщать.

Дѣленіе морали на науку о задачѣ, которую душа должна себѣ поставить, т.-е. о моральномъ благѣ, и на науку о культурѣ души. Авторъ дѣлаетъ относительно этого предмета много дѣленій, которыя бесполезно воспроизводить.

Дѣленіе гражданской науки на науку о бесѣдѣ, на науку о дѣлахъ и на науку о государствѣ. Мы опускаемъ ихъ дѣленія.

Авторъ заканчиваетъ нѣкоторыми размышленіями объ употребленіи священнаго богословія, которое онъ не раздѣляетъ на вѣтви.

Вотъ дерево канцлера Бэкона въ его естественномъ порядкѣ, безъ расчле-

ненія или перемѣны. Читатель видитъ, что въ статьѣ о логикѣ мы ближе всего держались этой системы, все же мы сочли долгомъ сдѣлать много измѣненій. Впрочемъ, повторяемъ, только философамъ предстоитъ насъ судить по поводу этихъ измѣненій, другіе наши читатели примуть, вѣроятно, мало участія въ этомъ вопросѣ, который необходимо было, однако, освѣтить, и они припомнятъ только формальное признаніе, которое мы сдѣлали въ «Проспектѣ», что нашимъ деревомъ мы, главнымъ образомъ, обязаны канцлеру Бэкону,—признаніе, которое должно расположить въ нашу пользу всякаго безпристрастнаго и незаинтересованнаго судью.

Наглядная система человеческих знаний.

УМЪ

ПАМЯТЬ

ИСТОРИЯ	Священная	Исторія пророчества	Мемуары
	Церковная		Древности
	Гражданская	Гражданская исторія въ собственномъ смыслѣ Научная исторія	Покаянная исторія
Естественная	Древняя и Новая		
	Однообразіе природы	Небесная исторія	Исторія
	Уклоненія природы	Метеоры Земли и моря Минералы Растенія Животныхъ Элементовъ	
Употребленія природы	Искусства Ремесла Мануфактура	Небесныя чудеса Чудовищные метеоры Чудеса на землѣ и на морѣ Уродливые минералы Уродливыя растенія Уродливыя животныя Чудеса элементовъ	Монетчики Золотобиты Прядильщики золота Волоочильщики золота Полупрозрачные Ювелиры Оправщики и т. д.
	Обработка и употребленіе золота и серебра		
	Обработка и употребленіе драгоценныхъ камней		Граньщики Алмазники Ювелиры и т. д.
	Обработка и употребленіе железа		Кузнечные горны Ремесла: слесарное, кузнечное, оружейное и т. д.
	Выдѣлка и употребленіе стекла		Стеклодѣланіе Наготовленіе зеркальныхъ стеколъ Зеркальщики Стекольщики Оптики и т. д.
	Выдѣлка и употребленіе шкуръ		Кожевники Замшевики Дубильщики Сыромятники Перчаточники и т. д.
	Обработка и употребленіе камня, гипса, асфиднаго камня и т. д.		Практическая архитектура Практическая скульптура Каменщики Кровельщики и т. д.
	Выдѣлка и употребленіе шелка		Бечеваніе Сученіе Производство бархата Затканная матерія и т. д.
	Выдѣлка и употребленіе шерсти		Суконщики Вязальщики и т. д.
	Выдѣлка и употребленіе и т. д.		

РАЗСУДОКЪ

Общая метафизика, или Онтологія, или наука о Сущемъ вообще, о Возможности, о Существованіи, о Продолжительности и т. д.

НАУКА О БОГѢ	Наука о богѣ	(Естественное богословіе)	Религія, откуда вслѣдствіе злоупотребленія	Суеверіе		
		(Откровенное богословіе)				
		Наука о алмазъ духа	Волшебство Черная магія			
	НАУКА О ЧЕЛОВѢКѢ	Всеобщая психаматологія или наука о душѣ	Разсуждающей Чувствующей			
			Искусство мыслить	Заключеніе Сужденіе Разсужденіе Методъ	Наука объ идеяхъ Наука о предложеніяхъ Индукція (выводъ) Доказательство Синтезъ	
		Искусство задерживать	Память	Естественная Искусственная	Предварительное понятіе Символъ	Искусства: писать, печатать, читать, дешифровать
			Добавленіе къ памяти	Письменность Книгопечатаніе	Азбука Шифръ	Орографія
		Искусство сообщать	Наука объ орудіи рѣчи	Грамматика	Знаки Просодія Построеніе Синтаксисъ Филологія Критика Педагогія	Буквы Идеографическія Геральдика или Геральдика
			Наука о качествахъ рѣчи	Риторика Техника поэзіи или Стихосложеніе		
			Общая	Наука о добрѣ и злѣ вообще. Обь обязанностяхъ вообще. О добродѣтели. О необходимости быть добродѣтельными.		
		Мораль	Частная	Наука о законахъ, или Юриспруденція	Естественная Экономическая Политическая	Торговля внутренняя, вѣнчанная, сухопутная и морская
				Метафизика тѣл или Общая Физика. О Протянженности, о Непроницаемости, о Движеніи, о Пустотѣ и т. д.		
			МАТЕМАТИКА	Чистая	Арифметика	Численная алгебра
		Геометрія			Элементарная	Военная архитектура Тактика
					Трансцендентная	Теорія кривыхъ
Смѣшанная	Механика	Статика		Статика въ собственномъ смыслѣ Гидростатика		
		Динамика		Динамика въ собственномъ смыслѣ Валлистика Гидродинамика Гидравлика Мореплаваніе Морская архитектура		
	Геометрическая астрономія	Космографія Хронологія Гномоника		Уранографія Географія Гидрографія		
	Оптика	Оптика въ собственномъ смыслѣ Диоптрика. Перспектива. Катоптрика				
Физио-математическія науки	Акустика					
	Пневматика					
	Искусство угадывать (Анализъ случайностей)					
НАУКА О ПРИРОДѢ (естественнознаніе)	Зоологія	Анатомія	Простая Сравнительная			
		Физиологія		Гигіена въ собственномъ смыслѣ Косметика (Ортопедія) Атлетика (Гимнастика)		
		Медицина	Гигіена			
			Патологія Семіотика			
		Терапія	Диета Хирургія Фармація			
	Ветеринарія Выдѣлка лошадей (манежъ) Охота Рыболовство Соколиная охота					
	Физическая астрономія. Астрологія	Астрологія судебъ Физическая астрологія				
		Метеорологія				
		Космологія	Уранологія Аэрологія Геологія Гидрологія			
		Ботаника	Земледѣліе Садоводство			
Минералогія						
Химія	Химія въ собственномъ смыслѣ (Пиротехника, Крашеніе и т. д.) Металлургія Алхимія Естественная магія					

ВООБРАЖЕНІЕ

ПОЭЗИЯ	Мірская	Поэтичность	Эпическая поэма Мазригалъ Эпиграмма Романъ и т. д.	Музыка	Теоретическая Практическая Инструментальная Вокальная
		Драматическая	Трагедія Комедія Опера Пастораль и т. д.	Живопись Скульптура Гражданская архитектура Гравированіе	
Религиозная	Параболическая	Аллегорія			

Оглавление.

	СТР.
Предисловіе проф. М. М. Ковалевскаго.	
I. Идея всеобщей исторіи, Иммануила Канта	1
II. Предполагаемое начало исторіи человечества, Иммануила Канта . . Начало исторіи, 17.—Замѣчаніе, 21.—Заключеніе исторіи, 24.—Заключи- тельное замѣчаніе, 26.	15
III. Послѣдовательные успѣхи человѣческаго разума, Тюрго	29
IV. Разсужденіе о всеобщей исторіи, Тюрго	47
Идея введенія, 49.—Образованіе правительствъ и смѣшеніе народовъ, 50.— Прогрессъ человѣческаго разума, 66.	
V. Очеркъ происхожденія и развитія наукъ, Д'Аламбера	95
Часть первая.—Происхожденіе наукъ.	
ГЛАВА I. Знанія прямыя и разсудочныя.—Прямыя знанія обусловлены ощу- щеніями.—Судьба этого принципа первыхъ философовъ: отношеніе къ нему въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія наукъ.—Пер- вичныя идеи: наше существованіе; существованіе внѣшняго міра.— Наше тѣло; вліяніе на насъ тѣлъ природы.—Сношенія съ себѣ по- добными.—Зарожденіе обществъ и изобрѣтеніе знаковъ.—Понятіе несправедливости, добра и зла.—Понятіе о «Я» и о Богѣ.—Про- исхожденіе интеллектуальныхъ идей	100
ГЛАВА II. Забота о сохраненіи нашего тѣла.—Зарожденіе земледѣлія и ме- дицины.—Роль любознательности.—Зарожденіе и причина прогресса физики.—Свойства тѣлъ.—Общія свойства: движеніе, непроницае- мость, протяженность, цвѣтъ и форма.—Пространство.—Геомет- рія.—Арифметика.—Алгебра.—Зарожденіе физико-математическихъ наукъ.—Астрономія.—Механика.—Систематизація.—Затрудненія при систематизаціи.—Общая и экспериментальная физика.—От- личіе ихъ отъ физико-математическихъ наукъ.—Злоупотребленіе примѣненіемъ алгебры къ физикѣ	104
ГЛАВА III. Два предѣла человѣческихъ знаній.—Необходимость откровенной религіи.—Достоверность математическихъ знаній.—Аксиомы.—Тео- ремы.—Связь математическихъ истинъ.—Физическія истины.—Со- вершенное знаніе	110
ГЛАВА IV. Логика.—Приобрѣтеніе и сообщеніе идей.—Выраженіе идей.— Языки.—Знаки.—Отвлеченныя термины.—Грамматика.—Сообщеніе страстей.—Краснорѣчіе.—Риторика.—Сообщеніе съ предшественни- ками и потомствомъ.—Исторія.—Хронологія.—Географія.—Важность изученія исторіи революцій и имперій.—Политика.—Трудность ея изученія.—Что такое философія	113

- Глава V. Воображеніе.—Подражаніе природѣ.—Живопись.—Скульптура.—Архитектура.—Отличіе послѣдней отъ первыхъ двухъ.—Поэзія.—Музыка.—Положеніе ея въ ряду изящныхъ искусствъ.—Разница между науками и искусствами.—Умозрѣніе и практика.—Наименованіе нашихъ знаній.—Что такое искусство.—Различіе между свободными и механическими искусствами.—Причины этого различія.—Полезность механическихъ искусствъ.—Судьба ихъ изобрѣтателей.—Изящныя искусства.—Различіе между ними и другими свободными искусствами (грамматикой, логикой, моралью).—Различія въ способѣ воспріятія и сужденія.—Очевидность.—Достоверность.—Вѣроятность.—Чувство.—Совѣсть.—Красота экспрессіи.—Вкусъ 116
- Глава VI. Генеалогическое или энциклопедическое дерево.—Трудность его образованія.—Прерывность нашихъ знаній.—Генеалогическій порядокъ не совпадаетъ съ энциклопедическимъ.—Характеръ одного и другого.—Достоинства энциклопедическаго дерева.—Неизбѣжность произвола въ общемъ дѣленіи 121
- Глава VII. Воспріятіе: предметы духовные и матеріальные.—Способности души: память, разумъ и воображеніе.—Первыя три дѣленія: исторія, философія, изящныя искусства.—Разумъ предшествуетъ воображенію.—Творчество ума.—Правила.—Разумъ въ конечномъ итогѣ приводитъ къ воображенію.—Духовныя существа: Богъ, сотворенные духи.—Человѣкъ.—Вселенная или природа.—Память:—Исторія Бога: священная (откровенная), церковная.—Исторія человѣка: гражданская (поступковъ), научная (знаній).—Исторія природы (однообразной и уродливой).—Исторія искусствъ.—Разумъ: Онтологія.—Наука о Богѣ.—Естественное и откровенное богословіе.—Наука о человѣкѣ.—Пневматологія (наука о душѣ) или частная метафизика.—Наука о природѣ.—Общія свойства тѣль.—Интеллектуальныя и матеріально-чувственныя стороны тѣль.—Общая физика.—Математика.—Частная физика.—Анатомія.—Земледѣліе.—Медицина и ихъ различныя вѣтви.—Воображеніе:—Изящныя искусства: живопись, скульптура, архитектура, поэзія, музыка.—Преимущества дѣленія по тремъ способностямъ.—Дерево литераторовъ: эрудиты, философы и беллетристы.—Взаимоотношеніе между представителями этихъ трехъ категорій.—Связь между науками въ энциклопедическомъ деревѣ.—Значеніе энциклопедическаго дерева 124

Часть вторая.—Развитіе наукъ.

- Глава VIII. Послѣдовательные успѣхи разума отъ эпохи возрожденія: эрудиція, изящныя искусства, философія.—Причины отличія этого порядка отъ энциклопедическаго. Средневѣковые поэты и философы.—Отношеніе ихъ къ древнимъ.—Предметы ихъ изученія.—Общія условія средневѣковой Европы.—Революція, предшествовавшая эпохѣ возрожденія.—Изученіе языковъ и исторіи.—Эрудиты.—Причины ихъ тщеславія.—Ихъ дѣйствительныя заслуги.—Поэты, ораторы, историки-латинисты.—Рабское копированіе древнихъ.—Испорченная латынь.—Усовершенствованіе народныхъ языковъ.—Уродованіе французскаго языка: Ронсаръ.—Прогрессъ французскаго языка: Малербъ, Бальзакъ, Корнель, Расинъ, Буало, Мольеръ, Лафонтенъ, Воссюэ.—Успѣхи изящныхъ искусствъ во Франціи: Пуссенъ, Пюже, Лесюёръ, Лебрюнъ, Кино, Люлли.—Возрожденіе живописи и скульптуры совершилось скорѣе, чѣмъ возрожденіе поэзіи и музыки. Музыка у древнихъ.—Заслуги Италіи 130
- Глава IX. Философія.—Болѣе позднее возрожденіе.—Различіе въ средствахъ воображенія и разсудка.—Схоластика.—Злоупотребленія духовенства.—Ложный взглядъ богослововъ относительно свѣтскихъ знаній.—Возведеніе личныхъ мнѣній въ догмы.—Инквизиція.—Джордано Бруно (см. прим.) 135

Глава X. Законъ. Занятіе естественными науками. Трактатъ «О достоинствѣ и объ увеличеніи человѣческихъ знаній». «Новый органонъ наукъ». «Догадки и мысли». Его снисходительность къ схоластическимъ воззрѣніямъ. Измѣненіе его энциклопедическаго дерева.—Декартъ. Его достоинства какъ реформатора. Преслѣдованіе его духовенствомъ.—Декартъ-математикъ: методъ неопредѣленностей, приложеніе алгебры къ геометріи.—Декартъ-философъ: переворотъ въ философіи.—Его методъ.—Диоптрика.—Вихри.—Метафизика.—Врожденныя идеи.—Ньютонъ: изгнаніе изъ физики догадокъ и гипотезъ. Примѣненіе опыта и геометріи. Изобрѣтеніе дифференціального и интегрального исчисления. Оптика. Всеобщее тяготѣніе. Теорія (система) міра.—Древніе и Ньютонъ.—Скрытыя качества.—Метафизика.—Локкъ. Творецъ метафизики.—Методъ самонаблюденія.—Трактатъ о человѣческомъ разумѣ.—Что такое метафизика? Причины незначительнаго прогресса этой науки.—Заключеніе исторіи развитія наукъ.—Другіе знаменитые философы: Галилей, Гарвей, Гюйгенсъ, Паскаль, Мальбраншъ, Бейль, Весаль, Сиденгамъ, Бургавъ.—Лейбницъ: стремленіе разрѣшать труднѣйшія проблемы.—Принципъ достаточнаго основанія.—Монады.—Предустановленная гармонія.—Оптимизмъ . . . . .

138

Глава XI. Великіе люди производятъ переворотъ въ наукахъ не при жизни. Примѣры: Законъ, Декартъ. Исключеніе—Ньютонъ. Причины.—Отношеніе Франціи къ Декарту.—Молодые геометры.—Судьба Локка.—Геній и посредственность.—Эрудиція.—Отношеніе къ этой наукѣ.—Единый научный языкъ.—Внѣшность философскихъ сочиненій.—Внутренняя научная сторона новыхъ произведеній по философіи.—Изгнаніе духа системъ.—Философскій духъ.—Распространеніе его на изящную словесность.—Трудность анализа страстей.—Анатомія души.—Слабость совершенныхъ произведеній въ сравненіи съ сочиненіями прошлаго вѣка.—Вольтеръ и другіе писатели.—Монтескье.—Успѣхи исторіи, комедіи, романа.—Прогрессъ изящныхъ искусствъ.—Рамо.—Ученныя общества.—Правильная ихъ организація.—Мнимые цѣнители.—Руссо. Отношеніе его къ культурѣ.—Возраженія ему . . . . .

146

Приложенія.

Подробное объясненіе системы человѣческихъ знаній	155
Общая система человѣческаго знанія по Закону	165
Наглядная система человѣческихъ знаній	169

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ по ЭПОХАМЪ и СТРАНАМЪ

въ СРЕДНІЕ ВѢКА и НОВОЕ ВРЕМЯ.

Подъ редакціей профессора **Н. И. КАРЪЕВА** и профессора **И. В. ЛУЧИЦКАГО**.
Настоящее изданіе представляет собою КОЛЛЕКЦИЮ небольшихъ (отъ 10 до

12 листовъ) историческихъ книжекъ.
Все изданіе дѣлится на ДВѢ СЕРІИ—эпохъ и странъ.

Участвуютъ въ составленіи книжекъ:

П. Н. Ардашевъ, Г. Е. Аванасьева, Т. Богдановичъ, Н. П. Борецкий-Бергфельдъ, И. Н. Гороздинъ, В. Е. Бузескулъ, В. И. Герье, И. М. Гревсъ, А. К. Дживелеговъ, Э. Д. Гриммъ, А. Н. Дубровский, Д. Н. Егоровъ, А. Я. Ефименко, Н. И. Карневъ, М. М. Ковалевскій, М. С. Корелинъ, Г. М. Кулишера, С. Г. Лозинскій, И. В. Луцицкій, К. Н. Любовичъ, П. Г. Мижуевъ, П. Н. Милюковъ, П. П. Митрофановъ, В. А. Мякотинъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій (†), Д. М. Петрушевскій, В. К. Пискорскій (†), А. Л. Погодина, А. Н. Савинъ, Е. В. Тарле, О. И. Успенскій, С. О. Фортунатовъ и др.

Вышли изъ печати слѣдующія сочиненія:

1. Исторія крестовыхъ походовъ, **О. И. Успенскаго**, ц. 1 р.
2. Паденіе античнаго міросозерцанія (культурный кризисъ въ Римской Имперіи), **М. С. Корелина**, ц. 1 р.
3. Исторія Италии въ средніе вѣка, **Е. В. Тарле**, ц. 1 руб. 25 к.
4. Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства (борьба съ Имперіей, паденіе), **М. С. Корелина**, ц. 1 р.
5. Исторія Италии въ новое время, **Е. В. Тарле**, ц. 1 р. 25 к.
6. Политическая исторія Франціи въ XIX вѣкѣ, **Н. И. Каръева**, ц. 1 р. 75 к.
7. Абсолютная монархія на Западѣ, **П. Н. Ардашева**, ц. 1 р. 25 к.
8. Средневѣковые города въ Западной Европѣ, **А. К. Дживелегова**, ц. 1 р. 50 к.
9. Исторія Испаніи и Португаліи, **В. К. Пискорскаго**, ц. 1 р. 75 к.
10. Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англии, **П. Г. Мижуева**, ц. 1 р. 50 к.
11. Очерки изъ исторіи англійскаго государства и общества въ средніе вѣка, **Д. Петрушевскаго**, ц. 1 р. 50 к.
12. Торговля на Западѣ въ средніе вѣка, **А. К. Дживелегова**, ц. 1 р. 50 к.
13. Исторія великой американской демократіи, **П. Г. Мижуева**, ц. 1 р. 75 к.
14. Исторія украинскаго народа, **А. Я. Ефименко**. Вып. I-ый, 9 рис. въ текстѣ и 12 на отд. табл., ц. 1 р. 50 к.
15. Тоже. Вып. II-ой, 7 рис. въ текстѣ и 12 на отдѣл. таблицахъ, ц. 1 р. 50 к.
16. Исторія Ирландіи, **Г. Аванасьева**, ц. 1 р. 75 к.
17. Паденіе стараго режима, **Эмэ Шерэ**. Выпускъ I-ый, ц. 1 р. 25 к.
18. Тоже. Вып. II-ой, ц. 1 р. 25 к.
19. Феодализмъ въ древней Руси, **Н. П. Сильванскаго**, ц. 1 р. 25 к.
20. Паденіе стараго режима, **Эмэ Шерэ**. Вып. III-ий, ц. 1 р. [redacted]
21. Тоже. Вып. IV-ый, ц. 1 р. [redacted]
22. Исторія Венгрии въ Средніе Вѣка и Новое Время, **Н. Борецкаго-Бергфельда**, ц. 1 р. 50 к.
23. Исторія современной Германіи, **А. К. Дживелегова**. Часть I (1750—1862), ц. 1 р. 75 к.
24. Революція 1848 года во Франціи. Часть I. Подготовку революціи, **проф. Э. Д. Гримма**, ц. 1 р.
25. Политическая исторія Англии въ XIX в., **П. Г. Мижуева**, ц. 1 р. 75 к.
26. Революція 1848 года во Франціи. Часть II. Февральская революція, **проф. Э. Д. Гримма**, ц. 1 р. 75 к.
27. Исторія Бельгии и Голландіи въ Новое время, **С. Г. Лозинскаго**, ц. 1 р. 25 к.
28. Исторія Румыніи, **Н. Борецкаго-Бергфельда**, ц. 1 р. 50 к.
29. Франція и Европа на грани XIX в., **Т. Богдановичъ**, ц. 1 р.
30. Исторія экономическаго развитія Германіи въ XIX вѣкѣ, **Вернера Зомбарта**. Выпускъ I, ц. 1 р. 50 к.
31. Исторія Сербіи, **проф. А. Л. Погодина**, ц. 1 р.
32. Исторія современной Германіи, **А. К. Дживелегова**. Часть II (1862—1910), ц. 1 р. 50 к.
33. Исторія Болгаріи, **проф. А. Л. Погодина**, ц. 1 р. 50 к.
34. Исторія Австріи, часть I. (Съ древнѣйшихъ временъ до 1792 г.), **П. Митрофанова**, ц. 1 р.
35. Промышленность и рабочій классъ на Западѣ въ XVI—XVIII ст. I. **М. Кулишера**, ц. 1 р. 50 к.

Разсрочка: ежемѣсячно по 2 руб. Пересылка на счетъ подписчика.

== НОВОЕ ИЗДАНИЕ ==

Акц. Общ. БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ. СПБ., Прачешный пер.,

При участіи профессоръ М. М. КОВАЛЕВСКАГО и Н. И. КАРЬЕВА.

СЕРІЯ ИЗЪ ПЯТИ ВЫПУСКОВЪ ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

РОДОНАЧАЛЬНИКИ ПОЗИТИВИЗМА

Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью ознакомить читателей съ первоисточниками и постепеннымъ развитіемъ позитивизма. Сюда вошли впервые являющіяся на русскомъ языкѣ, наиболѣе выдающіяся произведенія, разрабатывающія позитивныя идеи, начиная отъ Тюрго до Огюста Конта включительно.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

Выпускъ I. Предисловіе проф. М. М. Ковалевскаго.

I. Иммануиль Кантъ, «Идея всеобщей исторіи».

II. Его же, «Предполагаемое начало исторіи человѣчества».

III. Тюрго, «Послѣдовательные успѣхи человѣческаго разума».

IV. Его же, «Разсужденіе о всеобщей исторіи».

V. Д'Аламберъ, «Очеркъ происхожденія и развитія наукъ».

Выпускъ II. Сень-Симонъ, «Катехизисъ промышленниковъ» (3-я часть написана Огюстомъ Контомъ).

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Выпускъ III. 1) Сень-Симонъ, «Очеркъ науки о человѣкѣ». 2) Сень-Симонъ и Огюстенъ Тьери, «О преобразованіи европейскаго общества или о необходимости и средствахъ объединить всѣ европейскіе народы въ одно политическое тѣло, сохраняя каждому его національную независимость».

Выпускъ IV. Огюсть Контъ, «Общій обзоръ позитивизма». 1) «Курсъ позитивной философіи» (двѣ вступительныя лекціи). 2) «Общій обзоръ позитивизма»: часть 1-ая, «Основной духъ позитивизма»; часть 2-ая, «Соціальное назначеніе позитивизма, согласно его необходимому соотношенію съ совокупностью великой западной революціи».

Выпускъ V. Огюсть Контъ, «Общій обзоръ позитивизма»: часть 3-ья, «Значеніе позитивизма для народа»; часть 4-ая, «Отношеніе позитивизма къ женщинѣ»; часть 5-ая, «Эстетическая способность позитивизма». Общее заключеніе: «Религія Человѣчества».